

ISSN 2500-2902
URAL-ALTAIC STUDIES
УРАЛО-АЛТАЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

№ 1 (28) 2018

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН

МОСКВА

Ural-Altaic Studies
Урало-алтайские исследования

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Ural-Altaic Studies

Scientific Journal

№ 1 (28) 2018

Established in 2009
Published four times a year

Moscow

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2018

ISSN 2500-2902
ISBN 978-1-4632-0168-5

Урало-алтайские исследования

научный журнал

№ 1 (28) 2018

Основан в 2009 г.
Выходит четыре раза в год

Москва

© Институт языкознания Российской академии наук, 2018

CONTENTS

No 1 (28) 2018

Maria Bezenova. The Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language (1891): verbal morphology	7
Igor Kyzlasov. Inscriptions on the stele of Kopyonski chaatas in Khakassia (on the dating of the South Yenisei runic script).....	23
Sergey Maksimov. Secondary spatial cases in the Udmurt language: the evolution of research and terminology, and the reasons for their formation.	33
Maria Ovsjannikova. Encoding of two-place predicates' arguments in Forest Enets	49

DISCUSSIONS

Vadim Ponaryadov. On alternate suffix vowels in Udmurt	69
Yulia Normanskaya, Maria Bezenova. On the importance of the first missionary books for studies of the Udmurt language history. A discussion article on V. V. Ponaryadov's paper "On alternate suffix vowels in Udmurt"	78

PERSONALIA

Natalia Kondratieva, Olga Strelkova. <i>Labor est etiam ipse voluptas...</i> (on the occasion of the 50th birthday of the Udmurt linguist M. Samarova).....	89
Style sheet	94

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1 (28) 2018

М. П. Безенова. Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке (1891) (Ӗеч кыльӗс. Святой Тихонлэн ӗечлы дышетэм кыльӗсыз): глагольная морфология	7
И. Л. Кызласов. Надписи на стеле Копёнского чаатаса в Хакасии (К датировке южноенисейского рунического письма)	23
С. А. Максимов. Вторичные пространственные падежи в удмуртском языке: эволюция исследования и терминологии, причины формирования	33
М. А. Овсянникова. Кодирование участников при двухместных предикатах в лесном диалекте энецкого языка.....	49

ДИСКУССИИ

В. В. Понарядов. О двойных огласовках удмуртских суффиксов	69
Ю. В. Норманская, М. П. Безенова. О важности первых миссионерских книг для изучения истории удмуртского языка. Дискуссионная заметка к статье В. В. Понарядова. «О двойных огласовках удмуртских суффиксов»	78

PERSONALIA

Н. В. Кондратьева, О. Б. Стрелкова. <i>Labor est etiam ipse voluptas...</i> (к 50-летию со дня рождения удмуртского лингвиста М. А. Самаровой)	89
Требования к оформлению статей.....	94

Главный редактор

А. В. Дыбо

(д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН)

Заместитель главного редактора

Ю. В. Норманская

(д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

В. Ю. Гусев (к.ф.н., Институт языкознания РАН), П. П. Дамбуева (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), Е. В. Кашкин (к.ф.н., Институт русского языка РАН), О. А. Мудрак (д.ф.н., проф., Российский государственный гуманитарный университет), С. А. Мызников (д.ф.н., проф., Институт лингвистических исследований РАН), И. Николаева (PhD, Школа восточных и африканских исследований, Великобритания), Ф. Ш. Нуриева (д.ф.н., проф., Казанский (Приволжский) федеральный университет), Г. Ц. Пюрбеев (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), М. Роббеетс (PhD, Лейденский университет, Нидерланды), И. Я. Селютина (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), Р. А. Тадинова (д.ф.н., доц., Институт языкознания РАН), З. Н. Экба (к.ф.н., Институт языкознания РАН), А. Б. Шлуинский (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционный совет

В. М. Алпатов (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН), А. Е. Аникин (д.ф.н., чл.-корр. РАН, Институт филологии СО РАН), Р. Г. Ахметьянов (д.ф.н., проф., Бирский государственный педагогический институт), М. Бакро-Надь (проф., Университет Сегеда, Венгрия), В. Блажек (проф., Масариков университет, Чехия), Т. М. Гарипов (д.ф.н., чл.-корр. НАН РБ, Башкирский государственный педагогический институт им. М. Акмуллы), Н. И. Егоров (д.ф.н., проф., Чувашский государственный институт гуманитарных наук), И. В. Кормушин (д.ф.н., проф., Институт языкознания РАН), И. Л. Кызласов (д.и.н., проф., Институт археологии РАН), Й. Лааксо (проф., Венский университет, Австрия), К. М. Мусаев (д.ф.н., чл.-корр. РАЕН, Институт языкознания РАН), И. А. Невская (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия), Т. Ризе (проф., Венский университет, Австрия), Е. К. Скрибник (проф., Мюнхенский университет, Германия), П. А. Слепцов (д.ф.н., проф., акад. НАН РСЯ, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН), М. Стаховски (проф., Краковский университет, Польша), Ф. Г. Хисамитдинова (д.ф.н., проф., Институт истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН), Л. Хонти (проф., Будапештский университет, Венгрия), Н. Н. Ширококова (д.ф.н., проф., Институт филологии СО РАН), К. Шониг (проф., Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия), М. Эрдал (проф., Франкфуртский университет им. Иоганна Вольфганга Гёте, Германия)

Editor-in-Chief

Anna Dybo

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Yulia Normanskaya

(Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

Polina Dambueva (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Zarema Ekba (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Valentin Gusev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Egor Kashkin (Institute of the Russian language, Russian Academy of Sciences), Oleg Mudrak (Russian State University for the Humanities), Sergey Myznikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences), Irina Nikolaeva (School of Oriental and African Studies, Great Britain), Fanuza Nurieva (Kazan (Volga region) Federal University), Grigoriy Pyurbuev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Martine Robbeets (Leiden University, Center for Linguistics, Institute for Area Studies, the Netherlands), Irina Selyutina (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Andrey Shluinski (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Roza Tadinova (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Advisory Board

Rinat Ahmet'yanov (Birk State Pedagogical Institute), Vladimir Alpatov (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Alexandr Anikin (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marianne Bakró-Nagy (University of Szeged, Hungary), Václav Blažek (Masaryk University, Czech Republic), Nikolay Egorov (Chuvash State Institute for the Humanities), Marcel Erdal (Goethe University Frankfurt, Germany), Talmas Garipov (M. Akmulla Bashkir State Pedagogical University), Firdaus Hisamitdinova (Institute of History, Language and Literature, Ufa Scientific Centre of Russian Academy of Sciences), László Honti (University of Budapest, Hungary), Igor Kormushin (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Igor Kyzlasov (Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences), Johanna Laakso (University of Vienna, Austria), Kenesbay Musaev (Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences), Irina Nevskaya (Goethe University Frankfurt, Germany), Timothy Riese (University of Vienna, Austria), Klaus Schönig (Humboldt University of Berlin, Germany), Natalia Shirobokova (Institute of Philology, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Elena Skribnik (University of Munich, Germany), Piotr Slepsov (Institute of Humanities Research and Indigenous Studies of the North, the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences), Marek Stachowski (Krakow University, Poland)

**«Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке» (1891)
 («Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз»):
 глагольная морфология¹**

Представленная статья является непосредственным продолжением предыдущей работы [Безенова 2017], в которой была рассмотрена именная морфология перевода на удмуртский язык «Наставления христианского святителя Тихона на вотском языке» (1891). В данной работе мы более подробно остановимся на описании глагольной морфологии памятника.

Напомним, что анализ графических, вокалических и консонантных особенностей «Наставления...» в предыдущих работах [Безенова 2016а, 2016б] позволил нам предположить, что в основе языка памятника лежит диалект, продолжением которого является современный шошминский говор периферийно-южного диалекта удмуртского языка.

1. Залоги глагола

1.1. Возвратный и невозвратный залог

Возвратный залог в современном удмуртском языке и в большинстве его диалектов образуется от переходных глаголов при помощи суффиксов *-иськ(ы)-*/*-йськ(ы)-*, *-ск(ы)-* (I спряжение²) и *-ськ(ы)-* (II спряжение). Эти формы противопоставлены глаголам невозвратного залога, имеющим нулевой показатель.

В памятнике для образования форм возвратного залога употреблены следующие маркеры:

1) *-ыск(ы)-* (от глаголов I спряжения):

вордыскем ‘он родился, оказывается’ [с. 15, строка 10] — литер. *вордйськем/вордйськемез* (ср. МУ *vordiškini* ‘родиться’ [Wichmann 1987: 323]);

курыскыса ‘прося’ [с. 3, строка 20; с. 48, строка 16; с. 63, строка 8] — литер. *куриськыса*;

лукыскомы ‘мы расстанемся’ [с. 29, строка 14] (также и в трех других формах слова *люкиськыны* ‘расстаться, расставаться, разлучаться’) — литер. *люкиськомы* (ср. МУ *lukiškini* ‘расставаться’ [Wichmann 1987: 152]) и др.

Как видим, данному показателю в памятнике соответствует литер. *-иськ(ы)-*/*-йськ(ы)-*. В «Наставлении...» встречается лишь одна форма возвратного залога с маркером *-иск-*:

вӧлдишкизке ‘если распространился’ [с. 39, строка 9] — литер. *вӧлдйськиз ке* (ср. *вӧлдышкоз* ‘распространится’ [с. 39, строка 6] — литер. *вӧлдйськоз*) (ср. МУ *vӧldiškini* ‘распространяться’ [Wichmann 1987: 315]).

В целом, для удмуртских диалектов характерно соответствие сдз. *ы* — юдз. *и* в пределах некоторых маркеров, в число которых входят показатели элатива и эгрессива, суффиксы возвратного залога, форм настоящего времени 1-го и 2-го лица, причастий настоящего времени и форм 3-го лица множественного числа прошедшего неочевидного времени, образованные от глаголов I спряжения (подробнее см. [Кельмаков 2006: 66—67]). При этом принято считать, что данное соответствие возникло «в результате изменения первичного *ы* перед палатальными согласными в *и* в южной диалектной зоне при сохранении его (*ы*) в северной диалектной зоне без изменения» [Кельмаков 2006: 66]. Представляется, что рассматриваемый материал подтверждает гипотезу В. К. Кельмакова, поскольку в данном тексте памятника на периферийно-южном диалекте в большинстве случаев зафиксирован показатель *-ыск(ы)-* и лишь один раз представлен *-иск-*. Можно предположить, что в памятнике представлен архаический вариант еще до перехода *ыск(ы) > иск(ы)*, характерного для южно-удмуртской территории, но эта гипотеза нуждается в проверке по другим первым кириллическим книгам.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00119 А «Создание интерактивного атласа по уральским языкам» (рук. Ю. В. Норманская).

² Глаголы I спряжения отличаются от глаголов II спряжения конечной гласной основы, которая стоит перед инфинитивным маркером *-ны*. Глагольные основы с финальной *-ы-* относятся к I спряжению (напр., *мыныны* ‘идти, пойти’, *курыны* ‘попросить, просить’, *сылыны* ‘стоять’ и др.), а с *-а-/-я-* — ко II спряжению (напр., *ужаны* ‘поработать, работать’, *дйяны* ‘одеть, одевать’, *кораны* ‘срубить, вырубить, рубить, вырубать’ и др.).

2) **-сқ(ы)-** (от глаголов II спряжения):

верасқысқоды ‘говорите’ [с. 45, строка 10] (также и в других пяти формах слова *верасқыны* ‘поговорить, говорить, разговаривать’) — литер. *верасқысқоды* (ср. МУ *veraşkinj* ‘разговаривать’ [Wichmann 1987: 313]);

вөсясқыны ‘помолиться’ [с. 3, строка 20; с. 48, строка 21; с. 62, строка 5; с. 62, строка 8; с. 62, строка 12; с. 62, строка 19; с. 63, строка 5; с. 63, строка 6; с. 63, строка 8] (также и в шести формах этого слова) — литер. *вөсясқыны* (ср. МУ *vöşaşkinj* ‘молиться’ [Wichmann 1987: 315]);

диңсқы ‘одевайся’ [с. 32, строка 16] (также и в другой форме слова *дйісқыны* ‘одеться, одеваться’) — литер. *дйісқы* и др.

Суффикс **-сқ(ы)-** также представлен в двух словоформах, образованных от глаголов I спряжения:

дышеқкисез ‘его ученик’ [с. 15, строка 24] — литер. *дышетскисез* (от глагола *дышетыны* ‘учить, обучить, обучать’) (ср. МУ *dışeşkinj* ‘учиться’, *dışeşkiş* ‘ученик’ [Wichmann 1987: 35]);

тупасқыны ‘исправиться’ [с. 58, строка 13] — литер. *тупатскыны* (от глагола *тупатыны* ‘починить, исправить’).

Как отмечает В. К. Кельмаков, «залоговый суффикс глаголов I спряжения, в особенности в сочетании с основами на финальный *-ты-(ны)*, имеет ряд диалектных вариантов. В «чистом» виде он выступает лишь в буйско-таныпском и татышлинском говорах, напр.: бт. *дышэт-ис'кы-ны*, татш. *дышэт-ис'кь-нь* ‘учиться, обучаться’ (бт. *дышэты-ны*, татш. *дышэть-нь* ‘учить, обучать’); бт. *кут-ис'кы-ны*, татш. *кут-ис'кь-нь* ‘взяться, схватиться’ (бт. *куты-ны*, татш. *куть-нь* ‘поймать, схватить’) и др.» [Кельмаков 2006: 140—141]. Такая особенность, при котором от глаголов I спряжения формы возвратного залога образуются с помощью суффикса **-с'к(ы)-** и параллельно происходит выпадение конечного *-т-* основы, отмечена в современном кукморском говоре периферийно-южного диалекта и в некоторых центрально-южных говорах. К сожалению, в памятнике представлены лишь два случая употребления данного суффикса, но, вероятно, это явление носит инновационный характер.

В тексте памятника в нескольких словоформах присутствует еще один маркер, который также образует возвратный залог от глаголов I спряжения. Это показатель **-чк(ы)-**, который на сегодняшний день характерен для кырымасских и граховских говоров центрально-южного диалекта и верхнечепецких говоров северного наречия.

3) **-чк(ы)-**:

ачкытэк ‘не показываясь’ [с. 11, строка 9; с. 41, строка 9; с. 57, строка 13] (также и в других трех формах слова *адзисқыны* ‘показаться, казаться’) — литер. *адзисқытэк* (ср. МУ *at'şkinj*, *aşkinj* ‘встречаться’ [Wichmann 1987: 3]);

*берыкчем*³ ‘он повернулся, оказывается’ [с. 27, строка 8] — литер. *берыктыськем/берытскем* (ср. МУ *berit'şkinj*, *berişkinj* ‘воротиться’ [Wichmann 1987: 19]);

эн кучкы ‘не начинай’ [с. 23, строка 3; с. 23, строка 12; с. 23, строка 18] (также и в других девяти формах слова *кутскыны/кутыськыны* ‘начинать, приступать; начаться, начинаться’) — литер. *эн кутыськы/эн кутскы* (ср. МУ *kut'şkinj* ‘начинать’ [Wichmann 1987: 136]).

1.2. Понудительный и непонудительный залог

Понудительный залог в современном удмуртском языке и в большинстве его диалектов образуется присоединением к основе глагола суффикса **-т(ы)-**. Некоторые отклонения от литературной нормы, по данным В. К. Кельмакова, встречаются в закамском, кукморском и бавлинском говорах периферийно-южного диалекта, где «глаголы тюркского происхождения образуют понудительный залог посредством заимствованного суффикса *-дыры/-тыры*, напр., кукм. *азь-нь* ‘воспалиться, разболеться’ (о ране) — *аз-дърь-нь* ‘вызвать воспаление, воспалить’» [Кельмаков 2006: 142]. Такой суффикс характерен и для некоторых центрально-южных говоров, в частности для граховских, в которых формы с заимствованным показателем используются параллельно с формами с исконным маркером *-т(ы)-*, напр. «*паймытын ~ паймыттырын* ‘удивить, заставить удивиться’, *кэл'ыштын ~ кэл'ыштырын* ‘облюбовать, заставить понравиться’, *безытын ~ бездырын* ‘отучить, отвадить’» [Атаманов 1981: 52].

В тексте памятника глаголы понудительного залога, аналогично литературным формам, образуются присоединением элемента **-т(ы)-**:

вурyto ‘заставлю сшить’ [с. 32, строка 5] — литер. *вурyto*;

оскыты ‘заставь верить’ [с. 4, строка 2] — литер. *оскыты*;

ужатыса ‘заставляя работать’ [с. 20, строка 12] — литер. *ужатыса* и др.

³ В данном случае, видимо, представлена метатеза (*берыкчем* > *берыкчем*).

2. Категория наклонения и временные формы

В современном удмуртском литературном языке и в большинстве диалектов традиционно выделяют три наклонения: изъявительное, условное и повелительное. Однако в памятнике, возможно, помимо трех вышеперечисленных, представлено еще одно наклонение — желательное.

2.1. Желательное наклонение

«Для финно-угорского, как и для прауральского, периода восстанавливают три наклонения» [ОФУЯ 1974: 311]. По мнению некоторых ученых, в отдельных говорах удмуртского языка, кроме трех основных (изъявительного, повелительного и условного), встречаются также формы желательного наклонения.

Полная парадигма утвердительных и отрицательных форм желательного наклонения В. К. Кельмаковым отмечена в кукморском, кырыкмасских говорах, в говоре д. Муважи Алнашского района Удмуртской Республики и в некоторых других южных говорах. Относительно срединных говоров, северного и бесермянского наречий, В. К. Кельмаков отмечает, что «в них, как правило, сохранилась лишь форма 3-го лица, которая впоследствии была втянута в парадигму повелительного наклонения. Причем в отрицательном аспекте для выражения 3-го лица употребляется отрицательная вспомогательная часть как 1-го лица (*медам*), так и 3-го лица (*медаз*) (что несомненно свидетельствует о распаде в этих говорах некогда существовавшей целостной парадигмы), напр.: *мэдам мын ~ мэдаз мын* ‘пусть он не идет’» [Кельмаков 2006: 146].

Вероятно, желательное наклонение представлено и в тексте «Наставления...», несмотря на то, что некоторые формы отсутствуют (см. таблицу 1).

Таблица 1

Примеры из памятника глагольных форм в желательном наклонении

Лицо	Единственное число	Множественное число
Утвердительные формы		
1	<i>мед кулом вал</i> ‘пусть бы я умер’ [с. 30, строка 8] <i>мед пыром вал</i> ‘пусть бы я вошел’ [с. 30, строка 11] <i>мед улом вал</i> ‘пусть бы я прожил’ [с. 30, строка 7]	не зафиксировано
2	не зафиксировано	не зафиксировано
3	<i>мед будытоз вал</i> ‘пусть бы он вырастил’ [с. 22, строка 14; с. 22, строка 16] <i>мед виддоз вал</i> ‘пусть бы он обновил’ [с. 43, строка 7] <i>мед кароз вал</i> ‘пусть бы он сделал’ [с. 49, строка 3] <i>мед кушитоз вал</i> ‘пусть бы он бросил’ [с. 40, строка 17] <i>мед сотоз вал</i> ‘пусть бы он дал’ [с. 43, строка 8]	<i>мед карозы вал</i> ‘пусть бы они сделали’ [с. 18, строка 19]
Отрицательные формы		
1	<i>медам вўы вал</i> ‘пусть бы я не оказался’ [с. 30, строка 9] <i>медам лукыскы вал</i> ‘пусть бы я не разлучился’ [с. 42, строка 1]	не зафиксировано
2	<i>(тон) медам лўы вал</i> ‘пусть бы (тебя) не было’ [с. 35, строка 21]	не зафиксировано
3	не зафиксировано	<i>медаз карелэ вал</i> ‘пусть бы они не делали’ [с. 18, строка 16]

2.2. Повелительное наклонение

В удмуртском литературном языке и в его диалектах утвердительные глагольные формы повелительного наклонения в единственном числе не имеют особых морфологических маркеров. Они представляют собой глагольные основы, в которых ударение переходит на первый слог слова (напр., литер. *кырза* ‘пой’, *ўжа* ‘работай’, *сўлты* ‘вставай’, *лыдзы* ‘читай’ и т. д.). Аналогичные словоформы представлены и в тексте «Наставления...», напр.:

вожы ‘держи’ [с. 12, строка 12] — литер. *вожы/возь*;
дугды ‘прекрати’ [с. 9, строка 11; с. 25, строка 16; с. 26, строка 3; с. 38, строка 22] — литер. *дугды* (ср. MU *dugd al'i, őžyt mīnom al'i* ‘подожди (досл. остановись), мы немного пройдем’ [Wichmann 1987: 38]);
мискы ‘смой’ [с. 38, строка 10] — литер. *мискы*;

вожма ‘защищай’ [с. 32, строка 14; с. 34, строка 10; с. 39, строка 15; с. 42, строка 2; с. 48, строка 18; с. 62, строка 1; с. 63, строка 11] — литер. *возьма*;

дася ‘готовь’ [с. 29, строка 6] — литер. *дася*;

ужа ‘трудись’ [с. 5, строка 8; с. 7, строка 6; с. 7, строка 13] — литер. *ужа* и др.

При этом в памятнике в некоторых случаях представлено параллельное употребление подобных форм с наличием/отсутствием конечной гласной основы *-ы*, ср.:

кут [с. 6, строка 22; с. 35, строка 5; с. 55, строка 4] и *куты* [с. 35, строка 15] — литер. *куты/кут* ‘бери’ (ср. MU *d'žet'sse ku'tj* ‘хорошее бери’ [Wichmann 1987: 38]);

çot [с. 17, строка 1; с. 61, строка 20] и *çоты* [с. 35, строка 16] — литер. *сёты/сёт* ‘дай’;

шү [с. 13, строка 21; с. 13, строка 23; с. 14, строка 2; с. 14, строка 5; с. 14, строка 10; с. 14, строка 13; с. 14, строка 16] и *шүы* [с. 14, строка 8] — литер. *шуы/шу* ‘говори’ и др.

Данная тенденция характерна и для литературного языка, где конечная гласная основы глаголов I спряжения зачастую отпадает при условии отсутствия в корне двух рядом стоящих согласных.

Формы множественного числа как в литературном удмуртском языке, так и в его диалектах, образуются от глаголов I спряжения с помощью суффикса *-ә/-е* (может прибавляться еще дополнительный показатель *-лә*), а от глаголов II спряжения примыканием к глагольной основе показателя *-лә*. В «Наставлении...» маркерами повелительного наклонения во множественном числе являются:

1) *-елә/-элә* (от глаголов I спряжения):

вожәлә ‘держите’ [с. 55, строка 20] — литер. *возе/возелә*;

курелә ‘попросите’ [с. 61, строка 8] — литер. *куре/курелә*;

мынәлә ‘идите’ [с. 48, строка 6] — литер. *мынә/мынәлә* и др.

2) *-лә* (от глаголов II спряжения):

лыгалә ‘постучите’ [с. 61, строка 9] — литер. *йыгалә*;

налпалә ‘подумайте’ [с. 53, строка 8] — литер. *малпалә*;

утчалә ‘ищите’ [с. 61, строка 8] — литер. *утчалә* и др.

Отрицательные формы повелительного наклонения образуются путем сочетания соответствующих утвердительных форм с предшествующим неизменяемым глаголом отрицания *ән*, напр.:

ән басты ‘не бери’ [с. 49, строка 1] — литер. *ән басьты*;

ән ләжы ‘не разрешай’ [с. 42, строка 23] — литер. *ән лэзьы/ән лэзь*;

ән улы ‘не живи’ [с. 6, строка 13; с. 37, строка 9; с. 45, строка 2; с. 45, строка 3; с. 45, строка 17; с. 50, строка 8] — литер. *ән улы/ән ул*;

ән вера ‘не говори’ [с. 8, строка 24; с. 9, строка 2] — литер. *ән вера*;

ән пажә ‘не разбрасывай’ [с. 35, строка 3] — литер. *ән пазя*;

ән ужа ‘не трудись’ [с. 7, строка 8; с. 7, строка 14] — литер. *ән ужа*;

ән курлалә ‘не осуждайте’ [с. 45, строка 7] — литер. *ән курлалә*;

ән лүәлә ‘не будьте’ [с. 52, строка 12] — литер. *ән лүә/ән лүәлә*;

ән уләүе ‘не живите’ [с. 61, строка 15] — литер. *ән улә/ән уләлә* и др.

В «Наставлении...», как в современном литературном языке и в диалектах удмуртского языка, представлен также аналитический способ образования форм повелительного наклонения с помощью препозитивных частиц *мед* и *медаз*. В отличие от синтетического способа, с помощью которого образуются формы повелительного наклонения исключительно второго лица, данные конструкции могут также обозначать действия, относимые к первому и третьему лицу, напр.:

мед луоз ‘пусть будет’ [с. 37, строка 16] — литер. *мед луоз* (ср. шoшм. *пил'эмо мэд луоз* ‘пусть будет облачно’ [Кельмаков 2006: 246]);

мед улоз ‘пусть он живет’ [с. 33, строка 19] — литер. *мед улоз*;

мед уломы ‘пусть мы проживем’ [с. 49, строка 14] — литер. *мед уломы*;

мед улоды ‘пусть вы проживете’ [с. 46, строка 18] — литер. *мед улоды*;

медаз улы ‘пусть он не живет’ [с. 33, строка 11] — литер. *медаз улы*;

медаз кары ‘пусть он не делает’ [с. 37, строка 24] — литер. *медаз кары*;

медаз оскы ‘пусть он не верит’ [с. 34, строка 23] — литер. *медаз оскы*;

медаз лыкты ‘пусть он не придет’ [с. 33, строка 16] — литер. *медаз лыкты*;

медаз налпа ‘пусть он не думает’ [с. 33, строка 9] — литер. *медаз малпа*.

2.3. Условное наклонение

Показателем условного наклонения в современном литературном удмуртском языке и в его диалектах является суффикс *-сал*, а во множественном числе к ним примыкают также личные маркеры *-мы*, *-ды*, *-зы*. В «Наставлении...» утвердительных форм условного наклонения нами не зафиксировано.

В тексте памятника присутствует лишь несколько отрицательных форм третьего лица единственного числа, которые, как и в литературном языке и в его диалектах, образуются примыканием к утвердительной форме препозитивного отрицательного глагола *öй*, напр.:

öй лұысал ‘не был бы’ [с. 10, строка 19; с. 48, строка 19; с. 61, строка 2] — литер. *öй лұысал*;

öйке карысал ‘если бы он не делал’ [с. 10, строка 18] — литер. *öй ке карысал*;

öйке қотысал ‘если бы он не дал’ [с. 48, строка 18] — литер. *öй ке сөтысал*;

öйке луртысал ‘если бы он не помог’ [с. 61, строка 2] — литер. *öй ке юртысал*.

Отметим также, что в современных удмуртских говорах, чаще в южных, как утвердительные, так и отрицательные формы условного наклонения могут изменяться по лицам и в единственном числе: «или по всем трем лицам (напр., круф.: -э, -эд, -эз), или по двум (напр., кркм.: -ø, -ьд, -ьз), или имеют особый показатель лишь во 2-м лице (напр., кукм.: -ø, -ьд, -ø)» [Кельмаков 2006: 147]. При этом для говоров северного наречия и многих срединных говоров характерно отсутствие личных показателей в единственном числе (напр., *ужасал* ‘я бы работал’, ‘ты бы работал’, ‘он бы работал’).

2.4. Изъявительное наклонение

Глаголы изъявительного наклонения изменяются по временам. В литературном удмуртском языке существует четыре простые временные формы: настоящее, будущее, первое прошедшее (очевидное) и второе прошедшее (неочевидное). Все перечисленные формы представлены и в тексте «Наставления...».

2.4.1. Настоящее время

В удмуртском литературном языке в утвердительных формах показателем настоящего времени глаголов I спряжения в первом и во втором лице единственного и множественного числа является суффикс *-исько/-йсько*, у глаголов II спряжения — *-сько*. К основе глаголов в третьем лице единственного числа присоединяется маркер *-э/-е* (I спряжение), а множественного числа — *-о/-ё* (I спряжение) или *-ло* (II спряжение). Эти показатели, примыкающие к глагольным основам в третьем лице, одновременно указывают на грамматические категории времени, лица и числа (подробнее см. [УКК 2011: 170—174]). Отрицательные формы представляют собой конструкции, состоящие из знаменательного и вспомогательного отрицательного глагола, который изменяется по лицам и числам (см. таблицы 2—3). Подобный способ образования форм настоящего времени характерен и для большинства современных удмуртских говоров. Однако в некоторых случаях «суффикс настоящего времени 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа *-(и)с'к-* в глаголах I спряжения пережил в диалектах почти те же самые фонетические модификации, что и возвратный суффикс *-(и)с'кы* в структуре глаголов I спряжения» [Кельмаков 2006: 148].

Из приведенных в таблицах 2—3 примеров видно, что в тексте «Наставления...» в соответствии с литер. *-исько/-йсько* функционирует *ы*-овый вариант этого суффикса — *-ыско*, который, как и показатель форм возвратного залога от глаголов I спряжения *-ыск(ы)-*, рассмотренный нами выше, имеет, скорее всего, архаичный характер.

2.4.2. Будущее время

В литературном языке и в его диалектах маркером будущего времени утвердительных форм являются суффиксы *-о* (I спряжение) и *-ло* (II спряжение) (подробнее см. [УКК 2011: 174—177]). В таблицах 4 и 5 приведены примеры из памятника, демонстрирующие функционирование аналогичных показателей и в тексте «Наставления...». Отрицательные формы в памятнике также соответствуют современным литературным нормам, то есть представляют собой сочетания знаменательного глагола и изменяемой части — вспомогательного отрицательного глагола (см. таблицы 4—5).

2.4.3. Первое прошедшее (очевидное) время

В современном литературном языке и в его диалектах показателем первого прошедшего времени глаголов I спряжения является суффикс *-и/-й-*. Для глаголов II спряжения первого лица единственного числа в прошедшем очевидном времени характерен маркер *-й*, для остальных форм свойственен нулевой показатель. Отрицательные формы, как и в предыдущих случаях, образуются путем сочетания знаменательного глагола со вспомогательным отрицательным глаголом, который одновременно указывает на время, лицо и число. В тексте памятника каких-либо особых отклонений в формах прошедшего очевидного времени нами не выявлено (см. таблицы 6—7).

Таблица 2

Глаголы I спряжения в настоящем времени

Число	Лицо	Примеры из памятника	Литературные соответствия				
			Отриц. глагол	Основа глагола	Показатель времени	Показатель лица	Показатель числа
Утвердительные формы							
Единственное	1	<i>куитыско</i> ‘бросаю’ [с. 50, строка 21] <i>улыско</i> ‘живу’ [с. 4, строка 23] <i>лыбыртыско</i> ‘молюсь’ [с. 15, строка 1]		<i>куит-</i> <i>ул-</i> <i>йыбыртт-</i>	<i>-йсько</i> <i>-йсько</i> <i>-йсько</i>		
	2	<i>алжыскод</i> ‘видишь’ [с. 10, строка 21; с. 10, строка 23; с. 11, строка 1; с. 11, строка 3; с. 11, строка 4] <i>баштыскод</i> ‘берешь’ [с. 40, строка 6] <i>улыскод</i> ‘живешь’ [с. 9, строка 19; с. 9, строка 20] (ср. MU <i>ton tãcǰ tuž keta uciškod</i> ‘ты почему так долго?’ [Wichmann 1987: 295])		<i>адž-</i> <i>басът-</i> <i>ул-</i>	<i>-исько-</i> <i>-йсько-</i> <i>-йсько-</i>	<i>-д</i> <i>-д</i> <i>-д</i>	
	3	<i>алже</i> ‘видит’ [с. 34, строка 11] <i>ветлэ</i> ‘ходит’ [с. 41, строка 9] <i>воже</i> ‘держит’ [с. 48, строка 14; с. 48, строка 15]		<i>адž-</i> <i>ветл-</i> <i>воз-</i>	<i>-е</i> <i>-э</i> <i>-е</i>		
	1	<i>тодыскомы</i> ‘узнаем’ [с. 58, строка 17] <i>улыскомы</i> ‘живем’ [с. 4, строка 9] <i>шодыском</i> ‘чувствуем’ [с. 38, строка 16]		<i>тод-</i> <i>ул-</i> <i>шод-</i>	<i>-йсько-</i> <i>-йсько-</i> <i>-йсько-</i>	<i>-м-</i> <i>-м-</i> <i>-м-</i>	<i>-(ы)</i> <i>-(ы)</i> <i>-(ы)</i>
	2	<i>вераскъскоды</i> ‘говорите’ [с. 45, строка 10] <i>шұыскодыке</i> ‘если говорите’ [с. 48, строка 6; с. 62, строка 5] (ср. MU <i>šuiškodj</i> ‘говорите’ [Wichmann 1987: 251]) диал. <i>зарланыскоды</i> ‘горюете’ [с. 45, строка 22]		<i>верасък-</i> <i>шу-</i>	<i>-исько-</i> <i>-исько-</i>	<i>-д-</i> <i>-д-</i>	<i>-ы</i> <i>-ы</i>
	3	<i>кылзо</i> ‘слушают’ [с. 47, строка 15]; <i>лыкто</i> ‘приходят’ [с. 47, строка 11]; <i>мыно</i> ‘идут’ [с. 47, строка 18] и др.		<i>кылз-</i> <i>лыкт-</i> <i>мын-</i>	<i>-о</i> <i>-о</i> <i>-о</i>		
Отрицательные формы							
Единственное	1	<i>уг ваңмыскы</i> ‘не нахожу свободного времени’ [с. 62, строка 5; с. 62, строка 8]	<i>уг</i>	<i>ваньм-</i>	<i>-иськ-</i>	<i>-ы</i>	
	2	<i>уд алжыскы</i> ‘не видишь’ [с. 10, строка 20] <i>уд шодыскы</i> ‘не чувствуешь’ [с. 40, строка 20]	<i>уд</i> <i>уд</i>	<i>адž-</i> <i>шод-</i>	<i>-иськ-</i> <i>-йськ-</i>	<i>-ы</i> <i>-ы</i>	
	3	<i>уг пыры</i> ‘не входит’ [с. 34, строка 3] <i>уг тыры</i> ‘не насыщается’ [с. 31, строка 19; с. 32, строка 9] (также <i>ук тыры</i> [с. 32, строка 2]) <i>уг ўсы</i> ‘не падает’ [с. 26, строка 23]	<i>уг</i> <i>уг</i> <i>уг</i>	<i>пыр-</i> <i>тыр-</i> <i>усь-</i>		<i>-ы</i> <i>-ы</i> <i>-ы</i>	
	1	<i>ум вуттыске</i> ‘не успеваем’ [с. 38, строка 15]	<i>ум</i>	<i>вутт-</i>	<i>-йськ-</i>	<i>-е</i>	
	2	не зафиксировано	<i>уд</i>		<i>-иськ- /</i> <i>-йськ-</i>	<i>-е</i>	
	3	не зафиксировано	<i>уг</i>		<i>-о</i>		

Таблица 3

Глаголы II спряжения в настоящем времени

Число	Лицо	Примеры из памятника	Литературные соответствия				
			Отриц. глагол	Основа глагола	Показа- тель времени	Показа- тель лица	Показа- тель числа
Утвердительные формы							
Единственное	1	<i>тодмаꝛко</i> 'узнаю' [с. 47, строка 10]		<i>тодма-</i>	<i>-сько</i>		
	2	<i>вераꝛкод</i> 'говоришь' [с. 8, строка 2]		<i>вера-</i>	<i>-сько-</i>	<i>-д</i>	
	3	<i>дѹнма</i> 'очищается' [с. 57, строка 6] <i>лара</i> 'годится' [с. 5, строка 14; с. 8, строка 7; с. 8, строка 22; с. 62, строка 13] <i>ѹша</i> 'нравится' [с. 19, строка 21; с. 56, строка 7]		<i>дунма-</i> <i>яра-</i>			
Множественное	1	<i>ужаꝛкомы</i> 'работаем' [с. 49, строка 17] <i>утчаꝛкомы</i> 'ищем' [с. 25, строка 19]		<i>ужа-</i> <i>утча-</i>	<i>-сько-</i> <i>-сько-</i>	<i>-м-</i> <i>-м-</i>	<i>-(ы)</i> <i>-(ы)</i>
	2	не зафиксировано					
	3	<i>тодмало</i> 'узнают' [с. 47, строка 9]		<i>тодма-</i>	<i>-ло</i>		
Отрицательные формы							
Единственное	1	не зафиксировано	<i>уг</i>		<i>-ськ-</i>	<i>-ы</i>	
	2	<i>уд пограꝛкы</i> 'не падаешь' [с. 34, строка 13]	<i>уд</i>	<i>погра-</i>	<i>-ськ-</i>	<i>-ы</i>	
	3	<i>уг вера</i> 'не говорит' [с. 55, строка 14] <i>уг ужа</i> 'не работает' [с. 55, строка 14] <i>уг лара</i> 'не годится' [с. 21, строка 4; с. 39, строка 22; с. 44, строка 23; с. 45, строка 4; с. 45, строка 11; с. 45, строка 18; с. 45, строка 23]	<i>уг</i> <i>уг</i> <i>уг</i>	<i>вера-</i> <i>ужа-</i> <i>яра-</i>			
Множественное	1	не зафиксировано	<i>ум</i>		<i>-ськ-</i>	<i>-е(лэ)</i>	
	2	не зафиксировано	<i>уд</i>		<i>-ськ-</i>	<i>-е(лэ)</i>	
	3	не зафиксировано	<i>уг</i>		<i>-ло</i>		

Таблица 4

Глаголы I спряжения в будущем времени

Число	Лицо	Примеры из памятника	Литературные соответствия					
			Отриц. глагол	Основа глагола	Показа- тель времени	Показа- тель лица	Показа- тель числа	
Утвердительные формы								
Единственное	1	<i>куло</i> 'умру' [с. 29, строка 22] <i>пыро</i> 'войду' [с. 29, строка 23] <i>уло</i> 'буду жить' [с. 24, строка 20; с. 50, строка 18; с. 51, строка 4; с. 52, строка 17]		<i>кул-</i> <i>пыр-</i> <i>ул-</i>	<i>-o</i> <i>-o</i> <i>-o</i>			
	2	<i>алжод</i> 'увидишь' [с. 40, строка 11; с. 44, строка 4] <i>бёрдод</i> 'будешь плакать' [с. 58, строка 5] <i>кошкод</i> 'уйдешь' [с. 42, строка 4] (ср. MU <i>ton s'udatli koškod</i> 'ты в солдаты пойдешь' [Wichmann 1987: 123])		<i>адз-</i> <i>бёрд-</i> <i>кошк-</i>	<i>-o</i> <i>-o</i> <i>-o</i>	<i>-d</i> <i>-d</i> <i>-d</i>		
	3	<i>кароз</i> 'сделает' [с. 22, строка 21; с. 36, строка 5] (ср. MU <i>sud'it karoz</i> 'осудит' [Wichmann 1987: 93]) <i>мозмоз</i> 'освободится' [с. 60, строка 3] <i>луртоз</i> 'поможет' [с. 4, строка 18; с. 20, строка 13; с. 62, строка 2]		<i>кар-</i> <i>мозм-</i> <i>юртт-</i>	<i>-o</i> <i>-o</i> <i>-o</i>	<i>-z</i> <i>-z</i> <i>-z</i>		
	Множественное	1	<i>куломы</i> 'умрем' [с. 29, строка 13] <i>мыномы</i> 'пойдем' [с. 40, строка 5] <i>уломы</i> 'будем жить' [с. 49, строка 15]		<i>кул-</i> <i>мын-</i> <i>ул-</i>	<i>-o</i> <i>-o</i> <i>-o</i>	<i>-m</i> <i>-m</i> <i>-m</i>	<i>-(ы)</i> <i>-(ы)</i> <i>-(ы)</i>
		2	<i>тырышоды</i> 'постараетесь' [с. 57, строка 12] <i>улоды</i> 'будете жить' [с. 46, строка 18] <i>шеттоды</i> 'найдете' [с. 61, строка 8]		<i>тыри-</i> <i>ул-</i> <i>шедьт-</i>	<i>-o</i> <i>-o</i> <i>-o</i>	<i>-d</i> <i>-d</i> <i>-d</i>	<i>-ы</i> <i>-ы</i> <i>-ы</i>
		3	<i>луозы</i> 'будут' [с. 35, строка 20]		<i>лу-</i>	<i>-o</i>	<i>-z</i>	<i>-ы</i>
		Отрицательные формы						
		Единственное	1	<i>угке шетты</i> 'если не найду' [с. 30, строка 22]	<i>уг</i>	<i>шедьты-</i>		
			2	<i>уд киды</i> 'не останешься' [с. 21, строка 11] <i>уд луы</i> 'не будешь' [с. 52, строка 18] <i>удке тоды</i> 'если не узнаешь' [с. 57, строка 8]	<i>уд</i> <i>уд</i> <i>уд</i>	<i>кыльы-</i> <i>луы-</i> <i>тоды-</i>		
3	<i>уз кысы</i> 'не погаснет' [с. 52, строка 13] <i>уз мыны</i> 'не пойдет' [с. 56, строка 3] <i>уз лараты</i> 'не будет уважать' [с. 7, строка 4]		<i>уз</i> <i>уз</i> <i>уз</i>	<i>кысы-</i> <i>мыны-</i> <i>яраты-</i>				
Множественное	1		<i>ум сұлмашкелэ</i> 'не будем беспокоиться' [с. 28, строка 21] <i>умке улэуэ</i> 'если не будем жить' [с. 60, строка 6]	<i>ум</i> <i>ум</i>	<i>сұлмаськ-</i> <i>ул-</i>		<i>-e(лэ)</i> <i>-э(лэ)</i>	
	2	не зафиксировано	<i>уд</i>			<i>-e(лэ)/</i> <i>-э(лэ)</i>		
	3	не зафиксировано	<i>уз</i>			<i>-e(лэ)/</i> <i>-э(лэ)</i>		

Таблица 5

Глаголы II спряжения в будущем времени

Число	Лицо	Примеры из памятника	Литературные соответствия				
			Отриц. глагол	Основа глагола	Показатель времени	Показатель лица	Показатель числа
Утвердительные формы							
Единственное	1	<i>верало</i> ‘расскажу’ [с. 5, строка 5; с. 62, строка 6]		<i>вера-</i>	<i>-ло</i>		
	2	<i>вералод</i> ‘скажешь’ [с. 39, строка 4; с. 40, строка 20]		<i>вера-</i>	<i>-ло-</i>	<i>-д</i>	
		<i>люкалодке</i> ‘если накопишь’ [с. 29, строка 4]		<i>люка-</i>	<i>-ло-</i>	<i>-д</i>	
		<i>ужалодке</i> ‘если будешь трудиться’ [с. 7, строка 5; с. 7, строка 9; с. 7, строка 12; с. 7, строка 16; с. 19, строка 11; с. 19, строка 24]		<i>ужа-</i>	<i>-ло-</i>	<i>-д</i>	
	3	<i>вералоз</i> ‘скажет’ [с. 39, строка 5]		<i>вера-</i>	<i>-ло-</i>	<i>-з</i>	
		<i>курдалоз</i> ‘испугается’ [с. 30, строка 24]		<i>курда-</i>	<i>-ло-</i>	<i>-з</i>	
<i>налпалоз</i> ‘подумает’ [с. 30, строка 24]			<i>малпа-</i>	<i>-ло-</i>	<i>-з</i>		
Множественное	1	не зафиксировано			<i>-ло-</i>	<i>-м-</i>	<i>-(ы)</i>
	2	не зафиксировано			<i>-ло-</i>	<i>-д-</i>	<i>-ы</i>
	3	<i>вералозы</i> ‘скажут’ [с. 39, строка 8]		<i>вера-</i>	<i>-ло-</i>	<i>-з-</i>	<i>-ы</i>
<i>курлалозыке</i> ‘если осудят’ [с. 45, строка 6]			<i>курла-</i>	<i>-ло-</i>	<i>-з-</i>	<i>-ы</i>	
Отрицательные формы							
Единственное	1	<i>утке возжа</i> ‘если не будешь охранять’ [с. 39, строка 15]	<i>уд</i>	<i>возжа-</i>			
		<i>уд погра</i> ‘не упадешь’ [с. 34, строка 15]	<i>уд</i>	<i>погра-</i>			
		<i>удке ужа</i> ‘если не будешь работать’ [с. 7, строка 3; с. 7, строка 15]	<i>уд</i>	<i>ужа-</i>			
	2	<i>узке малпа</i> ‘если не подумает’ [с. 56, строка 2]	<i>уз</i>	<i>малпа-</i>			
		<i>уз ужа</i> ‘не будет работать’ [с. 56, строка 2]	<i>уз</i>	<i>ужа-</i>			
		<i>уз лара</i> ‘не пригодится’ [с. 7, строка 16; с. 25, строка 10; с. 44, строка 19] (ср. MU <i>kubajezlen bašmakez kenezlj uz d'a-ra</i> ‘обувь свекрови невестке не понравится’ [Wichmann 1987: 74])	<i>уз</i>	<i>яра-</i>			
3	не зафиксировано	<i>ум</i>			<i>-лэ</i>		
Множественное	1	не зафиксировано	<i>уд</i>			<i>-лэ</i>	
	2	не зафиксировано	<i>уз</i>			<i>-лэ</i>	
	3						

Таблица 6

Глаголы I спряжения в прошедшем очевидном времени

Число	Лицо	Примеры из памятника	Литературные соответствия					
			Отриц. глагол	Основа глагола	Показатель времени	Показатель лица	Показатель числа	
Утвердительные формы								
Единственное	1	<i>вожмат</i> 'показал' [с. 46, строка 17] диал. <i>выюми</i> 'объелся' [с. 32, строка 7] <i>ыми</i> 'объелся' [с. 32, строка 7]		<i>возьмат-</i>	<i>-й</i>			
	2	<i>ветлидке</i> 'если ходил' [с. 34, строка 13] (ср. МУ <i>motor nju'osin vetli-d-a</i> 'ты с красивыми девушками гулял?' [Wichmann 1987: 314]) <i>куштид</i> 'бросил' [с. 50, строка 22] (ср. МУ <i>kõtze tuzе kušti-d-a</i> 'ты кожуру на землю выкинул?' [Wichmann 1987: 135]) <i>шөдидке</i> 'если почувствовал' [с. 52, строка 21] (ср. шошм. <i>шө°дид-а</i> 'почувствовал ли?' [Кельмаков 2006: 247])		<i>ветл-</i>	<i>-й-</i>	<i>-д</i>		
	3	<i>каризке</i> 'если сделал' [с. 19, строка 3] <i>лэжизке</i> 'если отправил' [с. 21, строка 18] <i>мозмытиз</i> 'освободил' [с. 53, строка 11]		<i>кар-</i>	<i>-и-</i>	<i>-з</i>		
	Множественное	1	<i>мозмымы</i> 'освободились' [с. 53, строка 10] <i>тэкишыримыке</i> 'если мы обсуждали' [с. 38, строка 15]		<i>мозм-</i>	<i>-и-</i>	<i>-м-</i>	<i>-(ы)</i>
		2	не зафиксировано			<i>-и-/-й-</i>	<i>-д-</i>	<i>-ы</i>
		3	не зафиксировано			<i>-и-/-й-</i>	<i>-з-</i>	<i>-ы</i>
	Отрицательные формы							
	Единственное	1	не зафиксировано		<i>өй</i>			
		2	не зафиксировано		<i>өд</i>			
3		<i>өзке лұы</i> 'если не стало' [с. 55, строка 24] (ср. МУ <i>өз lu</i> 'не стало' [Wichmann 1987: 135])		<i>өз</i>				
Множественное	1	<i>өм лыктэлэ</i> 'мы не пришли' [с. 28, строка 17]	<i>өм</i>	<i>лыкт-</i>		<i>-э(лэ)</i>		
	2	не зафиксировано	<i>өд</i>			<i>-е(лэ)/</i> <i>-э(лэ)</i>		
	3	не зафиксировано	<i>өз</i>			<i>-е(лэ)/</i> <i>-э(лэ)</i>		

Таблица 7

Глаголы II спряжения в прошедшем очевидном времени

Число	Лицо	Примеры из памятника	Литературные соответствия			
			Отриц. глагол	Основа глагола	Показатель времени	Показатель лица
Утвердительные формы						
Единственное	1	не зафиксировано			-й	
	2	<i>верад</i> 'ты сказал' [с. 51, строка 3]		<i>вера-</i>		-д
	3	не зафиксировано				-з
Множественное	1	не зафиксировано				-м- -(ы)
	2	не зафиксировано				-д- -ы
	3	не зафиксировано				-з- -ы
Отрицательные формы						
Единственное	1	не зафиксировано	<i>öй</i>			
	2	не зафиксировано	<i>öd</i>			
	3	<i>özke çума</i> 'если не проголодался' [с. 28, строка 20]	<i>öz</i>	<i>çума-</i>		
Множественное	1	не зафиксировано	<i>öm</i>			-лэ
	2	не зафиксировано	<i>öd</i>			-лэ
	3	не зафиксировано	<i>öz</i>			-лэ

2.4.4. Второе прошедшее (неочевидное) время

Прошедшее неочевидное время в тексте «Наставления...» выражено лишь формами третьего лица. Так, утвердительные формы третьего лица единственного числа в памятнике, соответствуя современным литературным нормам, образуются с помощью суффиксов *-эм/-ем* (от глаголов I спряжения) и *-м* (от глаголов II спряжения), напр.:

алжем 'он видел, оказывается' [с. 16, строка 3; с. 16, строка 6] — литер. *адзем/аджемез* (ср. MU *vištem pešterišen busiis gerijez ad'd'žem* 'дурак из котомки увидел, оказывается, плуг с поля' [Wichmann 1987: 2]);
вожматэм 'он показал, оказывается' [с. 47, строка 3] — литер. *возматэм/возматэмез*;
кошкем 'он ушел, оказывается' [с. 59, строка 16] — литер. *кошкем/кошкемез* (ср. MU *anažez no:š-ik košket šart'šj vožmānj* 'его мама, оказывается, снова ушла стеречь репу' [Wichmann 1987: 123]);
верам 'он сказал, оказывается' [с. 46, строка 16; с. 47, строка 8; с. 60, строка 23; с. 61, строка 13] — литер. *верам/верамез*;

ужам 'он работал, оказывается' [с. 55, строка 17] — литер. *ужам/ужамез*.

Для форм третьего лица множественного числа в прошедшем неочевидном времени характерны показатели *-иллям* (для глаголов I спряжения) и *-длям* (для глаголов II спряжения):

вунэтиллям 'они забыли, оказывается' [с. 26, строка 20] — литер. *вунэтиллям/вунэтиллямзы*;

кидиллям 'они остались, оказывается' [с. 29, строка 12] — литер. *кылиллям/кылиллямзы*;

мозмиллям 'они освободились, оказывается' [с. 27, строка 15] — литер. *мозмиллям/мозмиллямзы*;

верадлям 'они сказали, оказывается' [с. 24, строка 2] — литер. *вераллям/вераллямзы*.

Что касается показателя *-иллям*, по-видимому, здесь представлена фонетическая особенность, заключающаяся в употреблении юдз. *и* в соответствии с сдз. *ы* в позиции перед мягкими согласными. Первичными, как мы уже упоминали ранее, считаются варианты с *ы*, однако в литературном языке в данном случае закрепились *и*-овые маркеры. Распространяется данная диалектная изоглосса на десяток корней «и на суффиксальные морфемы, удовлетворяющие вышеуказанному фонетическому условию» [Кельмаков 2006: 66], т. е. стоящие перед мягкими согласными, например: сдз. *лэс'т-ыл'л'ам(зы)* // юдз. *лэс'т-ил'л'ам* 'они, оказывается, сделали', сдз. *öвöl кэл'т-ыл'л'ам(зы)* // *кэл'т-ил'л'ам-тэ* 'они, оказывается, не оставили' [Кельмаков 2006: 67].

Отрицательные формы в литературном удмуртском языке могут быть образованы двумя различными способами: синтетическим и аналитическим. Аналитический способ представляет собой сочетание утвердительных глагольных форм на *-эм/-ем*, *-м* с частицей *öвöl* 'не; нет' и в основном встречается

в северных говорах. В памятнике же представлен синтетический способ, характеризующийся присоединением к глагольной основе отрицательным маркером *-мтэ*, напр.:

карымтэ ‘он не сделал, оказывается’ [с. 44, строка 14] — литер. *карымтэ/карымтэез/öвöл карем/öвöл каремез*;

косымтэ ‘он не велел, оказывается’ [с. 21, строка 5] — литер. *косымтэ/косымтэез/öвöл косэм/öвöл косэмез*;

лэстымтэ ‘он не сделал, оказывается’ [с. 45, строка 15] — литер. *лэстымтэ/лэстымтэез/öвöл лэстыэм/öвöл лэстыэмез*.

Стоит также отметить, что в тексте «Наставления...» формы прошедшего неочевидного времени третьего лица не оформлены личными маркерами. В литературном языке эти показатели употребляются факультативно (см. подробнее [УКК 2011: 181—183]).

3. Неспрягаемые формы глагола

К неспрягаемым формам глагола традиционно относят инфинитив, причастие и деепричастие.

3.1. Инфинитив

Показателем инфинитива в литературном удмуртском языке и в абсолютном большинстве его диалектов является суффикс *-ны*. Подобный маркер представлен и в тексте «Наставления...», никаких отклонений от современных литературных норм в этом плане в памятнике не прослеживается, напр.:

вераны ‘сказать, говорить, рассказать’ [с. 8, строка 7; с. 8, строка 22; с. 21, строка 1; с. 21, строка 4] — литер. *вераны* (ср. МУ *veräñi* ‘сказать, говорить, рассказать’ [Wichmann 1987: 312]);

мыныны ‘идти, пойти’ [с. 22, строка 7; с. 46, строка 12; с. 47, строка 5] — литер. *мыныны*; (ср. МУ *tiñiñi, tiñiñi* ‘идти, ехать’ [Wichmann 1987: 161]);

ужаны ‘работать, трудиться’ [с. 4, строка 22; с. 5, строка 6; с. 5, строка 9; с. 20, строка 8; с. 20, строка 10; с. 20, строка 11; с. 23, строка 2; с. 23, строка 4; с. 49, строка 12; с. 49, строка 16; с. 55, строка 15; с. 63, строка 4] — литер. *ужаны* (ср. МУ *užäñi* ‘работать, делать’ [Wichmann 1987: 305]) и др.

Заемствованные из русского языка инфинитивные формы в тексте «Наставления...» освоены с помощью исконного глагола *карыны* ‘сделать, делать’, напр.:

служит карыса ‘служа’ [с. 17, строка 15];

сулит карон ‘суд’ [с. 30, строка 9], *сулит каронэз* ‘его суд’ [с. 22, строка 21], *судит кароназ* ‘на его суде’ [с. 52, строка 7].

3.2. Причастие

В тексте «Наставления...» представлены причастия со следующими маркерами, которые по своему характеру можно разделить на утвердительные и отрицательные:

утвердительные

1) *-иç* (от глаголов I спряжения) и *-ç* (от глаголов II спряжения):

бас̄тиç ‘забирающий’ [с. 15, строка 18] — литер. *бас̄тйсь*;

кошкиç ‘уходящий’ [с. 24, строка 7; с. 24, строка 10] — литер. *кошкись*;

оскиç ‘верующий’ [с. 28, строка 2; с. 28, строка 4] — литер. *оскись*;

вераç ‘говорящий’ [с. 17, строка 21] — литер. *верась*;

пажсаç ‘разбрасывающий’ [с. 35, строка 19] — литер. *пазясь*;

утчаç ‘ищущий’ [с. 24, строка 16] — литер. *утчась* и др.

2) *-эм/-ем* (от глаголов I спряжения) и *-м* (от глаголов II спряжения):

гоштэм ‘записанный, написанный’ [с. 21, строка 7; с. 21, строка 12; с. 21, строка 20] — литер. *гоштэм*;

лэжэм ‘отправленный’ [с. 21, строка 13; с. 21, строка 16; с. 21, строка 18] — литер. *лэзем*;

çотэм ‘данный’ [с. 19, строка 13] — литер. *сётэм*;

вера́м ‘сказанный’ [с. 16, строка 3; с. 16, строка 18; с. 16, строка 20; с. 17, строка 21; с. 21, строка 9; с. 21, строка 10; с. 21, строка 11; с. 21, строка 20; с. 21, строка 24; с. 22, строка 13; с. 22, строка 15; с. 22, строка 17; с. 22, строка 22; с. 39, строка 11; с. 50, строка 18; с. 51, строка 4; с. 51, строка 6; с. 51, строка 7; с. 51, строка 8; с. 51, строка 11; с. 51, строка 14; с. 52, строка 3; с. 52, строка 4; с. 52, строка 17; с. 52, строка 21] — литер. *верам*;

дэмлам ‘рекомендованный’ [с. 23, строка 1] — литер. *дэмлам*;

дукам ‘накопленный’ [с. 25, строка 10; с. 36, строка 6; с. 36, строка 10; с. 36, строка 12] (также *люкам* [с. 20, строка 22; с. 34, строка 6]) — литер. *люкам* и др.

3) **-оно** (от глаголов I спряжения) и **-но** (от глаголов II спряжения):

бытмоно ‘которое погибнет’ [с. 24, строка 17; с. 24, строка 19; с. 25, строка 22; с. 28, строка 24] — литер. *бытмоно*;

сутоно ‘которое сожжет’ [с. 52, строка 13] — литер. *сутоно*;

тэкишыроно ‘которое предстоит обсудить’ [с. 38, строка 13] — литер. *тэкишероно*;

курдано ‘которого предстоит бояться’ [с. 9, строка 4; с. 24, строка 2] — литер. *курдано*;

кышкано ‘которого предстоит бояться’ [с. 31, строка 6; с. 31, строка 9] — литер. *кышкано* и др.

4) **-мон**:

быттымон ‘который можно закончить’ [с. 45, строка 13] — литер. *быттымон*;

лұымон ‘достаточный для становления’ [с. 43, строка 8; с. 43, строка 10] — литер. *лұымон*.

5) **-емын**:

гоштыскемын ‘записан’ [с. 33, строка 12; с. 35, строка 1] — литер. *гоштїськемын*.

отрицательные

1) **-мтэ**:

ветлымтэ ‘не ходивший’ [с. 46, строка 20] — литер. *ветлымтэ*;

кыскымтэ ‘не привлеченный’ [с. 5, строка 23; с. 6, строка 8] — литер. *кыскымтэ*;

сотымтэ ‘не дан’ [с. 22, строка 4; с. 35, строка 9] — литер. *сётымтэ*;

кышкамтэ ‘не испугавшийся’ [с. 5, строка 19] — литер. *кышкамтэ* и др.

2) **-онтэм**

вуттонтэм ‘не завершимый (который нельзя довести до конца)’ [с. 23, строка 16] — литер. *вуттонтэм*;

кельшонтэм ‘неудобный’ [с. 44, строка 8] — литер. *кельшонтэм*;

тэронтэм ‘невмещающийся’ [с. 23, строка 23] — литер. *тэронтэм*.

Как видим, никаких особых отклонений от современных литературных норм здесь не прослеживается. Подобные показатели представлены и в подавляющем большинстве удмуртских говоров. Однако суффикс **-ис**, посредством которого образуются причастия настоящего времени от глаголов I спряжения, вероятно является инновационным, поскольку входит в число суффиксальных морфем, в которых первоначальный *ы* перед мягкими согласными перешел в *и*. При этом данный вариант, как и показатель формы третьего лица множественного числа неочевидного прошедшего времени от глаголов I спряжения **-идлям**, на сегодняшний день функционирует в говорах южной диалектной зоны, а в северных говорах сохраняется *ы*-овый вариант, например: сдз. *мын-ыс’* // юдз. *мын-ис’* ‘идуший’, сдз. *тод-ыс’* // юдз. *тод-ис’* ‘знающий, ведающий’ [Кельмаков 2006: 67].

3.3. Деепричастие

Что касается деепричастий, в памятнике имеются некоторые отклонения от современных литературных форм, которые укажем ниже. В тексте «Наставления...» встречаются деепричастия с такими показателями, как:

1) **-са**:

алжыса ‘видя, увидев’ [с. 4, строка 6; с. 4, строка 10; с. 4, строка 23; с. 13, строка 17; с. 16, строка 1; с. 19, строка 14; с. 34, строка 18; с. 59, строка 2; с. 62, строка 1] — литер. *адзыса*;

вунэтыса ‘забыв’ [с. 19, строка 16] — литер. *вунэтыса*;

пырыса ‘войдя’ [с. 22, строка 13; с. 22, строка 15; с. 37, строка 19; с. 45, строка 1; с. 52, строка 6; с. 53, строка 22; с. 62, строка 19] — литер. *пырыса*;

вераса ‘говоря, сказав, рассказав’ [с. 9, строка 7; с. 14, строка 24; с. 28, строка 16; с. 39, строка 3; с. 45, строка 22; с. 63, строка 6] — литер. *вераса* (ср. шошм. *тачэ кылїос вэраса* ‘сказав такие слова’ [Кельмаков 2006: 245]);

дэмласа ‘рекомендуя’ [с. 25, строка 2] — литер. *дэмласа*;

ужаса ‘трудясь, работая’ [с. 7, строка 1; с. 14, строка 6; с. 14, строка 7; с. 22, строка 7; с. 41, строка 19; с. 51, строка 2; с. 52, строка 15; с. 52, строка 20; с. 53, строка 1; с. 60, строка 22] — литер. *ужаса* и др.

2) **-тэк**:

вёсяськытэк ‘не молясь’ [с. 61, строка 14; с. 61, строка 16; с. 61, строка 17] — литер. *вёсяськытэк*;

оскытэк ‘не веруя’ [с. 3, строка 5; с. 56, строка 22] — литер. *оскытэк*;

сотытэк ‘не давая’ [с. 24, строка 12; с. 36, строка 15] — литер. *сётытэк*;

жәлятэк ‘не пожалев’ [с. 16, строка 12] (также *жәлятэк* [с. 53, строка 15]) — литер. *жәлятэк*;

налпатэк ‘не подумав’ [с. 23, строка 4] — литер. *малпатэк*;

ужатэк ‘не трудясь’ [с. 5, строка 14] — литер. *ужатэк* и др.

Показатель *-тэк* представлен в 28 словоформах. В шести сочетаниях в памятнике встречается маркер *-тэг*, однако практически все они имеют параллельные формы с *-тэк* (*-тек*):

вунэтытэг ‘не забывая’ [с. 4, строка 17; с. 5, строка 1; с. 11, строка 12] (ср. *вунэтытэк* [с. 28, строка 23; с. 29, строка 21; с. 30, строка 2; с. 49, строка 14; с. 51, строка 5; с. 52, строка 17]) — литер. *вунэтытэк*;

ларатытэг ‘не уважая’ [с. 7, строка 18] (ср. *ларатытек* [с. 21, строка 10]) — литер. *яратытэк*;

лүтэг ‘не став’ [с. 33, строка 21] (ср. *лүйтэк* [с. 23, строка 21]) — литер. *луйтэк*;

мылыз потытэг ‘без его желания’ [с. 5, строка 9] — литер. *мылыз потытэк*;

тау карытэг ‘не благодаря’ [с. 19, строка 15; с. 19, строка 16] (ср. *то(?)у карытэк* [с. 12, строка 16]) — литер. *тау карытэк*;

улытэг ‘не живя’ [с. 53, строка 21] (ср. *улытэк* [с. 3, строка 6]) — литер. *улытэк*.

Объяснить происхождение данного маркера лишь озвончением сложно, поскольку стоящие после данных форм с *-тэг* слова могут начинаться как на звонкий согласный, так и на глухой согласный или любой гласный. Видимо, данный показатель связан с абессивным суффиксом *-тэк* (напр., удм. *китэк* ‘без руки’, *пыдтэк* ‘без ноги’, *коркатэк* ‘без дома’ и т. д.), который, по мнению многих ученых, восходит к финно-пермскому **-ttak/*-ttäk* (см. подробнее [Серебренников 1963: 18—19, Майтинская 1979: 123]).

3) *-кы*:

ветлыкы ‘во время хождения’ [с. 34, строка 12] — литер. *ветлыку*;

жетыкы ‘во время прикосновения’ [с. 58, строка 21] — литер. *йотыку*;

лыктыкы ‘во время прихода’ [с. 45, строка 20; с. 45, строка 21] — литер. *лыктыку* и др.

Как видим, данному показателю соответствует литер. *-ку*, который также характерен для большинства современных северных говоров. Вариант *-кы* на данный момент встречается в говорах южного наречия, в бесермянском наречии и нижнечепецком диалекте северного наречия; для срединных говоров характерно чередование деепричастных форм с *-кы* и *-ку*. При этом формы на *-кы* считаются более архаичными (см. подробнее [Серебренников 1963: 302]).

Деепричастия с данным маркером в памятнике, как и в современном удмуртском языке и в его диалектах, могут изменяться по лицам и числам, напр.:

учкыкыд ‘когда ты смотришь’ [с. 14, строка 17; с. 14, строка 18; с. 15, строка 3; с. 15, строка 12; с. 15, строка 22; с. 16, строка 7] — литер. *учкыкуд*;

улыкыз ‘во время его житья’ [с. 44, строка 13; с. 44, строка 20; с. 46, строка 14] — литер. *улыкуз*;

кошкыкымы ‘во время нашего ухода’ [с. 28, строка 18] — литер. *кошкыкумы*;

пырыкызы ‘во время их входа’ [с. 27, строка 14] — литер. *пырыкузы* и др.

4) *-тос*:

кистытос ‘до проливания’ [с. 16, строка 11] — литер. *кисытозь*;

улытос ‘вместо того, чтобы жить’ [с. 36, строка 11] — литер. *улытозь*.

Подобный вариант, по данным В. К. Кельмакова, в соответствии с *-тоз'* в литературном языке и в большинстве удмуртских диалектов функционирует на данный момент «в кукморском, шошминском и бавлинском говорах (...) (кукм., шошм., бавл. *вэра-тос'-ам* ‘до тех пор, пока я не сказал’ // литер. *вэра-тозям*, кукм. *кошкы-тос'-ад* ~ шошм. *кошкы-тос'-ад* ~ бавл. *кошкы-тос'-ад* ‘до твоего ухода; до тех пор, пока ты не ушел’ // литер. *кошкытозяд* и др.)» [Кельмаков 2006: 157]. Объяснить появление данного суффикса лишь фонетическими причинами проблематично, поскольку, во-первых, звонкие щелевые в этих диалектах в ауслaute, как правило, не оглушаются, во-вторых, глухой вариант этого суффикса сохраняется и в позиции перед гласными. Исходя из этого, можно предположить, что в памятнике представлена особенность инновационного характера.

5) *-мон*:

улымон ‘достойный житья’ [с. 44, строка 12] — литер. *улымон*;

потымон ‘достаточный для выхода’ [с. 31, строка 8] — литер. *потымон*.

6) *-емен*:

күлжэмен ‘в состоянии опьянения’ [с. 21, строка 3] — литер. *куджэмен*.

7) *-емышь*:

вордыскемышь ‘из-за рождения’ [с. 15, строка 8] — литер. *вордйськемышь*.

8) *-эмня/-емня* (от глаголов I спряжения), *-мня* (от глаголов II спряжения):

оскемня ‘во время верования’ [с. 34, строка 24] — литер. *оскемья*;

сүжэемня ‘во время доставания’ [с. 25, строка 7] — литер. *суземья*;

улемня ‘живя’ [с. 9, строка 5] — литер. *улэмья*;

ужамняд ‘во время твоей работы’ [с. 57, строка 3] — литер. *ужамьяд*;
тодэмняды ‘во время вашего узнавания’ [с. 57, строка 12] — литер. *тодэмьяды*.

Как видим, данные маркеры соответствуют литер. *-эмья/-емья* (I спряжения), *-мья* (II спряжения). По-видимому, здесь представлена фонетическая ассимиляция, при которой первичная ⟨j⟩ этих показателей под влиянием предыдущей ⟨m⟩ перешла в ⟨n′⟩. Подобные фонетические процессы в пределах морфологических маркеров были уже описаны ранее при рассмотрении показателей множественного числа существительных [Безенова 2017]. В современных удмуртских говорах ассимилятивные изменения типа *j > n′* встречаются довольно редко, в основном это явление представлено в отдельных говорах периферийно-южного наречия, например: кукм. *эм-н'ань* (< *эм-йань*) ‘лечить (заговорами)’, *ужам-н'ас'кэ* (< *ужам-йас'кэ*) ‘делает вид, будто работает’ [Кельмаков 2006: 105], бавл. *ižem'naške* (литер. *иземьяське*) ‘притворяется спящим’, *t'ārsam'naz* (литер. *чырсамьяз*) ‘по мере брожения, в процессе брожения’ [Тараканов 1998: 36].

Примечательно также, что данные формы, как и деепричастия на *-кы*, могут изменяться по лицам и числам.

Выводы

Таким образом, в тексте анализируемого памятника на уровне глагольной морфологии наряду с многочисленными показателями архаичного происхождения мы можем выделить и ряд особенностей, имеющих, по-видимому, инновационный характер:

1) образование форм возвратного залога с помощью маркера *-цк(ы)*- не только от глаголов II спряжения, но и от глаголов I спряжения (с выпадением конечного *-т*- основы);

2) образование форм 3-го лица множественного числа прошедшего неочевидного времени от глаголов I спряжения с помощью маркера *-иллям*;

3) образование причастий настоящего времени от глаголов I спряжения с помощью маркера *-иц*;

4) употребление в соответствии с литер. *-тозь* в тексте памятника показателя деепричастий *-тоц*;

5) соответствие деепричастным формам в литературном языке на *-эмья/-емья* (I спряжение), *-мья* (II спряжение) в «Наставлении...» словоформ на *-эмня/-емня* (I спряжение) и *-мня* (II спряжение).

Перечисленные особенности, как уже было указано выше, представлены на сегодняшний день в большинстве южных говоров, в число которых входит и шошминский говор периферийно-южного диалекта удмуртского языка. Таким образом, данный памятник письменности позволяет выделить наиболее ранние южноудмуртские инновации в глагольной морфологии. При этом, как оказалось, глагольная система в памятнике имела более инновационный характер, поскольку на уровне именной морфологии, подробный анализ которого представлен в предыдущей статье [Безенова 2017], нам не удалось выявить явных инновационных особенностей.

Сокращения

Языки и диалекты

удм. — удмуртский

сдз. — северная диалектная зона

юдз. — южная диалектная зона

кркм. — кырымасские говоры

Говоры периферийно-южного диалекта:

бавл. — бавлинский говор

бт. — буйско-таныпский говор

кукм. — кукморский говор

круф. — красноуфимский говор

татш. — татышлинский говор

шошм. — шошминский говор

MU — малмыжско-уржумский диалект [Wichmann 1987]

Общие

гл. — глагол

диал. — диалект, диалектный

досл. — дословно; дословный перевод

литер. — литературная форма, литературный язык

отриц. — отрицательный

Л и т е р а т у р а

Атаманов 1981 — *Атаманов М. Г.* Граховские говоры южноудмуртского наречия // *Материалы по удмуртской диалектологии: Образцы речи.* Ижевск, 1981. С. 45—96. {*Atamanov M. G. Grakhov sub-dialects of the Southern Udmurt dialect: Speech examples.* Izhevsk, 1981. P. 45—96.}

Безенова 2016а — *Безенова М. П.* Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке (1891) (Эч кылъёс. Святой Тихонлэн эчлы дышетэм кылъёсыз): графические и вокалические особенности // *Урало-алтайские исследования.* 2016, 1 (20). С. 7—40. {*Bezenova M. P. The Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language (1891): graphical and vocalic specifics // Ural-Altaiic Studies,* 2016. Vol. 1 (20). P. 7—40.}

Безенова 2016б — *Безенова М. П.* Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке (1891) (Эч кылъёс. Святой Тихонлэн эчлы дышетэм кылъёсыз): особенности консонантизма // *Урало-алтайские исследования.* 2016, 3 (22). С. 46—63. {*Bezenova M. P. The Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language (1891): consonantism specifics // Ural-Altaiic Studies,* 2016. Vol. 3 (22). P. 46—63.}

Безенова 2017 — *Безенова М. П.* Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке (1891) (Эч кылъёс. Святой Тихонлэн эчлы дышетэм кылъёсыз): именная морфология // *Урало-алтайские исследования.* 2017, 2 (25). С. 7—24. {*Bezenova M. P. The Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language (1891): nominal morphology. // Ural-Altaiic Studies,* 2017. Vol. 2 (25). P. 7—24.}

Кельмаков 2006 — *Кельмаков В. К.* Краткий курс удмуртской диалектологии: Учебное пособие для высших учебных заведений. 2-е изд. Ижевск, 2006. {*Kel'makov V. K. A concise course of the Udmurt dialectology: a textbook for institutes of higher education.* Izhevsk, 2006.}

Майтинская 1979 — *Майтинская К. Е.* Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М., 1979. {*Maytinskaya K. E. Historical-comparative morphology of Finno-Ugric languages.* M., 1979.}

ОФУЯ 1974 — *Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков.* М., 1974. {*Basic concepts of Finno-Ugric linguistics: Questions of the Finno-Ugric languages' genesis and development.* Moscow, 1974.}

Серебрянников 1963 — *Серебрянников Б. А.* Историческая морфология пермских языков. М., 1963. {*Serebrennikov B. A. Historical morphology of Permic languages.* Moscow, 1963.}

Тараканов 1998 — *Тараканов И. В.* Некоторые явления ассимиляции, элизии и вставки звуков в удмуртском языке (на материале бавлинского диалекта) // *Исследования и размышления об удмуртском языке.* Ижевск, 1998. С. 69—77. {*Tarakanov I. V. Some instances of assimilation, elision and sound inserts in Udmurt (based on the Bavly dialect material) // Studies and reflections on the Udmurt language.* Izhevsk, 1998. P. 69—77.}

УКК 2011 — *Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез): тодослыко-дышетскон издание (Морфология удмуртского языка: научно-учебное издание) / Отв. ред. Тимерханова Н. Н.* Ижевск, 2011. {*Morphology of the Udmurt language: scientific and educational publication / Ed. Timerkhanova N. N.* Izhevsk, 2011.}

Wichmann 1987 — *Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz / Aufgezeichnet Wichmann Y. Bearb. Uotila T. E., Korhonen M.* Hrsg. *Korhonen M.* Helsinki, 1987. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. 1987, XXI.)

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются глагольные морфологические особенности одного из памятников удмуртской письменности конца XIX века. На основе анализа этих особенностей и сопоставления полученных результатов с данными литературного языка и современных удмуртских говоров предпринимается попытка выделить инновационные и архаичные глагольные морфологические маркеры.

SUMMARY

The article considers the verbal morphological characteristics of one of the Udmurt written monuments of the late 19th century. The author takes into account these features, compares the results obtained with the data of the literary language and of the modern Udmurt dialects, and attempts to identify innovative and archaic verbal morphological indicators.

Ключевые слова: удмуртский язык, диалектология, памятники письменности, глагольная морфология

Keywords: the Udmurt language, dialectology, the monuments of literature, verbal morphology

Безенова Мария Петровна, Институт языкознания РАН (Москва); mary_kaj@mail.ru

Maria P. Bezenova, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); mary_kaj@mail.ru

Надписи на стеле Копёнского чаатаса в Хакасии (К датировке южноенисейского рунического письма)

В 2017 году исполнилось 45 лет со дня смерти С. В. Киселёва — крупнейшего знатока древностей Южной Сибири и Центральной Азии. Специалистам хорошо известно, что в разносторонней археологической деятельности Сергей Владимирович с самого начала своих работ на Енисее (1928 г.) особое внимание уделял поискам и прочтению древних надписей. Среди них исследователь явно выделял ранне-средневековые памятники так называемого рунического письма, бывшего в употреблении у различных аборигенных обществ Сибири, Центральной и Средней Азии. С. В. Киселёв и Л. А. Евтюхова обладали также и особенным даром добывать предметы с надписями, раскапывая в 1935—1940 гг. раннесредневековые погребения Алтая и Хакасии [Евтюхова, Киселёв 1939а; 1939б; 1940; 1941; Киселёв 1939; 1946; 1948; 1949а; 1949б; 1951].

Наскальные надписи исследователь отыскивал уже в 1928—1929 гг. и в самом начале 1930-х гг.: «В своих поисках писаниц (таково сибирское наименование скоплений наскальных рисунков — *И. К.*) я также встречал отдельные рунические знаки на камнях Майдашинских и Оглахтинских гор близ Минусинска» [Киселёв 1949а: 39]. При первых же поездках в Туву в 1946—1947 гг. он сумел обнаружить несколько эпитафийных стел: «во время экспедиции 1947 г. мы собрали еще ряд новых надписей на Элегесте, Енисее и Уюке» [Киселёв 1949а: 38—39, прим. 38]; «В 1947 г. мы собрали в Туве 6 надписей» [Киселёв 1949б: 346, прим. 215].

После смерти С. В. Киселёва в личную библиотеку Л. Р. Кызласова был передан альбом материалов финской экспедиции 1887—1889 гг. (Appelgen-Kivalo H. Alt-Altische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931. 119 S.), часть которого Сергей Владимирович разделил на листы ради использования их для сравнения с оригиналами памятников, изучавшихся во время полевых работ в Хакасии и Туве. Такому сравнению были подвергнуты опубликованные в атласе и других специальных изданиях памятники рунического письма. Например, опираясь на перевод В. В. Радлова одной из надписей на горе Хая-Бажи (Тува), археолог, пишет: «У Радлова сказано “Кыргызского хана”, однако осмотр надписи в 1947 г. показал, что имеющиеся в этом месте знаки не дают оснований к транскрипции ‘кыргыз’. По-видимому, там было начертано другое слово» [Киселёв 1949а: 39, прим. 42] или «я пропускаю *kyrkuz*, так как мой осмотр надписей в 1947 г. показал, что это слово отсутствует. Имеющиеся в этом месте знаки совершенно иные» [Киселёв 1949б: 336, прим. 163]¹. В личном фонде Киселёва, хранящемся ныне в Научно-отраслевом архиве Института археологии РАН (ЛП, фонд 12), также есть все еще неучтенные рунологами автографические прорисовки надписей Хакасии и Тувы и попытки их самостоятельного прочтения.

Копии обнаруженных исследователем письменных памятников направлялись лучшим тюркологам той поры. Указания на это неоднократно встречаем в последней книге С. Е. Малова, например: «Этот небольшой отдел публикуется мной по новым материалам, полученным от московских археологов Л. А. Евтюховой, С. В. Киселёва и Л. Р. Кызласова», «Я получил в свободное распоряжение несколько прорисей и шрифтовых копий, зарисовок, эстампажей и фотографических снимков от московских археологов: чл.-корр. АН СССР С. В. Киселёва, канд. ист. наук Л. А. Евтюховой и преподавателя Московского Университета Л. Р. Кызласова (...)» [Малов 1959: 4, 68—70, 71—73, 109].

Работы С. В. Киселёва в тюркской рунологии — все еще недостаточно освоенной области знаний — и сегодня представляют значительный интерес. Следовало бы осмыслить эти труды в историографическом плане, подвергнуть анализу не только их общенаучную значимость, но и, проследив способы и методы изучения письменных памятников, определить место этих изысканий в деятельности большого учёного. Предвосхищая обобщающие разработки по названной теме, следует отметить особое значение связанных с нею черновых и необработанных материалов, находящихся в личном фонде С. В. Киселёва. Среди них встречаются не только данные по памятникам широко распространенного енисейского письма Южной Сибири, но и свидетельства о надписях весьма редкой алфавитной принадлежности. Собранный

¹ В. В. Радлов, как впоследствии и С. Е. Малов, читал вырезанные на этой скале разрозненные надписи, как единый связный текст. С. В. Киселёв следовал за прочтением авторитетного тюрколога. Ныне камнеписные строки воспринимаются иначе [Кызласов 1994: 183—195].

ные исследователем эпиграфические находки происходят из разных мест Европы и Азии, что, несомненно, свидетельствует о широком кругозоре ученого.

После совокупного палеографического анализа руноподобных надписей, распространенных в степной зоне от Южной и Восточной Европы до Восточной Сибири и Центральной Азии, многие бытовавшие представления отошли в прошлое науки. Вопреки широко распространенным представлениям, стало очевидным, что письменные памятники не принадлежат ни к некой единой письменности (обычно называемой орхоно-енисейской), ни к двум локальным вариантам письма (именовавшимся восточно-европейской и центральноазиатской руникой — ВЕР и ЦАР), якобы преемственно связанным друг с другом.

Степные рунические памятники, как оказалось, принадлежат к двум различным по происхождению и набору письменных знаков алфавитным группам. Одна из них (азиатская) сегодня представлена тремя родственными азбуками, давно известными науке: орхонской, енисейской и таласской. Вторая (евроазиатская) была выделена впервые по четырем-пяти алфавитам, близким друг другу по составу знаков: донскому, кубанскому, ачикташскому, южноенисейскому и — с меньшей уверенностью — исфаринскому [Кызласов 1987; 1988; 1990; 1994: 42—78, 217, 218, 289—318]. К этой евроазиатской палеографической группе — недостаточно изученной и все еще представленной малочисленными письменными памятниками — и относятся те две надписи, данные о которых до сих пор содержатся только в личном архиве С. В. Киселёва.

Первый письменный памятник — серебряная кружка, найденная в 1932 г. у с. Афанасьеве Горьковской (ныне Нижегородской) области в составе клада из семи предметов. В литературе надпись, вторично вырезанная на донце, была представлена единственной прорисовкой пяти знаков, в то время как в фонде С. В. Киселёва сохранился сделанный с оригинала рисунок, передающий серию из трех надписей, нанесенных снаружи и внутри этой пиршественной чары и содержащих 17—18 букв. Архивный документ, который позволил отнести надписи на сосуде к кубанскому руническому письму Восточной Европы, был мною опубликован, значительно обогатив имеющиеся представления о составе алфавита самой этой письменности и о письменной культуре Волжской Булгарии в целом [Кызласов 2000: 5—11, рис. 1, 2].

К 1987 г. была также выделена новая для науки руническая письменность раннесредневековой Сибири, получившая название южноенисейского письма. К началу 90-х гг. было известно лишь 18 выполненных ею надписей, нанесенных на 4 предмета (на пряслице, серебряную чашу, две роговые накладки на лук), на 6 каменных стел и, в 8 случаях, — на скалы [Кызласов 1990: 80—117; 1994: 289—318]. Расположенные в Хакасско-Минусинской и Тувинской котловинах, на Горном и Монгольском Алтае, эти надписи, общее число которых теперь достигло 25, из-за краткости и загадочности письма поныне не могут быть прочитаны, но, судя по ряду косвенных признаков, поименованных ниже, наиболее вероятно тюркоязычность их создателей.

Ценность этого эпиграфического материала особенно значима по причине типологической и, можно думать, историко-культурной близости южноенисейского алфавита к одному из рунических письмен Средней Азии, ачикташскому, а через него и к поныне нерасшифрованным палеографически родственным рунам Восточной Европы.

* * *

В 1940 г. С. В. Киселёв и Л. А. Евтюхова, продолжая в Хакасии раскопки ставшего широко известным Копёнского чаатаса, обнаружили новую руническую надпись. В публикациях исследователи лишь дважды бегло сообщили об этом: «Из других находок 1940 г. упомянем орхоно-енисейскую надпись, вырезанную на одной из стел кургана № 10» [Евтюхова, Киселёв 1940: 53]; «(…) на угловом (СЗ) камне кургана № 10 обнаружена вырезанная надпись на орхоно-енисейском алфавите» [Евтюхова 1948: 33].

Насколько знаю, опираясь на последнее упоминание, надпись на месте пытался найти только Д. Д. Васильев, работавший над составлением корпуса рунических памятников Енисея. Несмотря на специально совершенную поездку, при осмотре комплекса в 1975 г. попытка не удалась, но рунолог счел нужным отметить, что сведений о вывозе памятника нет [Васильев 1983а: 42]. Надо думать, неудача была вызвана двумя причинами: во-первых, на изданном плане могильника номер кургана «10» не был обозначен (план составлен в 1939 г., когда курган еще не был раскопан) [Евтюхова, Киселёв 1940: 27; Евтюхова 1948: рис. 32], а представленный там вид этого объекта дан мелко (хотя все его 4 стелы обозначены); во-вторых, надпись располагалась у основания стелы и была скрыта землей, возможно, намеренно насыпанной в 1940 г. ради сбережения письменного памятника. Познакомившись с документами личного фонда С. В. Киселёва в ИА РАН, я летом 1994 г. побывал на Копённом чаатасе, отыскал, расчистил и изучил подлинник надписи, а затем вновь засыпал его.

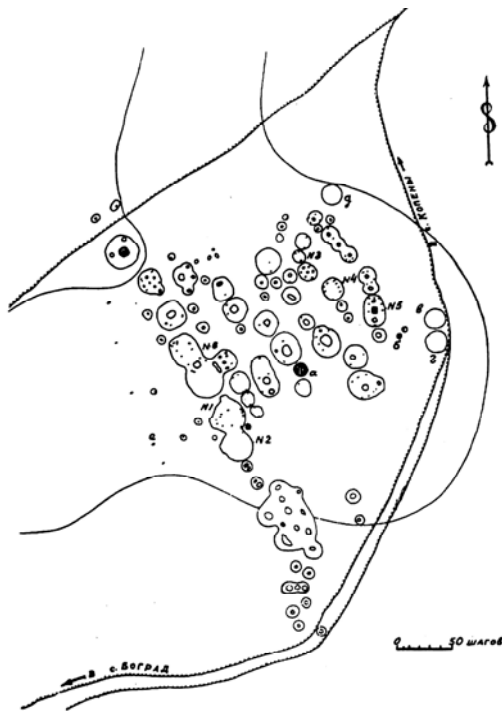

Рис. 1. План Копёнского чаатаса, 1939 г. (по [Евтюхова, Киселёв 1940: 27]):
 № 1—6 — курганы, раскопанные Саяно-Алтайской экспедицией в 1939 г.;
 а, б — курганы, раскопанные Минусинским музеем в 1939 г.; в, г, д — земляные курганы;
 е — каменные изваяния и ряд менгиров.
 Курган 10 — предпоследний в юго-западной цепочке, второй к север-северо-западу от кургана 6

Рис. 2. Вид кургана 10 в 1994 г. (видна метровая рейка):
 1 — с юго-запада (на втором плане — Красноярское водохранилище, бывший Енисей);
 2 — с северо-востока, справа плита с надписями (фото автора)

Вероятно, из-за предельной краткости резного текста и необычности облика его знаков, не поддававшихся прочтению, эта надпись так и осталась неопубликованной самим С. В. Киселёвым. Между тем историко-культурное значение письменного памятника весьма велико. Он не принадлежит к разряду ни орхонских, ни енисейских рун — это 20-я надпись, выполненная южноенисейским руническим алфавитом, которая стала известной науке. Поэтому индекс Е 133, который был ей присвоен при региональной группировке рунических памятников, не разделявшей их по алфавитной принадлежности [Васильев 1983а: 31; 1983б: 42]², при закреплении показателя Е только за надписями енисейского письма, следует заменить на Ю 20. По порядку обнаружения надпись получила наименование Копёны IV, поскольку надписи Копёны I—III были найдены близ села ранее: соответственно, в 1871 и дважды в 1939 гг.³

Надпись Ю 20 была найдена при раскопках предпоследнего северного объекта крайней юго-западной цепочки могильника — кургана 10 (рис. 1), имевшего диаметр 11 и высоту 0,6 м [Евтюхова 1948: 31, 33, прим. 1, 36] (ф. 12, д. 13-б, лл. 8—11) (рис. 2.1). В текстах машинописных копий предварительного и полного отчетов о работах экспедиции, хранящихся в фонде С. В. Киселёва (ф. 12, д. 13-б), об этом содержатся следующие данные: «На одной из стел кургана № 10 обнаружена в нижней ее части, у земли, орхонско-енисейская надпись» (л. 8); «Четыре стелы кургана № 10 были расположены по углам подчетырёхугольного кургана. На узкой грани плиты, стоящей в СЗ углу кургана № 10, на высоте 0,2 см от поверхности почвы обнаружена выцарапанная надпись орхонско-енисейским алфавитом. Узкие грани плит ориентированы с СВ на ЮЗ» (лл. 10 об., 11). Здесь же, в конверте между листами 7 и 8, есть фото-

² В палеографическом определении надписи Дмитрий Дмитриевич мог лишь довериться авторитету ученых-археологов, в соответствии со взглядами своего времени обобщенно именовавших руны орхонско-енисейскими.

³ Д. Д. Васильев [1983а: 42] относит раскопки Копёнского чаатаса к 1935—1938 гг., смешивая их с работами Саяно-Алтайской экспедиции С. В. Киселёва и Л. А. Евтюховой на Алтае (1935, 1937 гг.) и в Хакасии на другом, Уйбатском, чаатасе (1936, 1938 гг.).

Рис. 3. Курган 10. Плита с надписями:
1 — широкая юго-западная сторона;
2 — узкая юго-восточная сторона
(фото автора, 1994 г.)

Рис. 4. Основание камня.
Расчищенная поверхность
с надписями
(фото автора, 1994 г.)

Рис. 5. Прорисовка поверхности с надписями:

1 — И. Л. Кызласова, 1994 г. (штрих пунктир — уровень поверхности 1994 г., двойной пунктир — 1940 г.).
2 — эстампаж 1940 г., прорисованный исследователями по оригиналу (Ф. 12. Д. 102. Л. 190). Линейный масштаб 5 см

графия части стелы с надписью, а в другой папке (ф. 12, д. 102) — три листа папиросной бумаги с эстампажами, выполненными методом затирания (лл. 190—192), на одном из которых копия дополнительно прорисована.

В июле 1994 г. курган №10, раскопанный на снос в 1940 г., представлял собой подквадратную площадку с доверху заложённой погребальной ямой в центре, оконтуренную каменно-земляными отвалами, положенными в полуметре за линией оставшихся стоять 4 стел (вершина юго-западной плиты была сломлена задолго до раскопок) (рис. 2.2). Северо-западная угловая стела, издревле наклонившаяся к центру кургана, массивна: высота ее около 230 см, ширина 150 см у основания и до полуметра у вершины, к которой она сужается за счет скоса юго-западной стороны (рис. 3.1). После расчистки от грунта основания узкой юго-западной грани камня, сужающейся кверху от 21 до 12 см, открылась искомая руническая надпись (рис. 3.2, 4).

Дмитрий Дмитриевич дважды отмечает: «Поверхность, на которой находится надпись, по описанию авторов находки сильно повреждена выветриванием, и реконструировать текст невозможно» [Васильев 1983а: 42]; «Поверхность, на которую была нанесена надпись, разрушена выветриванием, и реконструировать текст в настоящее время невозможно» [Васильев 1983б: 31]. Однако обнаружившие надпись Л. А. Евтюхова и С. В. Киселёв ни в упоминавшихся публикациях (на одну из которых ссылается рунолог), ни в доступных архивных материалах нигде не говорят о выветривании и плохом состоянии надписи. Каким источником пользовался, утверждая это, не видевший сам памятник ученый, мне неизвестно.

После уборки грунта, закрывавшего юго-западную грань камня с граффити, открылась не занятая лишайниками поверхность высотой от 19 до 29 см и шириной от 22 до 18,5 см (рис. 4, 5.1, штрих пунктир). На всем протяжении она неровная, слоисто-желобчатая. Верхняя ее часть занята поздним петро-

Рис. 6. Знаки левой строки (Ю 20/1), развернуты горизонтально (фото автора, 1994 г.)

Рис. 7. Знаки правой строки (Ю 20/2), развернуты горизонтально (фото автора, 1994 г.).

глифом в виде горизонтальной скобы со свисающим кольцом, выбитым довольно редкими ударами зубильца с прямым острийцом. Аналогичным инструментом ниже и с правой стороны нанесена Г-образная фигура (рис. 5.1, 6). Ранее в этой части камня были прорезаны две длинные линии, перекрытые выбитыми фигурами. В этом случае инструмент для резьбы был крупнее того, которым ниже нанесены рунические знаки. Он оставил борозды шире буквенных. Именно эти линии были учтены исследователями, прорисовавшими один из трех эстампажей надписи в 1940 г. (ф. 12, д. 102, л. 190) (рис. 5.2).

Интересующий нас письменный памятник состоит из двух вертикальных строк, направленных сверху вниз близ боковых сторон узкой грани стелы. Очевидно тяготение каждого буквенного ряда к краям поверхности. В то время как ничем не занятый, гладкий, вполне пригодный для письма просвет меж строк составляет от 4,5 наверху до 5,6 см внизу, левая строка удалена от ребра камня только на 0,4—3 см, а правый ряд рун — от 2,2 до 6,4 см. Расположение строк, различающихся размерами и, как увидим, порядком начертания самих письменных знаков, убеждает, что перед нами не одна, а две самостоятельных кратких рунических надписи. Обозначим их индексами Ю 20/1 и Ю 20/2.

Вероятно, первой была нанесена левая строка (Ю 20/1). Она длиннее, состоит из 6 знаков, образующих две группы, разделенных небольшим просветом в 1,8 см (рис. 5.1, 6). Общая длина строки 13,2 см. Высота первых трех букв, расположенных выше остальных, 43—45 мм, знаков второй группы (измеряя от верхнего к нижнему) — 30, 21 и 25 мм. Согласно направлению надписи, пронумеруем знаки сверху вниз. Основой первых трех букв служат вертикальные стволы⁴, совершенно прямые у двух правых рун и немного прогнутый у третьей (рис. 5.1, 5.2, 7). Вторая руна имеет два косых отводка налево, рассмотреть третий знак сложнее: число черточек, отходящих направо от его чуть прогнутого ствола можно воспринимать и как одну верхнюю, и как две или три, а то и четыре, что сомнительно (рис. 5.1, 5.2, 7). Три последующих знака второй группы различимы вполне ясно. Это некрутая вертикальная дуга, И-образный зигзаг (левую черту которого прорезали дважды) и руна арочных очертаний (рис. 5.1, 5.2, 7). Пятая руна позволяет проследить порядок нанесения буквы и, следовательно, определить направленность написания всей строки: диагональный штрих перекрывает оба вертикальных и нанесен справа налево. Левый отводок 6-го знака случаен и не имеет отношения к букве.

Правая строка камня (Ю 20/2) имеет длину 8,6 см и образована тремя крупно начертанными знаками (присвоим им номера от 7 до 9). Измеряя справа налево, высота рун составляет соответственно 37, 68 и 76 мм (рис. 5.1, 5.2, 8). Из-за естественных неровностей камня ряд букв начат на уровне просвета меж третьим и четвертым знаками левой строки. Первая руна — та же буква, что и 5 в первой строке. Но порядок ее начертания совершенно иной, что указывает на другую манеру письма. В этом случае сначала справа налево была вырезана диагональ, затем — правая и левая вертикали, борозды которых перекрыли ее канавку (рис. 8). То есть эта руна была вырезана справа налево. У второго знака строки от длинного ствола отходит правый отводок, пересекающий борозду вертикали — но такое сочетание не показательное, поскольку отводки всегда выписываются позднее основы буквенного знака. Справа налево был выведен и третий, последний знак надписи, подобный фигурной скобке: сначала — правая сторона, затем, сверху вниз, левая, нижняя часть которой чуть-чуть не была доведена до пересечения с основанием правой стороны (рис. 8).

⁴ Для удобства восприятия при дальнейшем описании и в фотоиллюстрациях строки рассматриваются в привычном для нас горизонтальном положении.

Рис. 8. Надписи на стеле кургана 10 (прорисовка автора).
Линейный масштаб 5 см.

В 1994 г. по состоянию камня мною был отмечен уровень, выше которого он некогда выступал над поверхностью — в 6,2 см ниже второй и на 6,7 см ниже первой строки надписи (рис. 5.1, двойной пунктир). Архивные документы, как мы видели, отмечают иной уровень — всего в 0,2 см от почвы — признаки которого мною замечены не были. Вероятно, Л. А. Евтюхова и С. В. Киселёв указали высоту выступления последнего, нижнего знака правой строки, из-за наклона стелы оказавшегося у самой земли. Так или иначе, изначально надписи были слишком близко расположены к уровню почвы.

Вполне очевидно вторичное появление рунических строк на камне уже существовавшего кургана. Наиболее вероятно также, что они были нанесены на стелу до того, как она покосилась. Нет сомнения и в том, что писали коленапоклоненные люди, опустив голову до самой земли. Надписи Ю 20/1 и Ю 20/2 связаны друг с другом единством примененного алфавита, местом и, следовательно, обрядом нанесения (рис. 8). Однако проверить это предположение можно будет лишь в дальнейшем — после дешифровки южноенисейской письменности и прочтения относящихся к ней камнеписных текстов.

Все 7 видов знаков, надежно выделяемых для надписей Копёнского чаатаса (руны 1, 2, 4—6), целиком входят в известный азбучный набор южноенисейского письма. Руны 1, 4, 8 принадлежат к самым распространенным, а 2, 5—7 и 9 — к довольно редким, но характерным знакам этой письменности, отличающим ее от енисейского и орхонского алфавитов, но, в противовес этому, сближающим ее с руническими письменами другой, евроазиатской, палеографической группы (ср.: [Кызласов 1994: табл. XV, 1, 3, 4, 12, 16, 20, 24; XVI, XXI, XXII, XXIII]⁵. Плохо различимая на камне руна 3 в Ю 19/1 (восьмая по счету форма), определяемая мною предположительно (рис. 8), пожалуй, может быть отнесена к енисейскому письму, воздействие которого на южноенисейские надписи, как и редкое обратное влияние, уже известно по иным саяно-алтайским случаям [Кызласов 1990: 121—125, рис. 31; 1994: 48—54, рис. 5].

Включение копёнских надписей в процесс общего осознания все еще загадочного феномена южноенисейского рунического письма добавляет важные обстоятельства в определение времени и условий его бытования в Южной Сибири и Центральной Азии.

Надписей южноенисейской алфавитной принадлежности на землях Среднего Енисея, в средневековье составлявших единое культурно-политическое пространство, теперь известно 10 или 11. Четыре разрозненных южноенисейских строки Сулекской писаницы (Ю 1 — Ю 4), несомненно, нанесены уже среди имевшихся тогда на скале рисунков, в основном относимых к VIII в. Такова и строка Туранской писаницы (Ю 19) [Кызласов 1998: 39—43; 2007: 110, 111, рис. 1.3]. Две (быть может, три) надписи, подобно копёнским, оказались вырезаны на курганных стелах могильника горы Туран, относящихся к раннему железному веку, к VI—IV вв. до н. э. (Ю 11 и вторая надпись плохой сохранности изучены в оригиналах, фотоснимок третьей южноенисейской надписи на плите из раскопок Б. Н. Пяткина показан мне Е. А. Миклашевич в конце 2016 г.). Еще одна вертикальная строка дополняет писаницу того времени на горе Озерной (Ю 10). Две надписи вырезаны на предметах: случайно найденном пряслице (Ю 5) и сосудике (Ю 6)⁶ из могилы 19 Уйбатского чаатаса [Кызласов 1990: 80—128; 1994: 289—304, 306—309].

Названная эпиграфическая серия позволяет понять, что южноенисейские надписи встречаются на обоих берегах Енисея [Кызласов 1990: рис. 19; 1994, рис. 3]. Их появление в Хакасско-Минусинской котловине было по косвенным данным отнесено к позднему этапу культуры чаатас⁷. Публикуемые копёнские граффити указывают: новое для региона письмо применялось и когда курганы этой культуры перестали сооружаться, т. е. не ранее конца VIII — первой половины IX в. Наблюдения С. В. Киселёва и Л. А. Евтюховой над порядком создания курганов юго-западной цепочки Копёнского могильника (рис. 1) показали, что она формировалась с юга на север (такое построение подтверждено и на других чаатасах

⁵ Палеографическое единство надписи на пряслице Минусинского музея и так называемой ачикташской палочки (по современным данным относящейся к иному, но родственному руническому алфавиту евроазиатской группы) было замечено С. В. Киселёвым и неоднократно обсуждалось в его публикациях [Киселёв 1949а; 1949б: 346, 347; 1951: 613, 614].

⁶ В связи с новыми материалами и исследовательскими позициями к изучению граффити на сосуде Уйбатского чаатаса следует вернуться.

⁷ Культура чаатас разделяется на два этапа — утинский начала VI—VII вв. и копёнский VIII — первой половины IX вв. [Кызласов Л. 1981].

[Кызласов 2011: 117—119]). Следовательно, южные курганы 1 и 2 относятся к начальной, а северный курган 10, на стеле которого сделаны наши надписи, — к поздней, завершающей фазе выстраивания этой череды каменных мавзолеев. Детальный анализ орнаментики золотых сосудов кургана 2 показал, что они не старше VIII в., скорее близки к середине IX в. [Маршак 1971: 54—57]. Выходит, курган 10 сооружен не ранее этого времени, что в свою очередь определяет *terminus post quem* публикуемых надписей.

Известные материалы доказывают, что относительно поздно появившиеся на Среднем Енисее южноенисейские надписи в обрядовом отношении привязаны к уже имевшимся на этих землях объектам двоякого рода: писаницам и вертикально установленным камням курганных захоронений — без различия времени их создания. Следовательно, можно быть уверенным в изначальной чужеродности этой письменной культуры и ее носителей для автохтонных обитателей Присаянья эпохи раннего средневековья.

Изучение большой серии наскальных рунических надписей аборигенного енисейского письма показало их не обыденный, а сакральный характер [Кызласов 2001a; 2001b; 2003; 2014], крупные скопления в одном месте указали на местонахождения монастырей [Кызласов 2004]⁸. Эта письменная культура принадлежала манихейству — из пришлых вероучений лишь оно использовало руны в качестве своего религиозного письма. Ранее об этом говорило содержание рунических рукописей Восточного Туркестана, ныне — наскальных начертаний Саяно-Алтая, а также выявленное воздействие орфографических манихейских принципов на енисейское руническое правописание [Кызласов 1997; 1999].

Ныне стала очевидна неизвестная ранее закономерность: носители двух разных рунических систем Саяно-Алтая — местной енисейской и пришлой южноенисейской — почитали одни и те же горные и курганные святыни. Соседство южноенисейских и енисейских строк, отмечавшееся ранее только для Сулекской и Туранской писаниц в Хакасии (Ю 1 — Ю 4, Ю 19) [Кызласов 1990: 80—85, рис. 20; 1994: 289—299; 2007], теперь также встречено еще на 4 памятниках: плите могильника горы Туран на Среднем Енисее (неопубликованные данные Е. А. Миклашевич), на утесе Бичикту-Бом и на ручье Карбан на Средней Катунь (наблюдения автора 2001 и 2006 гг.) и р. Хар-Салаа на Монгольском Алтае [Кубарев 2009: 163, № 444]. Тем самым, подкреплен вывод об одновременности бытования енисейского и южноенисейского письма, нижний предел которого, приходится на конец VIII — первую половину IX в.

Косвенными доказательствами тюркоязычности южноенисейских граффити служат ранее изданные [Кызласов 1990: 126—128; 1994: 49—54, 178—180, 217—221, 289—318] и новые данные: обнаружение их на накладках луков в могилах тюрок (*türk*) (Тува, Ю 8, Ю 9) и на сосуде в погребении культуры чаатас (Хакасия, Ю 6); связь с поминальными оградками и нанесенными на их камни рисунками тюрок (Тува (Ю 12, Ю 13, Ю 15 — Ю 17), Монголия [Горбунов, Тишкин и др. 2015: 78—84, рис. 20—24]); соседство с енисейскими надписями на скалах (Хакасия, Алтай, Монголия); наличие палеографически смешанных начертаний, содержащих знаки обеих азбук (Тува).

Следует обратить особое внимание на надписи, нанесенные на боковые роговые накладки рукоятей боевых луков. Археологам известно (но не объяснено) существование у народа тюрок редкого в употреблении, но бытовавшего с VII по IX—X в. обычая наносить на такие накладки отдельные знаки [Овчинникова 1990: 70, рис. 35, 3] и их серии [Садыков 2017: 57, рис. 8, 15, 9, 15], даже сюжетные сцены [Кибиров 1957: 86, 87, рис. 5; Овчинникова 1982: 216, рис. 4, 1; 1990: 67, 68; 2013: 150, табл. X, 1]; но на них нет, ни орхонских, ни енисейских рунических надписей. Зато дважды нанесены южноенисейские строки (Ю 8, Ю 9) [Кызласов 1990: 101, 102, рис. 28, см. историографию; 1994]. С одной стороны, вместе со всем археологическим комплексом это надежно вводит их в круг памятников народа тюрок, с другой — позволяет думать, что писать на накладках лука было свойственно только тем тюркам, которые владели южноенисейским письмом⁹. Исходя из несомненного культурного единства означенных собственно тюркских древностей, и археолог Б. Б. Овчинникова, раскопавшая захоронение с этими накладками, и тюрколог Д. Д. Васильев обоснованно посчитали надписи тюркоязычными (с чем я согласен [Кызласов 1990: 125—128; 1994: 217—221]), предложив варианты их прочтения [Овчинникова 1990: 70; 2013: 120] и транслитерации [Васильев 1983a: 46, 81] (палеографические основы которых, увы, не убедительны).

Остается сказать, что нанесение надписей южноенисейского письма на тех же почитаемых скалах, которые отмечены енисейскими молитвенными строками на Горном Алтае и сакральными енисейскими написаниями в Хакасии, позволяет предполагать манихейскую религиозную принадлежность носителей этой пришлой для Южной Сибири и Центральной Азии и все еще недешифрованной рунической письменности. Гипотеза согласуется с установленной датировкой памятников южноенисейской письменности.

⁸ Опорой трактовки, помимо содержания самих наскальных надписей, служат обнаруженные и раскопанные в Хакасии манихейские храмово-монастырские комплексы (см., например: [Кызласов Л. 1998]).

⁹ Ср. манеру писать на накладках луков в мире доно-кубанских писем, родственных южноенисейским рунам [Кызласов 1994: 275—279].

Сокращения

Архивные сокращения

д. — дело
л., лл. — лист, листы

ЛП — личные поступления

об. — оборот листа
ф. — фонд

Общие

СВ — северо-восток СЗ — северо-запад ЮЗ — юго-восток

Литература

Васильев 1983а — *Васильев Д. Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. Л., 1983. {*Vasilyev D. D. Corpus of Turkic runic monuments from the Yenisei basin. L., 1983.*}

Васильев 1983б — *Васильев Д. Д.* Графический фонд памятников тюркской рунической письменности азиатского ареала. М., 1983. {*Vasilyev D. D. Graphical collection of monuments in Turkic runic script from the Asian areal. M., 1983.*}

Горбунов, Тишкин и др. 2015. — *Горбунов В. В., Тишкин А. А., Серегин Н. Н., Мухарева А. Н., Мунхбаяр Ч.* Продолжение исследований тюркских оградок на территории Монгольского Алтая // Теория и практика археологических исследований. 2015, 1. С. 70—86. {*Gorbunov V. V., Tishkin A. A., Seregin N. N., Muhareva A. N., Munhbayar Ch. Continuing studies of Turkic enclosures situated in Mongolian Altai // Theory and practice of archaeological research, 2015. Vol. 1. P. 70—86.*}

Евтюхова 1948 — *Евтюхова Л. А.* Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). Абакан, 1948. {*Evtukhova L. A. Archaeological monuments of the Yenisei Kyrgyz (Khakass). Abakan, 1948.*}

Евтюхова, Киселёв 1939а — *Евтюхова Л. А., Киселёв С. В.* Десятый сезон раскопок Саяно-Алтайской экспедиции ИИМК и ГИМ // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1939. Вып. III. С. 39—42. {*Evtukhova L. A., Kiselev S. V. Tenth season of the IHMC and SHM Altai-Sayan expedition excavations // Brief bulletin of the Institute for the History of Material Culture. 1939. Is. III. P. 39—42.*}

Евтюхова, Киселёв 1939б — *Евтюхова Л. А., Киселёв С. В.* Открытия Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1939 // Вестник древней истории. 1939, 4. С. 159—168. {*Evtukhova L. A., Kiselev S. V. Findings of the Altai-Sayan archaeological expeditions in 1939 // Journal of ancient history. 1939. Vol. 4. P. 159—168.*}

Евтюхова, Киселёв 1940 — *Евтюхова Л. А., Киселёв С. В.* Чаатас у с. Копёны // Труды Государственного Исторического музея. М. 1940. Вып. XI. С. 21—54 + 8 вклеек. {*Evtukhova L. A., Kiselev S. V. Chaatas near the Kopyony village // Works of the State History Museum. M., 1940. Vol. XI. P. 21—54 + 8 insets.*}

Евтюхова, Киселёв 1941 — *Евтюхова Л. А., Киселёв С. В.* Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 г. // Труды Государственного Исторического музея. М. 1941. Вып. XVI. С. 75—115. {*Evtukhova L. A., Kiselev S. V. Report on the work done by the Altai-Sayan archaeological expedition in 1935 // Works of the State History Museum. M., 1941. Vol. XVI. P. 75—115.*}

Кибиров 1957 — *Кибиров А. К.* Работа Тянь-Шаньского археологического отряда // Краткие сообщения Института этнографии. М., 1957. Вып. XXVI. С. 81—88. {*Kibirov A. K. Work done by the Tien Shan archaeological unit // Brief bulletin of the Institute of Ethnography. M., 1957. Vol. XXVI. P. 81—88.*}

Киселёв 1939 — *Киселёв С. В.* Неизданные надписи енисейских кыргызов // Вестник древней истории, 1939, 3. С. 124—134. {*Kiselev S. V. Unpublished writings of the Yenisei Kyrgyz // Journal of ancient history. 1939. Vol. 3. P. 124—134.*}

Киселёв 1946 — *Киселёв С. В.* Общество и государство енисейских кыргызов // Известия АН СССР, серия истории и философии. 1946. Т. III, 5. С. 69—76. {*Kiselev S. V. Society and state of the Yenisei Kyrgyz // Proceedings of the AS USSR, series for history and philosophy. 1946. Vol. III, 5. P. 69—76.*}

Киселёв 1948 — *Киселёв С. В.* Древнехакасский «эль» // Записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Абакан, 1948. Вып. 1. С. 31—34. {*Kiselev S. V. Old Khakass «el» // Transactions of the Khakass Research Institute for Language, Literature and History. Vol. 1. Abakan, 1948. P. 31—34.*}

Киселёв 1949а — *Киселёв С. В.* Письменность енисейских кыргызов // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. 1949. Вып. XXV. С. 33—41. {*Kiselev S. V. Yenisei Kyrgyz writing system // Brief bulletin of the Institute for the History of Material Culture. 1949. Vol. XXV. P. 33—41.*}

Киселёв 1949б — *Киселёв С. В.* Древняя история Южной Сибири/Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 9. М.-Л., 1949. {*Kiselev S. V. Ancient history of Southern Siberia/Materials and research in archaeology of the USSR. Is. 9. M.-L., 1949.*}

- Киселёв 1951 — *Kiselev S. V.* Древняя история Южной Сибири. М., 1951. {*Kiselev S. V.* Ancient history of Southern Siberia. M., 1951.}
- Кубарев 2009 — *Кубарев В. Д.* Петроглифы Шивээт-Хайрхана (Монгольский Алтай). Новосибирск. 2009. {*Kubarev V. D.* Petroglyphs of Shiveet-Khairkhan (Mongolian Altai). Novosibirsk. 2009.}
- Кызласов 1987 — *Кызласов И. Л.* Две группы тюркских рунических алфавитов. Опыт выделения // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов. М., 1987. С. 142—143. {*Kyzlasov I. L.* Two groups of Turkic runic alphabets. An experiment in distinguishing // Goals of the Soviet archaeology in light of the 27th CPSU convention decisions. Report abstracts. 1987. M., P. 142—143.}
- Кызласов 1988 — *Кызласов И. Л.* Новая руническая письменность Южной Сибири // Археология Горного Алтая. Горно-Алтайск, 1988. С. 108—140. {*Kyzlasov I. L.* A new runic script of Southern Siberia // Archaeology of Gorny Altai. Gorno-Altai, 1988. P. 108—140.}
- Кызласов 1990 — *Кызласов И. Л.* Древнетюркская руническая письменность Евразии. М., 1990. {*Kyzlasov I. L.* Old Turkic runic script of Eurasia. M., 1990.}
- Кызласов 1994 — *Кызласов И. Л.* Рунические письменности евразийских степей. М., 1994. {*Kyzlasov I. L.* Runic scripts of the Eurasian steppes. M., 1994.}
- Кызласов 1997 — *Кызласов И. Л.* Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1997. T. L., fasc. 1—3. С. 163—184. {*Kyzlasov I. L.* Varieties of the Old Turkic runic orthography. Reflection of the Manichaean written culture in the Yenisei and Orkhon script monuments // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Budapest, 1997. T. L., fasc. 1—3. P. 163—184.}
- Кызласов 1998 — *Кызласов И. Л.* Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице // Этнографическое обозрение, 1998, 4. С. 39—53. {*Kyzlasov I. L.* Depiction of Tengri and Umay in the Sulek carving. // Ethnographical review, 1998. Vol. 4. P. 39—53.}
- Кызласов 1999 — *Кызласов И. Л.* Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. М., 1999. Вып. IV. С. 85—112. {*Kyzlasov I. L.* Orthographical characteristics of the Manichaean runic inscriptions // Issues in Turkic philology. M., 1999. Is. IV. P. 85—112.}
- Кызласов 2000 — *Кызласов И. Л.* Руническая эпиграфика древних болгар. I. Кубанские надписи на двух сосудах // Татарская археология. 2000, 1—2. С. 5—18. {*Kyzlasov I. L.* Runic epigraphy of ancient Bulgars. I. Kuban inscriptions on two vessels // Tatar archaeology, 2000. Vol. 1—2. P. 5—18.}
- Кызласов 2001a — *Кызласов И. Л.* «Добро сотворив, посеять человечность» (Манихейские миссионеры у вершин Алтая) // Средневековые древности евразийских степей (Археология восточноевропейской лесостепи). Воронеж, 2001. Вып. 15. С. 111—129. {*Kyzlasov I. L.* “To do good and sow humanity” (Manichaean missionaries near Altai peaks) // Medieval antiquities of the Eurasian steppes (Archaeology of the eastern European forest-steppe. 2001. Vol. 15. P. 111—129.}
- Кызласов 2001b — *Кызласов И. Л.* Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // Древние цивилизации Евразии. История и культура. М., 2001. С. 243—270. {*Kyzlasov I. L.* Worldview shift in Early Medieval Southern Siberia (Monotheistic concepts in Yenisei inscriptions) // Ancient civilizations of Eurasia. History and culture. M., 2001. P. 243—270.}
- Кызласов 2003 — *Кызласов И. Л.* Новости тюркской рунологии. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). Вып. I. М., 2003. {*Kyzlasov I. L.* News in Turkic runology. Yenisean inscriptions on the Yalbak-Tash mountain (Gorny Altai). Vol. I. M., 2003. }
- Кызласов 2004 — *Кызласов И. Л.* Манихейские монастыри на Горном Алтае // Древности Востока. Сборник к 80-летию профессора Л. Р. Кызласова. М., 2004. С. 111—129. {*Kyzlasov I. L.* Manichaean monasteries in Gorny Altai // Antiquities of the East. A collection for the 80th anniversary of prof. L. R. Kyzlasov. M., 2004. P. 111—129.}
- Кызласов 2007 — *Кызласов И. Л.* Рунические надписи горы Туран на Среднем Енисее // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2007. Вып. 5. С. 106—114.
- Кызласов 2011 — *Кызласов И. Л.* Алтаистика и археология. М., 2011. {*Kyzlasov I. L.* Altaic studies and archaeology. M., 2011.}
- Кызласов 2014 — *Кызласов И. Л.* Религиозная природа енисейской письменности. II // Российская тюркология. 2014, 1. С. 52—61. {*Kyzlasov I. L.* Religious nature of the Yenisean script. II // Russian turkology. Vol. 1. 2014. P. 52—61.}
- Кызласов Л. 1981 — *Кызласов Л. Р.* Древнехакасская культура чаатас VI—IX вв. // Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 46—52, 100, 136—139, рис. 28, 29. {*Kyzlasov L. R.* Ancient Khakass Chaatas culture of 6th—9th cent. // Archaeology of USSR. Steppes of Eurasia in medieval era. M., 1981. P. 46—52, 100, 136—139, fig. 28, 29.}
- Кызласов Л. 1998 — *Кызласов Л. Р.* Северное манихейство и его роль в культурном развитии народов Сибири и Центральной Азии // Вестник Московского университета. 1998, 3. С. 8—35. {*Kyzlasov L. R.* Northern Manichaeism

and its role in the cultural development of Siberian and Central Asian peoples // *Moscow University Journal*. 1998. Vol. 3. P. 8—35.}

Малов 1959 — *Малов С. Е.* Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М.-Л., 1959. {*Malov S. E.* Monuments in Old Turkic script of Mongolia and Kyrgyzstan. M.-L., 1959.}

Маршак 1971 — *Маршак Б. И.* Согдийское серебро. Очерки по восточной тореутике. М., 1971. {*Marshak B. I.* Sogdian silver. Essays in oriental toreutics. M., 1971.}

Овчинникова 1982 — *Овчинникова Б. Б.* Погребение древнетюркского воина в Центральной Туве // *Советская археология*. 1982, 3. С. 210—218. {*Ovchinnikova B. B.* An Old Turkic warrior burial in Central Tuva // *Soviet archaeology*. 1982. Vol. 3. P. 210—218.}

Овчинникова 1990 — *Овчинникова Б. Б.* Тюркские древности Саяно-Алтая в VI—X веках. Свердловск, 1990. {*Ovchinnikova B. B.* Turkic antiquities of Altai-Sayan in 6th—10th centuries. Sverdlovsk, 1990.}

Овчинникова 2013 — *Овчинникова Б. Б.* Погребально-поминальный комплекс древних тюрков на могильнике Даг-Аразы // *Древние тюрки в Центральной Туве (по материалам работ Саяно-Тувинской экспедиции)*. СПб., 2013. С. 139—172, вклейка. {*Ovchinnikova B. B.* Burial/Memorial complex of the Old Turks on the Dag-Arazy burial ground // *Old Turks in Central Tuva (based on the materials of Sayano-Tuvan expedition)*. SPb., 2013. P. 139—172, inset.}

Садыков 2017 — *Садыков Т. Р.* Тюркское погребение с конями в урочище Бай-Булун в Центральной Туве // *Теория и практика археологических исследований*. 2017, 2. С. 47—59. {*Sadykov T. R.* Turkic burial with horses in Bay-Bulun area in Central Tuva // *Theory and practice of archaeological research*. 2017. Vol. 2. P. 47—59.}

РЕЗЮМЕ

30 лет назад были выделены родственные руноподобные алфавиты, в раннем средневековье распространённые как в европейской, так и в азиатской части Евразии и не относящиеся к палеографической группе известных тюркских письменных систем: орхонской, енисейской или таласской. Статья посвящена первой публикации двух кратких надписей, найденных в 1940 г. на стеле Копёнского чаатаса в Хакасии С. В. Киселёвым и Л. А. Евтюховой и изученных в оригинале автором. Граффити относятся к поныне недешифрованному так называемому южноенисейскому письму, немногочисленные памятники которого сегодня известны на Саяно-Алтайском нагорье и на территории Монголии. Эта письменность приходит в Среднюю Азию со стороны в конце VIII — первой половине IX века и соседствует с енисейскими рунами. Вероятно, южноенисейские надписи тюркоязычны и оставлены манихеям.

SUMMARY

Almost thirty years ago, several runiform alphabets related to each other and used in the early Middle Ages were distinguished in both European and Asian parts of Eurasia. Those alphabets do not belong to any of the already known runiform Turkic written systems, i. e., Orkhon, Yenisei or Talas. This article is the first publication of two short inscriptions found in 1940 on a stele of the Kopyonsky chaatas in Khakassia by S. V. Kiselyov and L. A. Evtyukhova and studied by the author of the article in their original form. These inscriptions belong to the so-called South Yenisei writing that has not yet been deciphered. Nowadays, a handful of written monuments made in this writing are known on the territory of the Altai-Sayan uplands and Mongolia. This script came to those parts of Asia from outside between the end of the 8th and the first half of the 9th centuries, and neighbored with the Yeniseian script. It is possible that the South Yenisei inscriptions were made by people of Manichaean faith in some Turkic language.

Ключевые слова: Южная Сибирь, раннее средневековье, могильник Копёнский чаатас, руноподобные письмена, тюркские народы

Keywords: Southern Siberia, early Middle Ages, burial ground Kopyonsky chaatas, runiform letters, Turkic people

Кызласов Игорь Леонидович, Институт археологии РАН (Москва); kyzlasovil@mail.ru

Igor L. Kyzlasov, Institute of archeology of the Russian Academy of Sciences (Moscow); kyzlasovil@mail.ru

Вторичные пространственные падежи в удмуртском языке: эволюция исследования и терминологии, причины формирования

1. Проблема вторичных пространственных падежей в удмуртском языке затрагивается во многих публикациях, в первую очередь посвященных изучению диалектов северного и бесермянского наречий удмуртского языка. Большинство из них касается рассматриваемого вопроса попутно, а в единичных специальных работах отдельные его аспекты не нашли должного отражения. Следовательно, проблема исследования вторичных пространственных падежей остается актуальной. Целью настоящей статьи является исследование вторичных пространственных падежей в удмуртском языке, с учетом предшествующего опыта и использованием современных теоретических установок. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: а) обобщение опыта предшествующих исследований по вторичным пространственным падежам; б) введение уточнений или высказывание своей точки зрения в отношении дискуссионных моментов, в том числе в отношении названий падежей; в) выяснение причины возникновения вторичных падежей в удмуртских диалектах.

1.1. Говоры севернoudмуртской диалектной зоны характеризуются тем, что в них, помимо основных падежей, выработались вторичные пространственные падежи, в составе аффиксов которых содержится элемент *-н'*, например:

- (1) *zək kɥala mikon-jos-n'-ən¹ vəl-em*
 большой-ADJ куала-НОМ Микон-PL-DOM-INESS быть-PAST.SG3.EVID
 'Большая куала² была у [семьи] Микона' — сев. (Котнырево) [Kel'makov, Saarinen 1994: 170];
- (2) *gужэм кўаз'-эн ос'ьп-ни-н'-ис'эн тъл пот-из но*
 лето-ADJ погода-INSTR Осип-сын-DOM-EGR огонь-НОМ выйти-PAST.SG3 и-CONJ
назар-ни-ос-лэн корка пал-а-зъ кошк-из
 Назар-сын-PL-GEN дом-НОМ сторона-PP.ILL.PXPL3 уйти-PAST.SG3
 'Летом в доме потомков («сына») Осипа возник пожар, переметнулся на дом потомков («сына») Назара' — бес. (Ворца) [Федотов 1982: 118];
- (3) *kəno-lə p^or-im ti-n'n'-a-d*
 Гость-DAT зайти-PAST.PL1 вы-DOM-ILL-PX2.PRON
 'Мы зашли в гости к вам' — бес. (Ежево) [Тепляшина 1970б: 171].

Словоформы, содержащие элемент *-н'* встречаются уже в диалектных текстах конца XIX века. Исследователи, занимавшиеся (или занимающиеся) изучением северного и / или бесермянского наречий удмуртского языка, в своих трудах так или иначе касались этой проблемы. К их числу относятся работы Ю. Вихманна [Wichmann 1954: 50], Д. Фокоша-Фукса (см.: [Wichmann 1954: 135, 136]), Б. А. Серебренникова [Серебренников 1963: 78—82], В. И. Лыткина и Т. И. Тепляшиной [Лыткин, Тепляшина 1959: 224], В. М. Вахрушева [Вахрушев 1959: 236], Т. И. Тепляшиной [Тепляшина 1970а: 169—176; 1970б: 167; 1981: 285—292], В. К. Кельмакова [Кельмаков 1981: 34; 1995: 13—17], В. К. Кельмакова и С. Сааринен [Kel'makov, Saarinen 1994: 98—99; 104—107], А. А. Алашеевой [Алашеева 1992: 18]; С. А. Максимова [Максимов 1999а]; М. Н. Усачёвой [Усачёва 2011: 121, 124], М. Н. Усачёвой и Н. В. Сердобольской [Усачёва, Сердобольская 2015: 372]; Н. М. Люкиной [Люкина 2016: 72—74, 81—83]; М. Усачёвой и Т. Архангельского [Usacheva, Archangel'skij 2017] и др.

Описание вторичных пространственных падежей с показателем *-н'* нашло отражение практически в десятке трудов исследователя северного наречия удмуртского языка Л. Л. Карповой [Карпова 1990: 68; 1997: 85—89; 2005: 60—63; 2013: 40—42; 2016а: 109—110; 2016б: 210—211; 2017: 10—11]. В частности, в одной из ее работ достаточно подробно освещаются специфические явления в системе словоизменения имени существительного. Помимо выявления количественного состава падежей, проводится анализ

¹ Шрифтовое выделение здесь и далее — автора настоящей статьи.

² Языческое святилище у удмуртов.

функционирования серии вторичных местных падежей с показателем *-n'*. Отмечаются особенности фонетического оформления и семантики употребления отдельных падежей. Проводится последовательное сравнение языковых фактов нижнечепецких говоров с аналогичными явлениями других северных диалектов и других удмуртских говоров [Карпова 2016а].

Из указанных выше работ исследуемой проблеме специально посвящены статьи Т. И. Тепляшиной [Тепляшина 1981] и С. А. Максимова [Максимов 1999а]. Информативна в этом плане также публикация Л. Л. Карповой, Н. В. Кондратьевой «Система пространственных падежей в современном удмуртском языке: литературный язык vs диалекты» [Карпова, Кондратьева 2014], в которой пространственные падежи удмуртского литературного языка рассматриваются в сравнении с употреблением соответствующих грамматических единиц в диалектах; значительное место отведено описанию вторичных пространственных падежей. Подробному освещению проблемы функционирования и грамматикализации новых пространственных падежей в бесермянском диалекте посвящена новейшая работа М. Усачёвой и Т. Архангельского [Usacheva, Archangel'skij 2017].

2.1. Предшествующими учеными делалась попытка выяснения значения и функции падежных форм, содержащих элемент *-n'*. Д. Фокош-Фукс показатель *-ñin* именуется адессивом II, а *-ñe* аллативом II [Wichmann 1954: 135, 136]. Б. А. Серебренников [Серебренников 1963: 78—80] относит слова с суффиксом *-ñin* к адессиву, а формы с показателем *-ñe*, как и А. И. Емельянов [Емельянов 1927: 123], — к иллативу. Т. И. Тепляшина отмечает, что в севернудмуртских диалектах реально употребляется 6 падежей, в состав которых входит показатель *ñ*, и называет их термином «приблизительно-местные падежи». «В отличие от суффиксов обычных местных падежей, сложные падежные окончания приблизительно-местных падежей наделены собственным (определённым) значением ⟨...⟩» [Тепляшина 1981: 285—287]. Далее ею указывается, что «наблюдается разграничение простых падежных форм от приблизительно-местных в соответствии с категорией живого (человека, животного) и неживого (вещи, предмета) ⟨...⟩». Отмечается, что с именами существительными, обозначающими пространственно широкое понятие, применяются послелогии с основой *dor*: *šur dorjś* ‘с места возле реки; от реки’ [Тепляшина 1981: 290—291]. Несколько иных взглядов по вопросу употребления вторичных падежей придерживается В. К. Кельмаков [Кельмаков 1995: 14], который считает, что по ним «как правило, склоняются имена существительные и местоимения, семантически ориентированные преимущественно на человека (лицо)».

Отметим, что вторичные пространственные падежи действительно имеют собственное значение. Оно отличается как от семантики соответствующих первичных падежей, так и от серийных послелогов (по другой терминологии — реляционных имен) с основой на *dor*-, а именно: они обозначают не просто местонахождение около кого-(чего-)либо, движение по направлению к кому-(чему-)либо и т. д., а выражают нахождение в доме (домашнем очаге, жилище, в пределах усадьбы), который принадлежит кому-либо, направление движения в дом (жилище), принадлежащее кому-либо и т. д. Поэтому наименование «приблизительно-местные падежи» не раскрывает сути вторичных пространственных падежей удмуртского языка. В связи с чем нами предложен термин «жилищно-местные падежи» [Максимов 1999а: 195]; названия отдельных падежей образованы путем прибавления компонента «жилищно-» к названию соответствующего первичного падежа (табл. 1).

2.2. Значения вторичных пространственных падежей, выражающих понятие, связанное с домашним очагом (жилищем), находят прямое подтверждение и в диалектных текстах, например:

- (4) *ta gurt-âšen kâžj ke opet' as-ñ-a-z vu-iz*
 этот-PRON деревня-EGR как-то-ADV опять-ADV сам-DOM-ILL-Px3.PRON прибыть-PAST.SG3
 ‘Из этой деревни он опять как-то вернулся [к себе] домой’ — сев. (Котегово) [Kel'makov, Saarinen 1994: 182];

- (5) в словаре В. Д. Крылова: *асняз (as-ñ-a-z. — С. М.)*
 сам-DOM-ILL-Px3.PRON

‘(он) к себе в дом’ (см.: [Тепляшина 1981: 285]) (см. также пример 2).

Анализируя опубликованный диалектный материал предшествующих исследователей, можно отметить, что в абсолютном большинстве случаев слова, стоящие в какой-либо форме вторичного падежа с показателем *n'*, выражают значение, связанное с домом (жилищем). В некоторых случаях, несмотря на то что в переводах не фигурирует слово «дом» или другое слово, выражающее понятие «жилище», по контексту оно угадывается:

Таблица 1

Сравнительная таблица форм вторичных пространственных падежей и послеложных конструкций

Падежи	Падежные форманты и примеры
1. Местный Жилищно-местный Послеложная конструкция	-ын, -н (диал. -ън, -н) <i>прэдн'ън</i> 'у председателя колхоза (дома), в доме, жилище председателя колхоза' <i>прэд дорън</i> 'около председателя колхоза, у председателя колхоза'
2. Входной Жилищно-входной Послеложная конструкция	-э, -е, -ы (диал. -э, -йэ, -ь) <i>прэдн'э</i> 'к председателю колхоза (домой), в дом, жилище председателя колхоза' <i>прэд дорь</i> 'к председателю колхоза'
3. Исходный Жилищно-исходный Послеложная конструкция	-ысь, -сь (диал. -ъс', -с') <i>прэдн'ъс'</i> 'из дома, жилища председателя колхоза' <i>прэд дорьс'</i> 'от председателя колхоза' (отойти, уйти)
4. Отдалительный Жилищно-отдалительный Послеложная конструкция	-ысен, -сен (диал. -ъс'эн, -с'эн) <i>прэдн'ъс'эн</i> 'от (с) дома, жилища председателя колхоза' <i>прэд дорьс'эн</i> 'от председателя колхоза' (начать действие)
5. Переходный Жилищно-переходный Послеложная конструкция	-эти, -ти (диал. -ът'и, -ъки, т'и, -ки, -эм'и) <i>прэдн'ът'и</i> (<i>прэдн'ъки</i>) 'через усадьбу, двор председателя колхоза, по двору председателя колхоза; (пройти,) заглянув к председателю колхоза (домой)' <i>прэд дорьт'и</i> (<i>дорьки</i>) 'мимо, возле председателя колхоза'
6. Предельный Жилищно-предельный Послеложная конструкция	-озь, -эзь (диал. -оз') <i>прэдн'оз'</i> 'до дома, жилища председателя колхоза' <i>прэд дороз'</i> 'до председателя колхоза'

(6) *buskel'-ñ-ijš so-os ber pot-i'zi*
сосед-DOM-EL он-PL.PRON поздно-ADV выйти-PAST.PL3
'От соседа они вышли поздно' — нч. [Тепляшина 1981: 285];

(7) *lĭktem bere pĭro kĭdo-jez-ñ-e*
прибытие-NOM после-PP заходить-PRES.PL3 сват-PxSG3-DOM-ILL
'После прибытия заходят к свату' — бес. [Wichmann 1901: 181];

(8) *anaj-ez-ñ-e gurtanə ləkt-em*
мать-PxSG3-DOM-ILL погостить-INF прийти / приехать-PAST.SG3.EVID
'Она приехала в гости к матери' — бес. (М. Юнда) [Тепляшина 1970б: 172] (см. также пример 3).

В иных случаях данное значение затемнено:

(9) *dĭšetĭš-ñ-ĭn mi kema puk-ĭmĭ*
учитель-DOM-INNESS мы-PRON долго-ADV сидеть-PAST.PL1
'Мы долго сидели у учителя' — нч. [Тепляшина 1981: 285].

В последнем примере перевод 'у учителя' можно понять как просто около учителя, а не в его доме. По отдельным словоформам, приведенным без контекста, таким как *староверныйн* 'у старовера', *староверныйсь* 'от старовера', *староверне* 'к староверу' [Вахрушев 1959: 236], *калыкне* 'к людям' [Тепляшина 1970а: 167], понимание точного значения жилищно-местных падежей не представляется возможным.

2.2.1. В одной из своих работ В. К. Кельмаковым отмечается, что основы падежных формантов на *-н'* в основном связаны с человеком, за исключением слова *кэчн'э* 'к зайцу'. По поводу местоимения *соосн'э*, который в приведенных цитатах соотносится с животными, ученый справедливо замечает, что «употребление *-н'*-евого падежа в данном случае оправдано тем, что по законам сказочного жанра эти животные персонифицированы» [Кельмаков 1995: 15]. Действительно, одним из условий употребления вторичных пространственных падежей с названиями животных является их персонификация. Однако основным условием является то, чтобы действие было связано с домашним очагом (жилищем), которым обладает данное животное. Если название животного (или какое-нибудь другое слово), имеющее показатель *-н'*, вырвано из контекста, мы не можем судить о его персонификации, например, в случае со словом *кечне* 'к зайцу' (пример из: [Лыткин, Тепляшина 1959: 224; Кельмаков 1995: 15, 17]). Следу-

ющие словоформы: *школане* ‘к школе’ [Тепляшина 1970а: 167], *ludñe* ‘к полю, около поля’ [Тепляшина 1970б: 170], следует признать ошибочными. По-видимому, не является случайным то обстоятельство, что названные слова не имеют контекста. Сам же автор в последующих трудах их не приводит в качестве примеров.

Несмотря на то что вторичные пространственные падежи удмуртских диалектов употребляются с существительными и местоимениями, связанными с категорией лица (человек или персонифицированное животное), мы не считаем правомерным выделение лексико-семантического разряда лица / не-лица на основе функционирования данных падежей в соответствующих диалектах (о названной категории см.: [Кельмаков 1995; 2006: 124—125; Люкина 2016: 70]). Отправной точкой употребления вторичных падежей является желание/необходимость выразить понятие «домашний очаг». В ином случае с лицами (как и с не-лицами, в том числе с неодушевленными предметами) употребляется послелог с основой на *дор-*, независимо оттого, о каком характере локализации идет речь — ADUP или DOMUS.

Из приведенной выше таблицы (табл. 1) видно, что в определенной группе диалектов северной диалектной зоны с существительными, обозначающими лицо, могут употребляться как вторичные пространственные падежи, так и послеложные конструкции (в других диалектах вместо данных падежных форм употребляются послелоги *дорын/дин'ын*, *доры/дин'э*, *дорыс'/дин'ыс'* и т. д.), причем семантика их в известной степени отличается. Так, в выражении нч. *vračñe pjalalo* ‘зайду к врачу’ [Тепляшина 1981: 285] речь должна идти о том, что информант намеревается пойти домой к врачу/фельдшеру (например, в случае экстренной необходимости). Если человек собирается посетить врача на месте его работы (в фельдшерско-акушерском пункте, больнице), употребляются послеложные конструкции; в данном случае мысль была бы выражена следующим образом: *врач доры пырало*.

Вторичные пространственные падежи удмуртских диалектов в целом выражают отношения, связанные с домом, домашним очагом, принадлежащим кому-либо (см. табл. 2).

Таблица 2

Семантика жилищно-местных падежей

Названия падежей	Маркер ³	Семантика
Жилищно-местный	-н'ын	Нахождение у кого-либо дома, в жилище (в доме, квартире, усадьбе)
Жилищно-входной	-н'э	Направление движения к кому-либо домой, в жилище
Жилищно-исходный	-н'ыс'	Направление движения из дома, жилища кого-либо
Жилищно-отдалительный	-н'ыс'эн	Направление движения, начала действия от (с) дома, жилища кого-либо
Жилищно-переходный	-н'ыт'и, -н'ыки, вч. -н'ыти, -н'ити	Движение через усадьбу, двор, по усадьбе, двору кого-либо; движение с посещением дома кого-либо, с заходом (по пути) к кому-либо домой, в жилище
Жилищно-предельный	-н'оз'	Направление движения до дома, жилища кого-либо

Как отмечает Г. А. Некрасова [Некрасова 2012: 8], данные падежи (падежи послеложного образования) выражают не просто пространственные, а пространственно-посессивные отношения. Похожая картина наблюдается в употреблении двух альтернативных падежных формантов в диалектах венгерского языка, где показатель *-nyi* (*-ni*) обозначает движение в сторону дома (семьи) кого-либо, а формант *-ho* показывает приближение вообще, например, *bírónyi* ‘к сельскому старосте (и к членам его семьи), на (в) квартиру сельского старосты’, но *bíróho* ‘к сельскому старосте (на работу в служебное учреждение, помещение)’ [Kálmán 1994: 51, 135].

Семантика исследуемых удмуртских падежей связана с понятием «дом, домашний очаг», отражающим денотат (реалию), которым может обладать только человек. Отсюда следует, что данные падежи имплицитно соотносятся с категорией лица.

3. В более поздних публикациях, касающихся описываемой проблемы, выделяется, как правило, 6 вторичных падежей [Тепляшина 1981: 285—286; Кельмаков 1995: 15—16; Карпова 2005: 60—63; 2013: 40—42; 2016а: 109—110; 2016б: 210—211; 2017: 10—11; Люкина 2016: 72—74, 81—83]. Все они имеют одинаковое значение и сходную парадигму, если не учитывать некоторые фонетические варианты, в ос-

³ Показатели падежей представлены без учета разных произносительных норм гласной *ы*.

новном связанные с жилищно-переходным падежом: нч. *-н'ит'и*, сч. *-н'ыт'и* ~ *-н'эт'и*, *-н'ыки* ~ *-н'эки*, бес. *-н'эт'и* ~ *-н'ит'и*, вч. *-н'ыти* ~ *н'ити*), а также с жилищно-исходным и жилищно-отдалительным падежами, где вместо гласной *ь* в бесермянском наречии спорадически может употребляться гласная *и*: *-н'ьс' ~ -н'ис'*, *-н'ьс'эн ~ -н'ис'эн*.

Из шести описываемых падежей наименее продуктивным является жилищно-предельный (*-н'оз'*), который в нижнечепецких говорах обычно заменяется жилищно-входным (*-н'э*) или послелогом *дороз'*. В среднечепецком диалекте данный падеж употребителен в основном во множественном числе (речь идет только об ассоциативной множественности), напр.: *прэдыйосн'оз'* 'до дома председателя колхоза, до семьи председателя колхоза'. Необходимо отметить, что из существительных данные падежи довольно часто употребляются с собственными именами, причем чаще именно во множественном числе, например:

- (10) *аскы мон вова-ос-н'-ын кӧл-о*
завтра-ADV я-PRON Вова-PL-DOM-INESS ночевать-FUT.SG1
'Завтра я буду ночевать у Вовы (в доме, в котором живет Вова и другие члены его семьи)' — сч. (д. Золотарёво).

Сходная картина наблюдается и в употреблении венгерского направительного падежа с показателем *-ni* (*-ни*): ареал употребления его с именами во множественном числе (*-ékni*) перекрывает территорию употребления в единственном числе, то есть имеются такие говоры, в которых этот падеж употребляется только во множественном числе [Kálmán 1994: 135]. Как уже было сказано выше, значение названного падежа в основном совпадает с жилищно-входным падежом.

Причина употребления описываемых падежей преимущественно со множественным числом личных имен, а также некоторых местоимений кроется в том, что человек в своем доме (жилище), обычно проживает не один, а с членами своей семьи.

Помимо существительных, описываемые падежи употребительны почти со всеми разрядами местоимений, за исключением притяжательных. Возможно употребление данных падежей с количественными и порядковыми числительными, а также с прилагательными, имеющими выделительный аффикс *-эз* (*-ез*), например:

- (11) *кӱк-эз-н'-э эш-э-н'-э нӱра-й,*
Два-PXSG3.EMPH-DOM-ILL.NUM друг-PXSG1-DOM-ILL заходить-PAST.SG1
кӱин'мэ'т'и-йэз-н'-э ой н'и ву
третий-PXSG3.EMPH-DOM-ILL.NUM не-NEG уже-PART успеть-PAST.SG1
'К двоим из друзей заходил, а к третьему не успел уже' — сч. (д. Дондыкар).

4. Кроме перечисленных выше категорий слов, в северном и бесермянском наречиях наблюдается явление употребления вторичных пространственных падежей с названиями деревень, оканчивающимися на *-ни*, с такими как Быдыпи, Шалкипи (Шалкопи), Шӧмпи (Пусошур) и др. Подобные наименования деревень являются характерной особенностью топонимии бассейна Чепцы [Тепляшина 1967: 224].

В удмуртском языке слово *ни* имеет значения 'сын; мальчик; детеныш'. Для объяснения эволюции данного слова в топоформант приведем цитату Т. И. Тепляшиной: «В настоящее время *ни* может присоединяться к собственным именам для обозначения родственных отношений, т. е. для указания на сыновей, происходивших из одного рода (...). С течением времени (по мере расселения людей) обозначение принадлежности рода закрепилось за названием того или иного определенного населенного пункта с локальным значением» [Тепляшина 1967: 218].

Образование подобных топонимов наглядно иллюстрирует следующий пример:

- (12) *с'ири-ыс' лыкт-эм т'итпи-э кит-лэн ни-эс. со тыр-ыс'эн китпи*
Сири-EL прийти-PAST.SG3.EVID Титпи-ILL Тит-GEN сын-PXSG3 тот-PRON пора-EGR.PP Титпи
шу-и'л'ам а со т'ит, с'ириын улы-ку-з, ни-зэ
называть-PAST.PL3.EVID а-CONJ этот-PRON Тит Сири-INESS жить-CVB-PXSG3 сын-ACC.PXSG3
ыст-эм починка уччан ас-лы-с
послать-PAST.SG3.EVID выселок-OBJ искать-INF сам-DAT-PXSG3
'Из Сири пришел в Титпи сын Тита. С этого времени деревня стала называться Титпи. Тит, когда жил в Сири, заставил сына найти для себя выселок' [Алашеева 1982: 99—100].

Приведем еще пример из бесермянского наречия:

- (13) *гаврилов-йос фча'к-сэ прокор-ни-н'-ъс' вэлз'ик-ил'л'ам,*
 Гаврилов-PL все-РхPL3 Прохор-сын-DOM-EL распространиться-PAST.PL3.EVID
оди-г-йос-сэ прокор-ни-йос шу-ил'л'ам,
 один-PL-ACC.РхSG3.EMPH.PRON Прохор-сын-PL-OBJ называть-PAST.PL3.EVID
мужэт-йос-сэ — с'эт-ни-йос
 другой-PL-ACC.РхSG3.EMPH.PRON Чёрный-сын-PL-OBJ
 'Гавриловы же распространились из рода сына Прохора, одних стали называть детьми ('сыновьями') Прохора, других — детьми ('сыновьями') Чёрного' [Федотов 1982: 122].

Приведенный выше пример и цитата 2 иллюстрируют употребление показателя *-н'* со словами, оканчивающимися на *-ни*. В данных двух примерах этот формант обозначает 'род, родовое гнездо'. После возникновения новых починков/выселков название принадлежности к роду могло закрепиться за названием этих населенных пунктов, которые первоначально состояли из одного хозяйства (усадыбы). Наименование подобного населенного пункта в сознании жителей окружающих деревень отождествлялось с именем хозяина (хозяев) усадыбы. Поэтому жилищно-местные падежи стали употребляться и с названиями населенных пунктов на *-ни* (см. табл. 3).

Таблица 3

Склонение названия деревни Шалкопи по местным падежам (среднечепецкий диалект)

Названия падежей	Падежные формы
Местный	<i>шалкити-н'ын</i> 'в (деревне) Шалкопи'
Входной	<i>шалкити-н'э</i> 'в (деревню) Шалкопи'
Исходный	<i>шалкити-н'ыс'</i> 'из (деревни) Шалкопи'
Отдалительный	<i>шалкити-н'ыс'эн</i> 'с / от (деревни) Шалкопи'
Переходный	<i>шалкити-н'ити</i> 'по (деревне) Шалкопи'
Предельный	<i>шалкити-н'оз'</i> 'до (деревни) Шалкопи'

Из данной парадигмы видно, что склонение названия деревень с формантом *-ни* формально совпадает с жилищно-местными падежами, но в отличие от последних семантика падежных аффиксов, содержащих показатель *-н'* в данных названиях ничем не отличается от соответствующих первичных местных падежей. В субъектно-объектных падежах этот показатель отсутствует. Точное распространение употребления элемента *-н'* с названиями деревень нам неизвестно. Но можно сделать предположение, что это явление, в целом совпадая с ареалом вторичных местных падежей, может отсутствовать в тех говорах, где в ближайшем окружении нет названий деревень с топоформантом *-ни*.

5. Семантические аналоги удмуртских падежей послеложного образования встречаются не настолько редко, хотя DOMUS отсутствует в списке локализаций, предложенном Мельчуком И. А. в «Курсе общей морфологии», 1988 (см. об этом: [Усачёва 2011: 124, 128]). Тем не менее элемент *и* вторичных пространственных падежей бесермянского и северного наречий удмуртского языка исследователи отнесли к средствам выражения локализации DOMUS) [Усачёва 2011: 124; 2012: 17; Усачёва, Сердобольская 2015: 372]. В соответствии с другими исследованиями, выявлено 29 генеалогически и географически различных языков (из 100 обследованных), в грамматических описаниях которых были обнаружены средства выражения личной локативности [Жигульская 2015: 29]. Однако морфемы, выражающие только локализацию DOMUS, в языках мира встречаются крайне редко; бесспорным случаем такой морфемы, как отмечают исследователи, является только багвалинский⁴ суффикс (см. [Daniel 2003]), хотя лично-местный падеж имеется также в южноселькупских диалектах (см. [Беккер и др. 1995: 224–229]).

Следовательно, удмуртский морфемный элемент *-н'* (*-и'*), наряду с багвалинским суффиксом *-La*: и показателем лично-местного падежа *-nan* в южноселькупских диалектах, можно отнести к редчайшим случаям специализированного способа выражения локализации DOMUS, а серию вторичных падежей удмуртских диалектов в этом отношении — уникальным феноменом.

В связи с рассматриваемой локализацией нам бы хотелось обратиться к работе Л. В. Чесноковой, посвященной описанию немецкого концепта *Heim* (дом, домашний очаг). Исследовательница отмечает, что «Дом, домашний очаг — это концепт, который присутствует у всех европейских народов. Он означает место, где я укоренен и которому я принадлежу. Интересно, что во многих европейских языках существует различие двух слов: *house* — *home* (англ.), *Haus* — *Heim* (нем.), *maison* — *chez soi* (фр.) — то есть

⁴ Багвалинский язык распространен в Дагестане.

просто дом как здание и дом как “домашний очаг”, “неприкосновенное, уютное личное пространство” — значение, которое отсутствует в русском языке» [Чеснокова 2014: 720]. Уточняя приведенную цитату, отметим, что речь нужно вести не об отсутствии указанного значения, а об отсутствии отдельного обозначения для него. Возможно, из-за этого для исследуемых падежей с формантом *-н'*, сконцентрировавшим семантику ‘место, где я (ты, он, ...) укоренен и которому я принадлежу’, имеются определенные сложности с нахождением подходящего термина.

В отношении наименований вторичных пространственных падежей следует сказать, что название «приблизительно-местные падежи» в удмуртском языке Т. И. Тепляшиной было дано по аналогии с названиями вторичных падежей в коми-пермяцком языке. Данный термин впоследствии нашел отражение в трудах Л. Л. Карповой, В. К. Кельмакова и Н. М. Люкиной. В действительности же система новых удмуртских падежей функционально и семантически отличается от приблизительно-местных падежей как в коми-пермяцком языке, образованных от послеложных основ на *дын-* и *орд-* (см. [Баталова 1975: 138—141]), так и в коми-зырянском языке, оформленных с помощью маркера *-лань-* (см. [Некрасова 2002: 111; Кузнецов 2012: 165—175]).

Г. А. Некрасова [Некрасова 2009; 2012], занимавшаяся исследованием терминологии вторичных пространственных падежей в удмуртском и других финно-угорских языках, отмечает, что «элементы *приблизительный* и *приблизительно-* в русских названиях падежей коми и удмуртского языков могут вызывать ложные ассоциации о семантической идентичности падежей послеложного образования удмуртских диалектов и падежей с коаффиксом *-лан'* коми диалектов, тем самым дезориентировать пользователей терминосистемой». По мнению исследователя, терминологический элемент *жилищный* точнее отражает семантику локализации «место проживания лица», однако этот элемент сохраняет коннотацию общеупотребительного слова [Некрасова 2012: 7—8].

Г. А. Некрасова указывает на возможность использования латинских терминов, предлагая в качестве терминологического сегмента *домус*, обозначающий пространственный концепт «дом»: *домус-иллатив*, *домус-инессив*, *домус-элатив* и т. д.; при этом отмечает, что «название группы падежей необходимо оставить прежним — *жилищно-местные*» [там же: 8]. Поскольку исследуемые удмуртские падежи выражают пространственно-посессивные отношения, более приемлемым терминологическим элементом, по ее мнению, должен быть *посс-домус*: *посс-домус-иллатив*, *посс-домус-инессив*, *посс-домус-элатив* и т. д. Однако в этом случае термины получаются громоздкими, поэтому исследователь предлагает один из ярлыков опустить, оставив или *посс*, или *домус* [там же: 8—9].

Предложенные варианты терминов Г. А. Некрасова обсудила с удмуртскими лингвистами, которыми элемент *домус* был оценен как сложный для термина, а *посс* — как возможный терминологический элемент [там же: 9]. С данным мнением своих коллег мы не можем согласиться, так как в этом случае в названиях не отражается наиболее существенный и в то же время специфический аспект значения падежей.

Категория посессивности «насквозь» пронизывает систему удмуртского языка, поэтому элемент *посс* (< посессивность) может ассоциироваться с разными образованиями, в частности, с такими наречными и послеложными словоформами, как: *дорам* 1) ‘около меня; ко мне’ 2) ‘у меня дома; ко мне домой’; *бордам* 1) ‘рядом со мной (в непосредственном соприкосновении); ко мне рядом (вплотную со мной); за меня (взявшись, схватившись)’ 2) ‘с собой; (вместе) со мной’ и т. д. В связи со сказанным считаем, что для вторичных пространственных падежей, распространенных в удмуртских диалектах, более подходящими будут названия с терминологическим элементом *домус*.

Вслед за Г. А. Некрасовой мы предлагаем оставить названия падежей с элементом «жилищно-», хотя он несет оттенок общеупотребительного слова, а жилищем в отличие от дома, домашнего очага может обладать не только человек, но и животное. Альтернативным вариантом названия мог бы быть термин «лично-местные падежи» (“personal local cases”) (см. [Usacheva, Archangeliskij 2017: 1, 48]), однако в этом случае возникают проблемы с образованием наименований для отдельных падежей.

6.1. Большинство исследователей, касавшихся вопроса о происхождении вторичных падежей в удмуртском языке, приходят к мнению, что они возникли путем трансформации серии послелогов с основой *дин'*. К их числу относятся Ю. Вихманн, Д. Фокош-Фукс, В. М. Вахрушев, Т. И. Тепляшина и др. (см. указанные работы). А. И. Емельянов [Емельянов 1927: 123] форму *-ñe* ошибочно считал остатком слова *iñ* ‘место’ в иллативе.

Несмотря на почти единодушное мнение исследователей, считающих показатель *-н'* элементом падежных аффиксов, возникает вопрос о том, не является ли он словообразовательным суффиксом. Выше нами уже было сказано, что описываемый показатель присоединяется только к лексемам определенных семантических групп и лишь при наличии некоторых условий, в то время как падежные аффиксы чаще употребляются с большинством слов или даже со всеми словами, относящимися к той или иной части

речи, обладающей грамматической категорией падежа. Против выдвинутой версии говорит также тот факт, что этот элемент отсутствует у слов, стоящих в начальной форме.

6.1.1. Следует различать словоформы во вторичных пространственных падежах и формы слов с суффиксом *-н'и* в обычных падежах, таких как: *турнан'н'ын* (< *турнан'н'иын*) ‘на месте косьбы, на покосе’, ср. *турнан'н'и* ‘место косьбы, покос’; *кӧлан'н'э* (< *кӧлан'н'ийэ*) ‘в спальню’, ср. *кӧлан'н'и* ‘спальня’; и т. д. Слова с суффиксом *-н'и*, образованным от самостоятельного слова *ин* ‘место’, склоняются по всем первичным падежам и обычно выражают значение какого-либо места. Но семантика домашнего очага в них отсутствует.

Ничего общего, кроме внешнего сходства показателей, не имеют с указанной выше группой слов и такие словоформы, как: *мин'н'ам* ‘у нас [дома]; к нам [домой]’ (< *ми* ‘мы’), *тин'н'ад* ‘у вас [дома]; к вам [домой]’ (< *ти* ‘вы’), — в которых удвоение *-н'* произошло по аналогии с формами местоимений *мон'н'ам* (< *мон'н'ам*) ‘у меня [дома]; ко мне [домой]’, *тон'н'ад* (< *тон'н'ад*) ‘у тебя [дома]; к тебе [домой]’ (см. об этом также: [Тепляшина 1981: 289]).

6.2. Описывая внешнеместные падежи в коми-пермяцких диалектах, Р. М. Баталова отмечает, что существует разница в лексическом значении слов, склоняющихся по названным падежам, с одной стороны, и по первичным падежам, — с другой, напр.: вступ. *туйӧ* ‘в дорогу’, внешнемест.-вступ. *туйӧ* ‘на дорогу’ [Баталова 1975: 137]. Внешнеместные падежи в коми-пермяцких диалектах образованы за счет разрушения системы серийных послелогов с основой *выл-*, имеющей значение ‘поверхность’ [там же: 129—136]. При трансформации послелогов в падежные форманты в целом последние сохранили семантику названной основы.

Причина отличия значений вторичных пространственных падежей в удмуртских диалектах от соответствующих послелогов с основой на *дин'* также кроется в первоначальной семантике этой основы. Основу удмуртских послелогов *дин'* возводят к общепермскому **dijn* ‘комель’, который сравнивается с мар. *тӱн* ‘основание, основа, комель’, мокш. *тей-*: *тейса* ‘у’, *теуста* ‘от’ и т. д., ф. *tyvi* ‘комель’, венг. *tő* ~ *töve-* ‘ствол, низ, корень’. Допермская форма **tije* сопоставляется также с прауральским **tije* ‘комель, толстый конец’ [КЭСК 1970: 94].

В современном удмуртском языке слово *динь* I имеет значения ‘комель; основание, фундамент’; *динь* II — ‘край, сторона; родина, родной дом’, также является основой послелогов на *динь-*, считается диалектным [УРС 1983: 124, 126]. Соответствующие приведенным выше удмуртским словам коми-пермяцкое *дын* I и коми-зырянское *din* I имеют значение ‘комель’. Соответственно *дын* II и *din* II в обоих коми языках обозначают ‘место, прилегающее к чему-либо’, являются основами послелогов на *дын-* ~ *din-* [КПРС 1985: 133; КРС 1961: 198—199].

Из данных примеров видно, что семантика коми *дын* II и *din* II несколько уже удмуртского диалектного *динь*, у которого имеются дополнительные значения ‘край, сторона; родина, родной дом’.

7. Употребление в диалектах слова *динь* со значением ‘родной дом, домашний очаг’ в его начальной форме в настоящее время нам не известно. В закамских говорах, в частности в шагиртско-гондырском, ныне употребительно слово *диӳ*, имеющее несколько иную семантику — ‘отчий (родительский) дом, родовой дом; род’. Приведем несколько примеров из д. Гожан (шг.):

(14) *сос одиг диӳ-ыс' пот-эм-ын*
они-PRON один-PRON род-EL выйти / происходить-PCPL.PAST-INESS
‘Они из одного рода’;

(15) *сос исак диӳ-н'ос*
они-PRON Исак род-PL
‘Они из рода Исака, они потомки Исака’;

(16) *мынам диӳ-ы шагирт жӱч-ын*
мой-PRON отчий дом-PxSG1 Шагирт русский-INESS
‘Мой отчий дом в Старом Шагирте; я родом из Старого Шагирта’.

Аналоги искомого слова можно найти в памятниках письменности. Так, в первой грамматике удмуртского языка (1775 г.), а также в рукописном словаре Дамаскина (Д. Семёнова-Руднёва) 1785 года зафиксировано слово *дынь* ‘двор’ [Сочинения 1975: 29; Тепляшина 1965: 166]. Возможно, значение данного слова передано не совсем точно, но так или иначе оно приближается к таким понятиям, как ‘усадь-

ба, хозяйство'. Указанное слово имеется еще в одном письменном памятнике, обнаруженном недавно исследователем истории удмуртов В. С. Чураковым, — в торжественной речи по случаю коронации великого государя, императора и самодержца Всероссийского Александра I, напечатанной в 1801 г. в сборнике, подготовленном сотрудниками и учениками Казанской духовной академии:

- (17) *ми Воцяъхъ лудѣнь но, дыньиъ но* <...> 'Мы все на полях, и в домех' <...> [Чураков 2017: 66—68].
 В современной интерпретации приведенное выражение можно представить в следующем виде:
ми вочак луд-ын но, дйнь-ын но,
 мы-PRON полностью-ADV поле-INESS и-CONJ домашний очаг-INESS и-CONJ
 'Мы все/полностью и в поле, и дома...'

Из контекста можно понять, что слово *дынь* 'дом' здесь противопоставляется слову *луд* 'поле', которое часто выступает как обозначение дикого, неосвоенного человеком пространства, следовательно, *дынь* — это не строение, здание, а домашний очаг.

Наречные формы *ди́не, ди́наз* 'домой' зафиксированы Ю. Вихманном в малмыжско-уржумском диалекте (= современный шошминский говор периферийно-южного диалекта. — С. М.) [Wichmann 1954: 50]. Словоформа *дин'э* 'домой' в шошминском говоре употребительна и ныне [Овчинникова 1996: 9]. В словаре Т. Борисова также имеется аналогичная форма слова, ср.: *дине* сев. сред., *доре* юж. 'домой к тебе, к себе в дом' [Борисов 1991: 86].

Об употреблении послелогов с основой на *дин'-* в верхнечепецком говоре как с одушевленными, так и с неодушевленными существительными сообщает А. А. Алашеева [Алашеева 1992: 19], например: *эиэ дин'ын* 'у друга', *с'ик дин'э* 'к лесу'. В итинском (тыловайском) и средневожском диалектах, как отмечает Т. И. Тепляшина [Тепляшина 1981: 290—291], весьма употребительны послелогом на *ди́н-*. Но здесь, как и в предыдущем случае, их значения необязательно связаны с понятием «домашний очаг», хотя в средневожских говорах они используются лишь применительно к именам существительным одушевленным. Южнее средневожских говоров словоформы с основой *ди́н-*, за исключением шошминского говора, не употребительны [Тепляшина 1981: 291].

Ареал функционирования вторичных пространственных падежей ограничивается нижнечепецким диалектом (слободской, косинский говоры) [Тепляшина 1970а: 167; 1981: 285—286], среднечепецким диалектом и говорами северо-запада Кезского района [Карпова 1997: 86—88; 2016а: 210—211; Максимов 1999а: 201]. В верхнечепецких говорах аналогичные падежные формы отсутствуют (за исключением говоров северо-запада Кезского района): им соответствуют конструкции с послелогом с основой *дин'э-* 'у, около, возле, при' (*эиэ дин'э* 'к своему другу', *эиэ дин'ыс'* 'от своего друга') [Карпова 2016а: 210—211].

В южной диалектной зоне вместо вторичных пространственных падежей и послелогов на *дин'-* распространены послелогом с основой *дор-* 'край, сторона; родина, родной дом'. В данном ареале названная основа может употребляться в качестве самостоятельного слова со значением 'домашний очаг, родина, родной дом'. Хотя серия послелогов с основой *дор-* употребляется практически повсеместно, в северной диалектной зоне данная основа в качестве отдельной лексемы не функционирует.

В диалектах северного и бесермянского наречий в указанной функции употреблялось слово *дин'*, которое, как и послелогом с данной основой, вышло из употребления после образования новых падежей [Тепляшина 1981: 290]. В шестидесятые годы прошлого века Т. И. Тепляшина в бесермянском наречии зафиксировала целую серию таких послелогов: *d'in'-* 'к, ко' [Тепляшина 1970а: 60], *d'in'e*, лит. *дйне* 'к', *d'in'oz'* 'до', *d'in't'i* 'мимо, возле', *d'in'ən* 'возле, около', *d'in'əs'en* 'от; с...' [там же: 79]. В наши дни Н. М. Люкиной удалось записать в юндинском говоре бесермян единственную форму *дин'e*. Она отмечает, что в речи бесермян функционируют послелогом с основой на *дор-* [Люкина 2016: 138]. Параллельное употребление жилищно-местных падежей и послелогов на *дин'-* (а также на *дор-*) ныне наблюдается лишь в северной части Кезского района — на крайней восточной границе распространения вторичных пространственных падежей.

8. В настоящее время количество падежей в литературных языках пермских народов не совпадает: в удмуртском литературном языке насчитывается 15 падежей, в коми-зырянском — 16, в коми-пермяцком — 17. В диалектах эта разница выражена еще в большей степени: в красноуфимском говоре удмуртского языка насчитывается всего 12 падежей [Насибуллин 1978: 96], в других южноудмуртских говорах употребляется, как правило, 13 падежей [Kel'makov, Saarinen 1994: 97—98; Кельмаков 2006: 116]. В северной диалектной зоне их количество доходит до 21. В территориальном отношении близких к северному наречию удмуртского языка южных коми-зырянских говорах в отличие от литературного языка насчитывается 17 падежей [Сорвачёва 1961: 465]. Максимальное их количество наблюдается в коми-

пермяцких диалектах, в которых насчитывается от 17 до 28 падежей [Баталова 1975: 141]. Процесс образования новых падежей в последних продолжается и в настоящее время.

Вторичные пространственные падежи в финно-угорских языках ныне известны в удмуртском, коми-пермяцком, венгерском [Kálmán 1994: 51, 135; Майтинская 1955: 133], в мордовских [Тепляшина 1981: 291, 292]. Естественно, встает вопрос о генетических связях вторичных падежей в названных родственных языках. По исследованиям К. Е. Майтинской [Майтинская 1981: 170—176], формирование категории послелогов в финно-угорских языках является поздним явлением, которое нельзя относить к финно-угорскому языку-основе. При этом ею отмечается, что в пермском праязыке существовала уже полноценная категория послелогов. Следовательно, образование вторичных падежей в удмуртском языке не может иметь генетических связей с подобным явлением в венгерском и мордовском языках.

Теоретически такая связь возможна лишь между близкородственными удмуртским и коми языками. Однако исследователи считают, что вторичные пространственные падежи в пермских языках сложились в период самостоятельного развития каждого из пермских языков [Некрасова 2002: 103—111; Кондратьева 2011: 23]. Анализ процессов формирования вторичных падежей в названных языках подтверждает приведенную выше мысль. Хотя приблизительно-местные падежи в коми-пермяцком и жилищно-местные падежи в удмуртском образованы от послелогов, восходящих к единой основе *дын-* ~ *дин'-*, падежные показатели характеризуются, во-первых, существенными различиями в формальных показателях, ср.: кп. *-дын* (< *дынын*) // удм. *-н'ын* (< *-дин'ын*), кп. *-дö* (< *дынö*) // удм. *-н'э* (< *дин'э*), кп. *-дöдз* (< *дынöдз*) // удм. *-н'оз'* (< *дин'оз'*) и т. д. Во-вторых, они имеют семантические различия: в отличие от удмуртских вторичных падежей, обозначающих место прохождения действия, связанное с понятием дома (домашнего очага), жилища, коми-пермяцкие приблизительно-местные падежи указывают на близкую дистанцию места прохождения действия (см.: [Баталова 1975: 138—141]).

8.1. Признавая тезис о том, что вторичные падежи в пермских языках сложились в период самостоятельного развития, нельзя не обратить внимание на факт увеличения количества падежей в коми языках и отдельных диалектах северной диалектной зоны удмуртского языка — с одной стороны, и тенденцию уменьшения количества падежей в южноудмуртском наречии — с другой. Указанный тренд развития в языке южных удмуртов, безусловно, был задан тюркскими языками⁵, под влиянием которых в современном марийском языке употребляется всего семь падежей, в отличие от пермских, а также мордовских и прибалтийско-финских языков, падежные системы которых насчитывают более десяти единиц [ОФУЯ 1975: 55, 59—62, 289—290; 1976: 44]. В отношении формирования новых падежей в северной диалектной зоне удмуртского языка Т. И. Тепляшиной было сделано предположение, что северноудмуртские говоры были вовлечены в общий процесс образования падежей на смежной территории, в которой во внутренней системе местных диалектов действует тенденция к укорочению языковых средств, выражающих отношения, связанные с местом [Тепляшина 1981: 291]

В целом соглашаясь с мнением Т. И. Тепляшиной, нам бы хотелось изложить свой взгляд, уточняющий причины и процессы возникновения вторичных пространственных падежей в удмуртском языке. На формирование новых падежей могли повлиять несколько факторов.

В качестве первого фактора можно назвать миграцию удмуртского населения с территории правобережья Нижней Камы на Нижнюю Чепцу, что подтверждается как историческими и этнографическими, так и лингвистическими данными [Чураков 2007: 87—88; 2008: 12; Атаманов 2010: 123; Максимов 2013: 97; 2014а: 182; 2014б: 211]. При этом большая часть упомянутого населения говорила на диалекте шошминского типа, в котором, как и в современном шошминском говоре, употреблялась лексема *diñ* (*дин'* < **дин'*) со значением 'дом, домашний очаг'. Данная лексическая единица послужила фундаментом для будущих падежей, выражающих локализацию DOMUS (POSS-DOMUS).

Вторым фактором могло быть взаимодействие нижнечепецких удмуртов с коми населением, в результате чего по аналогии с послелогом коми языков с основой *дин-/дйн-* (*дин-/дын-*) 'у, около' (общее значение близости), возникла серия послелогов на *диñ-* (*дин'-*), которые в отличие от послелогов на *дор-* (*дор-*) с общей семантикой близости, приближения: *дорын* 'у, около', *доры* 'к, ко', *дорыс'* 'от' и т. д. — имели семантику близости у домашнего очага, приближения к дому, домашнему очагу: *дин'ын* 'у, около кого-л. (дома, домашнего очага кого-л.)', *дин'э* 'к кому-л. (к дому, домашнему очагу кого-л.)', *дин'ыс'* 'от кого-л. (из дома, домашнего очага кого-л.)' и т. д. На такую специализацию послелогов могла повлиять не только первоначальная сема основы *дин'(-)* 'домашний очаг', но и функционирование в коми языке (языках) послелогов с локализацией DOMUS (с основой *ord-/opd-*). Наши исследования ареальных па-

⁵ В чувашском языке функционирует 8 падежей, не считая притяжательного; в татарском — 6 [Левитская 1976: 17—27; Сафиуллина 2000: 57].

раллелей в северноудмуртском наречии и языке (языках) коми позволяют вести речь о том, что после распада общепермской языковой общности контакты между пермскими племенами не прекратились. Определенные факты говорят о том, что общие языковые черты возникали не только в результате межареальных контактов, но и в результате межэтнического смешения, в частности некоторых групп коми населения в среде северных удмуртов (см. об этом, например: [Максимов 1996: 14—18; 2016: 117—119]). Подобное взаимодействие между пермскими языками могло привести не только к заимствованию лексических единиц, но способствовать возникновению вторичных типологических параллелей в грамматической структуре контактирующих языков.

Третьим фактором, в результате воздействия которого послелогои трансформировались до падежных морфем, могло послужить влияние аналогичных фонетических процессов в коми-пермяцких диалектах. Однако, нам представляется, что определенную роль в этом явлении сыграла также коми-зырянская модель локализации, в которой DOMUS выражается не только с помощью послелогов на *орд-*, но и с помощью первичных падежей, ср.:

- (18) *Ыджыд мам-ӧ-яс-ын* *я* *шыд-ӧн* *верд-исны* [ӖКК 2000: 81]
бабушка-PxSG1-PL-INESS мясной-ADJ суп-INSTR накормить-PAST.PL3
‘[Дома] у бабушки (букв. в бабушках) накормили мясным супом’.
- (19) *Бисин-ыс* *корасьны* *мӧдӧд-ас*
Бисин-PxSG3.DEICT свататься-INF отправлять-PRES.SG3
бать-мам-сӧ *Маша-яс-ӧ* [ӖКК 2000: 83]
отец-мать-ACC.PxSG3 Маша-PL-ILL
‘Бисин отправляет отца с матерью свататься к семье / в дом к Маше (букв. в Маше)’.
- (20) *Сава Сандра-ын*, *тыдалӧ*, *войпук-исны* *жӧ*,
Сава Сандра-INESS видно-PRNTH не спать-PAST.PL3 же-PART
эз *на* *узьны* [Попов 2008: 315]
не-NEG еще-PART спать-PAST.PL3
‘У Сава Сандры (букв. в Сава Сандре), видно, тоже еще не спали’ (примеры заимствованы из: [Кузнецов 2012: 125—126]).

После трансформации послелогов в новые падежи названные значения сконцентрировались в показателе *-н’-*, с помощью которого они формально различаются от соответствующих первичных местных падежей.

Описанные процессы вместе с миграционными волнами удмуртов и бесермян с Нижней Чепцы распространялись на Среднюю Чепцу, а оттуда на Верхнюю Чепцу и даже до территории современных средневосточных говоров, о чем можно судить по употреблению послелога с основой *дин’-*. Трансформация послеложных конструкций в падежные форманты произошла, безусловно, позднее, а потому исследуемые падежи успели распространиться только до Средней Чепцы. Так мы видим процесс образования вторичных пространственных падежей в удмуртских диалектах и формирование их ареала функционирования.

9. В качестве **заключения** приведем основные выводы настоящей работы. В отдельных диалектах северной диалектной зоны удмуртского языка функционируют дополнительные пространственные падежи. Исследователи давно обратили внимание на употребление словоформ с формантом *-н’-* (*-н’-*), однако в течение длительного времени не был определен статус этих форм, не раскрыта выражаемая ими семантика. Рассмотрению новых пространственных падежей впервые свою специальную работу посвятила Т. И. Тепляшина. Она описала многие аспекты функционирования этих падежей, но специфика значений ею до конца не была раскрыта. Спустя почти два десятилетия нами была опубликована работа, в которой изложены особенности семантики вторичных пространственных падежей. Тем не менее данная статья также не решила до конца исследуемую проблему, прежде всего это выражалось в отсутствии общепринятой терминологии, связанной с наименованием вторичных падежей. Разные удмуртские ученые, в первую очередь диалектологи, пользовались разной терминологической системой. Вопросам упорядочения системы наименований вторичных пространственных падежей удмуртского языка посвятила пару своих работ коми исследовательница морфологии Г. А. Некрасова. В отношении терминологии наши взгляды в целом совпадают с изложенной ею концепцией: вторичные пространственные падежи мы предлагаем называть *жилищно-местными*, а в латинском варианте использовать терминологический элемент *domus* (*домус-*).

По вопросу происхождения вторичных пространственных падежей ученые почти единодушны в том, что падежный формант *-н'* восходит к послеложной основе *дин'* 'у, около' (с общим значением близости, приближения). Несмотря на то что в коми-пермяцких диалектах функционируют вторичные пространственные падежи, в том числе образованные от аналогичной послеложной основы, общепринятой является мнение о возникновении этих падежей в период самостоятельного развития каждого из указанных языков, с чем мы полностью солидарны. Однако в нашей работе выдвигается и обосновывается мысль о том, что причиной формирования рассматриваемых падежей в удмуртском языке явились поздние контакты удмуртов с коми населением.

Сокращения

Языки и диалекты

англ. — английский язык	нч. — нижнечепецкий диалект
бес. — бесермянское наречие	сев. — северное наречие
венг. — венгерский язык	сред. — срединные говоры
вч. — верхнечепецкий диалект	сч. — среднечепецкий диалект
глаз. — глазовский диалект	удм. — удмуртский язык
кп. — коми-пермяцкий язык	ф. — финский язык
мар. — марийский язык	фр. — французский язык
мокш. — мокшанский язык	шг. — шагиртско-гондырский говор
нем. — немецкий язык	юж. — южное наречие

Общие

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо	INESS — инессив
ADJ — прилагательное; адъективная форма существительного	INF — инфинитив
ACC — аккузатив	INSTR — инструменталис
ADUP — локализация, связанная с нахождением поблизости, около, возле	NEG — отрицательный глагол
CONJ — союз	NOM — номинатив
CVB — деепричастие	NUM — числительное
DAT — датив	OBJ — объект (аккузатив с нулевым окончанием)
DEICT — дейктическое значение	PART — частица
DOM — локализация <i>domus</i>	PAST — прошедшее время
DOMUS — локализация, связанная с домашним очагом	PCPL — причастие
EGR — эгрессив	PP — послелог
EL — элатив	PRES — настоящее время
EMPH — эмфатическое значение	PRON — местоимение
EVID — эвиденциальность	Px — посессивный показатель
FUT — будущее время	PL — множественное число
GEN — генитив	POSS — локализация, выражающая посессивность
ILL — иллатив	PRNTH — вводное слово
	SG — единственное число

Литература

- Алашеева 1982 — *Алашеева А. А.* Верхнечепецкие говоры I // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 91—105. {*Alasheeva A. A.* Upper Chepts dialects I // Speech examples of the Udmurt language. Izhevsk, 1982. P. 91—105.}
- Алашеева 1992 — *Алашеева А. А.* Пространственные падежи северноудмуртского наречия: На материале верхнечепецкого говора // Пермистика [3]: Диалекты и история пермских языков. Сыктывкар, 1992. С. 16—19. {*Alasheeva A. A.* Spatial cases of the Northern Udmurt dialect: Based on the Upper Chepts sub-dialect // Permistica [3]: Dialects and history of the Permian languages. Syktyvkar, 1992. P. 16—19.}
- Атаманов 2010 — *Атаманов-Эграпи М. Г.* Происхождение удмуртского народа. Ижевск, 2010. {*Atamanov-Egrapi M. G.* Origins of the Udmurt people. Izhevsk, 2010.}
- Баталова 1975 — *Баталова Р. М.* Коми-пермяцкая диалектология. М., 1975. {*Batalova R. M.* Komi-Permyak dialectology. M., 1975.}

- Беккер и др. 1995 — Беккер Э. Г., Алиткина Л. А., Быконя В. В., Ильяшенко И. А. Морфология селькупского языка. Южные диалекты. Ч. I. Томск, 1995. {*Bekker E. G., Alitkina L. A., Bykonya V. V., Ilyashenko I. A. Morphology of the Selkup language. Southern dialects. Part I. Tomsk, 1995.*}
- Борисов 1991 — Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам. Толковый удмуртско-русский словарь. Ижевск, 1991. {*Borisov T. K. Удмурт кыллюкам. Udmurt-Russian lexicon. Izhevsk, 1991.*}
- Вахрушев 1959 — Вахрушев В. М. Об особенностях говоров северного диалекта удмуртского языка // Записки. 1959, 19. С. 228—241. {*Vakhrushev V. M. On some peculiarities of the Northern dialect of Udmurt // Transactions. 1959. Vol. 19. P. 228—241.*}
- Емельянов 1927 — Емельянов А. И. Грамматика вотяцкого языка. Л., 1927. {*Emelyanov A. I. Grammar of the Votyak language. L., 1927.*}
- Жигульская 2015 — Жигульская В. Р. Типология личных локативов // Двенадцатая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей: Тезисы докладов. СПб. С. 29—31. {*Zhigul'skaya V. R. Typology of personal locatives // Twelfth conference on typology and pragmatics for young researchers: Abstracts. SPb. P. 29—31.*}
- Карпова 1990 — Карпова Л. Л. О некоторых морфологических особенностях дебинского говора // Вопросы диалектологии и лексикологии удмуртского языка. Ижевск, 1990. С. 66—84. {*Karpova L. L. On some morphological peculiarities of the Deby sub-dialect // Issues in dialectology and lexicology of the Udmurt language. Izhevsk, 1990. P. 66—84.*}
- Карпова 1997 — Карпова Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка. Тарту, 1997. {*Karpova L. Phonetics and morphology of the Middle Cheptsä dialect of Udmurt. Tartu, 1997.*}
- Карпова 2005 — Карпова Л. Л. Среднечепецкий диалект удмуртского языка. Образцы речи. Ижевск, 2005. {*Karpova L. L. Middle Cheptsä dialect of Udmurt. Speech examples. Izhevsk, 2005.*}
- Карпова 2013 — Карпова Л. Л. Лексика северного наречия удмуртского языка: Среднечепецкий диалект. Ижевск, 2013. {*Karpova L. L. Vocabulary of the Northern dialect group of Udmurt: Middle Cheptsä dialect. Izhevsk, 2013.*}
- Карпова 2016а — Карпова Л. Л. Морфологические особенности имени существительного нижнечепецкого диалекта удмуртского языка // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2016. Т. 26, 3. С. 107—114. {*Karpova L. L. Morphological specifics of the noun in the Lower Cheptsä dialect of Udmurt // Udmurt University bulletin. History and philology series. 2016. Vol. 26, 3. P. 107—114.*}
- Карпова 2016б — Карпова Л. Л. Морфологические различия в северных диалектах удмуртского языка // *Linguistica Uralica*. 2016. Т. 52, 3. С. 209—227. {*Karpova L. L. Morphological differences in northern dialects of Udmurt // Linguistica Uralica. 2016. Vol. 52, 3. P. 209—227.*}
- Карпова 2017 — Карпова Л. Л. Морфологические маркеры нижнечепецкого диалекта удмуртского языка // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017. Т. 11, 1. С. 7—24. {*Karpova L. L. Morphological markers of the Lower Cheptsä dialect of Udmurt // Yearbook of Finno-Ugric studies. 2017. Vol. 11, 1. P. 7—24.*}
- Карпова, Кондратьева 2014 — Карпова Л. Л., Кондратьева Н. В. Система пространственных падежей в современном удмуртском языке: литературный язык vs диалекты // Финно-угорский мир. 2014, 3 (20). С. 24—31. {*Karpova L. L., Kondratyeva N. V. System of spatial cases in Modern Udmurt: literary language vs. dialects // Finno-Ugric world. 2014. Vol. 3 (20). P. 24—31.*}
- Кельмаков 1981 — Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи: Северное наречие и срединные говоры. Ижевск, 1981. {*Kel'makov V. K. Examples of Udmurt speech: Northern dialect group and middle sub-dialects. Izhevsk, 1981.*}
- Кельмаков 1995 — Кельмаков В. К. К вопросу о лексико-семантическом разряде лица / нелица имен существительных в удмуртских диалектах // Вестник Удмуртского университета. 1995, 5. С. 13—19. {*Kel'makov V. K. On account of lexico-semantic category of person / non-person of nouns in Udmurt dialects // Udmurt University bulletin. 1995. Vol. 5. P. 13—19.*}
- Кельмаков 2006 — Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии. Ижевск, 2006. {*Kel'makov V. K. Concise course of Udmurt dialectology. Izhevsk, 2006.*}
- Кондратьева 2011 — Кондратьева Н. В. Формирование падежной системы в удмуртском языке. Ижевск, 2011. {*Kondratyeva N. V. Forming of the case system in Udmurt. Izhevsk, 2011.*}
- КПРС 1985 — Баталова Р. М., Кривошекова-Гантман А. С. Коми-пермяцко-русский словарь. М., 1985. {*Batalova R. M., Krivoshchekova-Gantman A. S. Komy-Permyak-Russian dictionary. M., 1985.*}
- КРС 1961 — Тимушев Д. А., Колегова Н. А. Коми-русский словарь / Под ред. Лыткина В. И. М., 1961. {*Timushev D. A., Kolegova N. A. Komi-Russian dictionary / Ed. Lytkin V. I. M., 1961.*}
- Кузнецов 2012 — Кузнецов Н. Пространственная семантика местных падежей коми языка (когнитивный анализ). Тарту, 2012. {*Kuznetsov N. Spatial semantic of locative cases in Komi (a cognitive analysis). Tartu, 2012.*}
- КЭСК 1970 — Лыткин В. И., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970. {*Lytkin V. I., Gulyaev E. S. Concise etymological dictionary of the Komi language. M., 1970.*}
- Левитская 1976 — Левитская Л. С. Историческая морфология чувашского языка. М., 1976. {*Levitskaya L. S. Historical morphology of the Chuvash language. M., 1976.*}

Лыткин, Тепляшина 1959 — *Лыткин В. И., Тепляшина Т. И.* Некоторые особенности глазовского диалекта // Записки. 1959, 19. С. 218—227. {*Lytkin V. I., Teplyashina T. I.* Some specifics of Glazov dialect // Transactions. 1959. Vol. 19. P. 218—227.}

Люкина 2016 — *Люкина Н. М.* Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских берсермян. Ижевск, 2016. {*Lyukina N. M.* Phonetical and morphological specifics of Lekma and Yunda Besermyans language. Izhevsk, 2016.}

Майтинская 1955 — *Майтинская К. Е.* Венгерский язык. Ч. I: Введение. Фонетика. Морфология. М., 1955. {*Maytinskaya K. E.* Hungarian language. Part I: Introduction. Phonetics. Morphology. M., 1955.}

Майтинская 1981 — *Майтинская К. Е.* К относительной хронологии формирования послелогов в финно-угорских языках // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VI. Turku, 1981. С. 170—176. {*Maytinskaya K. E.* On relative chronology of postpositions forming in Finno-Ugric languages // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VI. Turku, 1981. P. 170—176.}

Максимов 1999а — *Максимов С. А.* О вторичных пространственных падежах в удмуртском языке // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии. Ижевск, 1999. С. 193—208. {*Maksimov S. A.* On secondary spatial cases in Udmurt // Problems of Udmurt and Finno-Ugric philology. Izhevsk, 1999. P. 193—208.}

Максимов 1999б — *Максимов С. А.* Севернoudмуртско-коми ареальные лексико-семантические параллели. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 1999. {*Maksimov S. A.* Northern Udmurt-Komi areal lexico-semantic parallels. Author's abstract of the Ph. D. thesis. Izhevsk, 1999.}

Максимов 2013 — *Максимов С. А.* Комментарий к карте «Мелкий (неглубокий)» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. III. 2013. С. 91—98. {*Maksimov S. A.* Commentary to the map “Shallow”. // Dialectological atlas of the Udmurt language. Maps and commentaries. 2013. Vol. III. P. 91—98.}

Максимов 2014а — *Максимов С. А.* Комментарий к картам «Коза», «Козёл», «Заяц» // Диалектологический атлас удмуртского языка: Карты и комментарии. Вып. IV. 2014. С. 181—191. {*Maksimov S. A.* Commentary to the maps “Goat”, “Billy-goat”, “Hare” // Dialectological atlas of the Udmurt language. Maps and commentaries. 2014. Vol. IV. P. 181—191.}

Максимов 2014б — *Максимов С. А.* Названия гриба-дождевика в диалектах удмуртского языка и их происхождение // Juuret marin murteissa, latvus yltää Uraliin: Juhlakirja Sirkka Saarisen 60-vuotispäiväksi. Helsinki, 2014. С. 203—214. {*Maksimov S. A.* Names of puff-ball mushroom in the Udmurt dialects and their origin // Juuret marin murteissa, latvus yltää Uraliin: Juhlakirja Sirkka Saarisen 60-vuotispäiväksi. Helsinki, 2014. P. 203—214.}

Максимов 2016 — *Максимов С. А.* О коми заимствованиях в удмуртском языке // Linguistica Uralica. 2016. Т. 52. Вып. 2. С. 111—121. {*Maksimov S. A.* On Komi loanwords in Udmurt // Linguistica Uralica. 2016. Vol. 52. Is. 2. P. 111—121.}

Насибуллин 1978 — *Насибуллин Р. Ш.* Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южнoudмуртского наречия. Ижевск, 1978. С. 86—151. {*Nasibullin R. Sh.* Observations of the Krasnoufimsk Udmurt language // On dialects and sub-dialects of the Southern Udmurt dialect group. Izhevsk, 1978. P. 86—151.}

Некрасова 2002 — *Некрасова Г. А.* Система L-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика. Сыктывкар, 2002. {*Nekrasova G. A.* L-cases system in Permian languages: origins and semantics. Syktyvkar, 2002.}

Некрасова 2009 — *Некрасова Г. А.* К вопросу о лингвистической терминологии в финно-угорских языках (на основе анализа падежей) // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2009. Т. 65, 3. С. 100—108. {*Nekrasova G. A.* On the topic of linguistic terminology in Finno-Ugric languages (based on the case names analysis) // Ural Federal University bulletin. Series 2: Humanities. 2009. Vol. 65, 3. P. 100—108.}

Некрасова 2012 — *Некрасова Г. А.* Приблизительно-местный, приблизительный инессив или же жилищно-местный? (о названиях падежей послеложного образования удмуртского языка) // Финно-угроведение. 2012, 1. С. 3—10. {*Nekrasova G. A.* Approximate-locative, approximate inessive or dwelling locative? (on the case names of post-positive formation in Udmurt) // Finno-Ugric studies. 2012. Vol. 1. P. 3—10.}

Овчинникова 1996 — *Овчинникова Е. А.* Фонетические и лексические особенности говора деревни Сырья шошминского диалекта удмуртского языка. Ижевск, 1996. {*Ovchinnikova E. A.* Phonetic and lexical specifics of the Syrya village sub-dialect of the Shoshma dialect of Udmurt. Izhevsk, 1996.}

ОФУЯ 1975 — Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки / Отв. ред. *Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редеи К.* 1975. {Basics of Finno-Ugric linguistics. Baltic Finnic, Saami and Mordvinian languages / Eds. *Lytkin V. I., Maytinskaya K. E., Redei K.* 1975.}

ОФУЯ 1976 — Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки / Отв. ред. *Лыткин В. И., Майтинская К. Е., Редеи К. М.*, 1976. {Basics of Finno-Ugric linguistics. Mari, Permian and Ugric languages / Eds. *Lytkin V. I., Maytinskaya K. E., Redei K. M.*, 1976.}

Попов 2008 — *Попов А. В.* Грезд: Повесьтьяс да висьтьяс. Сыктывкар, 2008. {*Popov A. V.* Грезд: Повесьтьяс да висьтьяс. Syktyvkar. 2008.}

Сафиуллина 2000 — *Сафиуллина Ф. С.* Татарский язык на каждый день: Самоучитель. Казань, 2000. {*Safullina F. S.* Tatar language for everyday use: Self-help book. Kazan, 2000.}

- Серебренников 1963 — *Серебренников Б. А.* Историческая морфология пермских языков. М., 1963. {*Serebrennikov B. A.* Historical morphology of Permic languages. M., 1963.}
- Сорвачёва 1961 — *Сорвачёва В. А.* Краткий грамматический справочник по диалектам коми-зырянского языка // Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов. Сыктывкар, 1961. С. 456—489. {*Sorvachyova V. A.* Concise grammatical handbook of Komi-Zyryan dialects // Comparative dictionary of Komi-Zyryan dialects. Syktyvkar, 1961. P. 456—489.}
- Сочинения 1975 — Сочинения принадлежащая къ грамматикъ вотского языка. Въ Санктпетербургъ при Императорской Академіи наукъ 1775 года. [В книге: Первая научная грамматика удмуртского языка. Ижевск, 1975.]. {*Treatises pertaining to the Votyak language grammar. In Saint-Petersburg with the Imperial Academy of Sciences of 1775.* [In: First scientific grammar of Udmurt. Izhevsk, 1975.]}
- Тепляшина 1965 — *Тепляшина Т. И.* Памятники удмуртской письменности XVIII века. Вып. 1. М., 1965. {*Teplyashina T. I.* Monuments of Udmurt writing of the 18th century. M., 1965. Vol. 1.}
- Тепляшина 1967 — *Тепляшина Т. И.* О способах образования топонимов в бассейне реки Чепцы // Вопросы финно-угорского языкознания. Ижевск, 1967. Вып. IV. С. 211—213. {*Teplyashina T. I.* On the method of toponym creation in the Cheptsya river basin // Issues in Finno-Ugric linguistics. Izhevsk, 1967. Vol. IV. P. 211—213.}
- Тепляшина 1970а — *Тепляшина Т. И.* Нижнечепецкие говоры севернудмуртского наречия // Записки. Вып. 21: Филология. Ижевск, 1970. С. 156—196. {*Teplyashina T. I.* Lower Cheptsya dialects of the Northern Udmurt dialect group // Proceedings. Vol. 21: Philology. Izhevsk, 1970. P. 156—196.}
- Тепляшина 1970б — *Тепляшина Т. И.* Язык бесермян. М., 1970. {*Teplyashina T. I.* Language of the Besermyans. M., 1970.}
- Тепляшина 1981 — *Тепляшина Т. И.* О новых удмуртских падежах // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VI. Turku, 1981. С. 285—292. {*Teplyashina T. I.* On new Udmurt cases // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VI. Turku, 1981. P. 285—292.}
- УРС 1983 — *Белов А. С., Вахрушев В. М., Скобелев Н. А., Тепляшина Т. И.* Удмуртско-русский словарь. Под ред. Вахрушева В. М. М., 1983. {*Belov A. S., Vakhrushev V. M., Skobelev N. A., Teplyashina T. I.* Udmurt-Russian dictionary. Ed. Vakhrushev V. M. M., 1983.}
- Усачёва 2011 — *Усачёва М. Н.* Семантика локативных падежей в уральских языках: опыт систематизированного описания (на примере бесермянского наречия) // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum Piliscsaba 2010. Pars VI. Пилишчаба, 2011. С. 120—128. {*Usachyova M. N.* Semantics of the locative cases in Uralic languages: an attempt of systematic description (using the Besermyan dialect) // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum Piliscsaba 2010. Pars VI. Piliscsaba, 2011. P. 120—128.}
- Усачёва 2012 — *Усачёва М. Н.* Локативные падежи в составе групп с пространственным значением в пермских языках. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2012. {*Usachyova M. N.* Locative cases as a part of groups with spatial meaning in Permic languages. Author's abstract of the Ph. D. thesis. Moscow, 2012.}
- Усачёва, Сердобольская 2015 — *Усачёва М. Н., Сердобольская Н. В.* Грамматикализация новых деепричастных форм на *-оннига-* в бесермянском удмуртском // Типология морфосинтаксических параметров. М., 2015. С. 366—391. {*Usachyova M. N., Serdobolskaya N. V.* Grammaticalization of new adverbial participles with *-оннига-* in Besermyan Udmurt // Typology of morphosyntactic parameters. M., 2015. P. 366—391.}
- Федотов 1982 — *Федотов М. К.* Ворцинский говор бесермянского наречия // Образцы речи удмуртского языка. Ижевск, 1982. С. 116—130. {*Fedotov M. K.* Vortsa sub-dialect of the Besermyan dialect // Speech examples of the Udmurt language. Izhevsk, 1982. P. 116—130.}
- Чеснокова 2014 — *Чеснокова Л. В.* Концепт Heim (дом, домашний очаг): убежище от экзистенциального страха в немецкой культуре // Философия и культура. 2014, 5 (77). С. 719—724. {*Chesnokova L. V.* Concept of Heim (home, hearth): a shelter from existential fear in German culture // Philosophy and culture. 2014. Vol. 5 (77). P. 719—724.}
- Чураков 2007 — *Чураков В. С.* Расселение удмуртов в Вятско-Камском регионе X—XVI вв. // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции: Научно-практический журнал. 2007, 2 (2). С. 79—100. {*Churakov V. S.* Settlement of Udmurts in the Vyatka-Kama region in 10th—16th cent. // Idnakar: Methods of historical and cultural reconstruction: Theoretical and practical journal. 2007. Vol. 2 (2). P. 79—100.}
- Чураков 2008 — *Чураков В. С.* К проблеме расселения пермских народов в конце I — первой половине II тыс. н. э. // Иднакар: Методы историко-культурной реконструкции: Научно-практический журнал. 2008, 1 (3). С. 4—20. {*Churakov V. S.* On the problem of the Permic peoples settlement from the end of the 1st millennium to the first half of the 2nd millennium A. D. // Idnakar: Methods of historical and cultural reconstruction: Theoretical and practical journal. 2008. Vol. 1 (3). P. 4—20.}
- Чураков 2017 — *Чураков В. С.* Забытые памятники удмуртской письменности // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2017. Т. 11. Вып. 3. С. 66—77. {*Churakov V. S.* Forgotten monuments of the Udmurt writing // Yearbook of Finno-Ugric studies. Izhevsk, 2017. Vol. 11. Is. 3. P. 66—77.}
- Daniel 2003 — *Daniel M. A.* Towards a typology of personal locatives. Problem setting. Talk at The Fifth International Conference of the Association for Linguistic Typology (ALT V). Cagliari, September 15—18, 2003. (<http://web.tiscali.it/summerschool/ALT/Daniel.htm>)

- Kálmán 1994 — *Kálmán B.* Nyelvjárásaink. Budapest, 1994. 6. kiadás.
 Kel'makov, Saarinen 1994 — *Kel'makov V., Saarinen S.* Udmurtin murteet. Turku — Izevsk, 1994.
 ÖKK 2000 — *Федюнёва Г. В.* (ред.) Ёния коми кыв. Морфология. Сыктывкар. 2000. {Ёния коми кыв. Ed. *Fedyu-neva G. V.* Morphology. Syktyvkar. 2000.}
 Usačeva, Archangel'skij 2017 — *Usačeva M., Archangel'skij T.* Grammaticalization of new Cases in Beserman Udmurt // *Linguistica Uralica*. 2017. Vol. 53, 3. P. 27—48.
 Wichmann 1901 — *Wichmann Y.* Wotjakische Sprachproben II: Sprichwörter, Rätsel, Märchen, Sagen und Erzählungen. Helsingfors, 1901.
 Wichmann 1954 — *Wichmann Y.* Wotjakische Chrestomathie mit Glossar. Anhang: Grammatikalischer Abriss von D. R. Fuchs. Zweite, ergänzte Auflage. Helsinki, 1954.

РЕЗЮМЕ

Статья посвящена исследованию вторичных пространственных падежей, распространенных в северной диалектной зоне удмуртского языка. Работа выполнена на основе обобщения опыта предшествующих исследований, в том числе появившихся в текущем столетии, а также собственного наблюдения над диалектами. Особое внимание уделяется дискуссионным моментам, в частности, это — вопрос о семантике падежей, выражающих понятие «жилище, домашний очаг», иначе говоря, локализацию DOMUS. Данный тип локализации типологически встречается достаточно редко, а потому многими исследователями специфика вторичных падежей удмуртских диалектов была понята не совсем точно. Из-за необычности семантики падежей до сих пор не утвердились их названия, которые мы предлагаем называть *жилищно-местными*, а в латинском варианте использовать терминологический элемент *domus* (домус-). Также в работе впервые выдвигается и обосновывается мысль о том, что причиной формирования рассматриваемых падежей явились поздние контакты носителей удмуртских диалектов с коми населением.

SUMMARY

The article is aimed at studying secondary spatial cases which are used in the Northern dialect zone of the Udmurt language. The research is based on previous studies, including the latest ones conducted in the 21st century, and also the author's own observations on the dialects. Special attention is paid to controversial aspects, for example, to the issue concerning the semantics of the cases expressing the meaning of “home, hearth”, in other words, the DOMUS localization. This type of localization is typologically quite rare, and therefore many researchers failed to understand the specificity of secondary cases in the Udmurt dialects. Because of the unusual semantics of the cases, their names have not been endorsed yet, and I propose calling them domicile local cases, and in the Latin version to use the term *domus*. I also set forth and justify the idea that the analyzed cases have developed due to late contacts between the Northern Udmurt dialect speakers and the Komi population.

Ключевые слова: удмуртский язык, вторичные пространственные падежи, жилищно-местные падежи, локализация DOMUS, коми языки, контакты пермских языков

Keywords: Udmurt language, secondary spatial cases, domicile local cases, DOMUS localization, Komi languages, contacts of the Permic languages

Максимов Сергей Анатольевич, Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН (Ижевск); makser02@yahoo.com

Sergey A. Maksimov, The Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Izhevsk); makser02@yahoo.com

Кодирование участников при двухместных предикатах в лесном диалекте энецкого языка¹

1. Введение

Основная задача исследования, представленного в данной статье, состоит в том, чтобы создать типологический портрет системы классов двухместных предикатов лесного диалекта энецкого языка², выделить черты этой системы, специфические для энецкого языка или, в некоторых случаях, для самодийских языков в целом, а также описать такие типы предикатов и случаи вариативности в кодировании участников, которые не освещаются подробно в существующих описаниях энецкого языка.

Изложение в статье строится по принципу движения от более общего, типологического взгляда на устройство классов двухместных предикатов, который предполагает несколько упрощенное представление данных, к анализу более частных явлений и закономерностей использования глаголов в текстах.

Из классов двухместных предикатов с типологической точки зрения будет обсуждаться только класс переходных глаголов энецкого языка — его состав и границы. Переходные глаголы обсуждаются в типологической литературе больше, чем какой бы то ни было другой класс двухместных предикатов, см. [Norper, Thompson 1980; Lazard 2002; Næss 2007 и др.], и часто рассматриваются как дефолтный тип кодирования ситуаций с двумя участниками. Семантически в центре этого класса находятся глаголы, обозначающие ситуации, в которых присутствуют участники с ролями Агенса и Пациенса (о свойствах Агенса и Пациенса см., например, [Dowty 1991]), такие как ‘убить’, ‘сломать’. Этим агентивным глаголам с точки зрения кодирования в разных языках может уподобляться более или менее широкий круг глаголов, в разных отношениях отличающихся от центральных представителей класса [Lazard 2002: 152; Malchukov 2005: 82—83]. Границы класса переходных глаголов значительно различаются в разных языках и не могут быть определены в семантических терминах. При этом идентификация класса переходных глаголов обычно не представляет трудности, поэтому классы переходных глаголов поддаются непосредственному межъязыковому сопоставлению. В этой статье переходные глаголы будут единственным классом, рассматриваемым не только с внутриязыковой, но и с сопоставительной точки зрения.

Для классов непереходных двухместных предикатов отсутствует четкая процедура межъязыковой идентификации, поэтому сравнение границ классов непереходных глаголов в разных языках затруднительно, см. об этой проблеме [Say 2014: 121—123]. Здесь классы непереходных предикатов энецкого языка будут рассматриваться с внутриязыковой точки зрения с привлечением материала естественных текстов, и основное внимание будет уделено случаям вариативного кодирования актантов при двухместных предикатах, прежде всего таким аспектам этой вариативности, которые связаны с семантическими или грамматическими свойствами самих предикатов.

Изложение в статье структурировано следующим образом. В разделе 2 описываются средства кодирования участников при переходных глаголах энецкого языка. Эти сведения относятся к базовым фактам грамматики энецкого языка, они изложены во многих работах, и здесь служат лишь фоном. Раздел 3 содержит описание источников и способов сбора данных. В оставшихся разделах изложены результаты. В разделе 4 представлен обзор классов двухместных предикатов энецкого языка. В разделе 5 обсуждается класс переходных глаголов. Разделы 6 и 7 посвящены двум случаям вариативного кодирования участников: вариативности между дативом и послелогом *diez* ‘в сторону’ в области оформления Стимула и Адресата, а также вариативности между двумя средствами оформления участника с ролью Сопровождающего. В разделе 8 рассматриваются предикаты, при которых одушевленный участник с ролью Посессора или Экспериенцера не занимает позицию подлежащего, а выражается в какой-либо косвенной позиции. Раздел 9 содержит обобщение результатов исследования.

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта ОГОН РФФИ № 17-34-01068. Я благодарю С. С. Сая, О. В. Ханину, А. Б. Шлуинского и двух анонимных рецензентов за комментарии. Все неточности и ошибки остаются на совести автора.

² Энецкий язык относится к самодийской группе уральской языковой семьи. Он представлен двумя диалектами: лесным и тундровым. В данном исследовании отражены данные лесного диалекта энецкого языка. В дальнейшем для краткости иногда используется обозначение «энецкий язык», однако всегда имеется в виду только лесной диалект.

2. Свойства базовой переходной конструкции лесного диалекта энецкого языка

В переходной конструкции современного лесного диалекта энецкого языка подлежащее и прямое дополнение не всегда формально противопоставлены. При отсутствии посессивных показателей формы номинатива и аккузатива (а также генитива) существительных дефолтного словоизменительного класса, к которому относится большинство существительных энецкого языка, совпадают (1). У существительных других словоизменительных классов выделяется косвенная основа, которая используется без падежных показателей в случае, если такое существительное выступает в роли прямого дополнения или зависимого при имени или послелого, ср. (2) с существительным *ɔdiʔ* ‘зелень’, которое в первом случае занимает позицию подлежащего, во втором — прямого дополнения.

(1) *entfeu-ʔ te-ʔ kaza-goo-ʔ*
 человек-PL олень-PL добыть-DUR-3PL.S
 ‘Люди оленей убивают’³.

(2) *nebe-on baze-j-zuʔ ɔdiʔ taxa <...> ɔdizu oo-di dʔiri-ʔ tezaʔ*
 новый-PROL.SG вырасти-PTCP.ANT-NOM.SG.3PL зелень позади зелень.OBL есть-CVB жить-3PL.S сейчас
 ‘Вновь выросшая их зелень вон. <...> Сейчас они живут тем, что едят траву’.

В посессивном склонении с морфологической точки зрения выделяются два падежа (которые обозначаются в глоссах как номинатив и обликвус), однако с дистрибутивной точки зрения можно выделить три ядерных падежа, ср. фрагмент посессивной парадигмы для единственного числа обладаемого и единственного числа посессора в таблице 1.

Таблица 1

Посессивные показатели для единственного числа обладаемого
и единственного числа посессора в энецком языке

Лицо посессора	Подлежащее	Приименное зависимое	Прямое дополнение
1	<i>-jʔ, -biʔ</i>	<i>-nʔ</i>	<i>-jʔ, -biʔ</i>
2	<i>-r</i>	<i>-d</i>	<i>-d</i>
3	<i>-za</i>	<i>-da</i>	<i>-da</i>

В представленном фрагменте посессивной парадигмы в каждой из строк формально противопоставлено только два показателя: показатель, используемый для прямого дополнения, при посессоре первого лица единственного числа формально совпадает с показателем, используемым для подлежащего, при посессорах второго и третьего лица — с показателем, используемым для приименного зависимого. Проблема выделения ядерных падежей в энецком языке подробно обсуждается в [Ханина, Шлуинский 2013]. Для личных местоимений формы номинатива и аккузатива морфологически противопоставлены, см. (3) с аккузативной формой местоимения в позиции прямого дополнения.

(3) *buus-ej, modi fit tezaʔ ɔ-da-zʔ*
 старик-EXC я ты.ACC сейчас съест-FUT-1SG.S
 ‘Старик, я тебя сейчас съем!’

³ Примеры, использованные в статье, в основном взяты из корпуса текстов на лесном диалекте энецкого языка объемом около 210 000 слов. Этот корпус включает: (а) современные естественные тексты, которые были записаны и аннотированы в 2005—2011 гг. О. В. Ханиной, А. Б. Шлуинским, М. А. Овсянниковой, Н. М. Стойновой, С. А. Трубецким в рамках проекта «Документация энецкого языка: оцифровка и анализ архивных материалов и полевая работа с последними носителями» при финансовой поддержке международного фонда «Программа документации языков, находящихся под угрозой исчезновения» («Endangered Languages Documentation Programme», ELDP) при Институте Азии и Африки Лондонского университета; (б) архивные естественные тексты 1960—1990-х гг., записи которых были любезно предоставлены Дудинским отделением ГТРК «Норильск», Таймырским Домом народного творчества, Д. С. Болиной, О. Э. Добжанской, И. П. Сорокиной, А. Ю. Урманчиевой, также аннотированные в рамках названного выше проекта; (в) тексты, записанные и расшифрованные в ходе экспедиций 2015—2016 гг. А. Б. Шлуинским и автором настоящей статьи. Примеры, взятые из этого корпуса, приведены без указания на источник. Часть примеров взята из текстов, опубликованных в [Сорокина, Болина 2005]; для них через точку приводятся номер текста и номер предложения. Примеры, полученные с помощью элицитации, сопровождаются соответствующей пометой.

Таким образом, несмотря на отсутствие морфологически противопоставленных форм номинатива и аккузатива у большинства существительных в непосессивном склонении, контексты, в которых формы подлежащего и прямого дополнения различаются, достаточно распространены и не относятся к грамматической периферии.

Для переходной конструкции энецкого языка свойственны также особые средства вершинного маркирования — переходный глагол может принимать согласовательные показатели т. н. субъектно-объектного спряжения, которые кумулятивно выражают лицо и число подлежащего и число прямого дополнения (4), в некоторых случаях — также временные или модальные значения (5).

(4) *энеј не-да кэзэ-би-зэ ани*
энецкий женщина-OBL.SG.3SG добыть-PRF-3SG.SOSg и
'Она убила энецкую женщину'.

(5) *эбу-хуо буники-? эма-ду?*
что-ТОР собака-PL съест-3PL.SOSg.IMP
'Это пусть какие-нибудь собаки съедят'.

Финитные формы переходных глаголов не всегда используются с показателями субъектно-объектного спряжения, они также могут маркироваться согласовательными показателями субъектного спряжения, выражающими лицо и число подлежащего, но не прямого дополнения. Только субъектное, но не субъектно-объектное спряжение возможно в случае, если в качестве прямого дополнения выступает личное местоимение первого или второго лица, см. (3). В зоне вариативности использование согласовательных показателей субъектно-объектного спряжения статистически связано с определенностью прямого объекта и нестандартным порядком слов (отличным от SOV), см. [Ханина, Шлуинский 2015].

Таким образом, в переходной конструкции энецкого языка используются две системы средств кодирования участников: падежное кодирование именных групп и вершинное кодирование с помощью согласовательных показателей. При двухместных непереходных предикатах один из участников принимает форму номинатива, а другой оформляется каким-либо из пространственных падежей: дативом, локативом или аблативом — или послелогом. При всех послелогах энецкого языка зависимое выступает в той же форме, что и зависимое при именной вершине. В непереходных клаузах в зависимости от типа предиката и его грамматических свойств используются согласовательные показатели субъектной или медиальной серий; согласование на глаголе в непереходных клаузах вызывает только участник в номинативе.

3. Данные и методы

При исследовании состава и количественного соотношения классов двухместных предикатов энецкого языка отправной точкой служила анкета, созданная для типологического исследования неканонического (непереходного) кодирования ситуаций, в которых присутствует по крайней мере два участника. Устройство этой анкеты и принципы обработки собранных с помощью нее данных описаны в [Сай 2011; Сай 2014]. Анкета состоит из стимульных предложений, содержащих предикат в контексте, задающем определенный тип участников и ситуации в целом. Во многих случаях предложения незначительно модифицировались с учетом реалий, близких носителям энецкого языка, но только в рамках заданного типа участников и значения предиката, ср. пример (6), который соответствует ситуации, представленной в анкете, с точностью до второго участника (в исходном предложении — 'корова').

(6) *modi kasa-j? ti-za tanija (nebe kczuj-d)*
я товарищ-NOM.SG.1SG олень-NOM.PL.3SG гонять.3SG.S новый место_объединенное_оленьями-DAT.SG
'Мой товарищ гонит оленей (на новое пастбище)'. (элиц.)

В использованной анкете фокус намеренно смещен в сторону таких глагольных значений, которые в языках мира часто кодируются непереходно. За счет этого разнообразие мелких классов и периферийных способов кодирования может быть охвачено в большей степени, чем при случайной выборке предикатов или выборке, основанной на частотности глаголов в текстах.

Всего из 130 предложений анкеты для 97 были получены такие эквиваленты на энецком языке, которые могли быть подвергнуты дальнейшему анализу. Из оставшихся 33 предложений для 24 в энецком языке не нашлось достаточно точного способа описания ситуации ('мечтать', 'наказывать', 'отвечать', 'соглашаться' и др.). В других случаях полученный эквивалент отвергался по структурным причинам. В частности, в трех случаях предложение не содержало такого предиката, который задавал бы способ кодирования двух заданных участников, ср. (7). Еще три ситуации в энецком языке описываются трех-

местными глаголами (8), при которых кодирование объектного участника, заданного в анкете, может зависеть от того, как кодируется оставшийся объектный участник, и определяться иными семантическими закономерностями, чем при двухместных предикатах.

- (7) *modi ɛdu-niʔ mirzu dʉuʔ tisʔatʃa bese*
я лодка-OBL.SG.1SG цена сто тысяча железо
‘Моя лодка стоит сто тысяч рублей’ (элиц.).
- (8) *kafi-xiti-ta tʃike ɛbu-xoo mɛte-t ni-uʔ*
мужчина-ABL.PL-OBL.PL.3SG этот что-ТОП выиграть-FUT.CONN NEG-3SG.S.CONT
‘У товарищей он ведь что-нибудь выиграет’.

Среди рассматриваемого далее множества из 97 предложений во всех случаях, кроме одного, используется какой-либо глагольный предикат. Неглагольный предикат — прилагательное *dʉgod* ‘другой’ — используется для описания ситуации ‘отличаться’ (9).

- (9) *kɔdo-za dʉgode ne kɔdo-xozo*
санки-NOM.SG.3SG другой женщина санки-ABL.SG
‘Их нарта отличается от женской нарты’.

Каждое предложение обсуждалось не менее чем с двумя носителями. Обобщения, сделанные на основании перевода предложений носителями, были проверены на материале естественных текстов — для тех предикатов, которые в них засвидетельствованы.

Исследование вариативности в кодировании участников в первую очередь проводилось на материале естественных текстов, а данные элицитации учитывались в меньшей степени. Наиболее распространенные типы вариативности были выявлены при работе по анкете, но в рассматривавшийся впоследствии круг предикатов были включены и другие предикаты, близкие по значению или способу кодирования участников.

4. Обзор классов

Объектом классификации, представленной в данном разделе, выступают не отдельные лексемы энецкого языка, взятые во всем множестве своих употреблений, а лексемы в определенном значении, заданном контекстом. Такой подход обусловлен тем, что некоторые лексические единицы обозначают сразу несколько различных ситуаций, и кодирование участников при них в разных ситуациях может различаться. Так, в (10) и (11) глагол *kaji* используется в двух разных значениях: ‘остаться’ и ‘отстать’. Кодирование участников в этих двух случаях также различается: в (10) один из участников (‘Иван’) кодируется как посессор, другой (‘двести рублей’) занимает позицию подлежащего, в (11) один из участников (‘один олень’) занимает позицию подлежащего, другой (‘товарищи’) используется в форме аблатива.

- (10) *ivan fize dʉuʔ bese-za kaji*
Иван два сто железо-NOM.SG.3SG остаться.3SG.S
‘У Ивана осталось двести рублей’ [Сорокина, Болина 2005: 59.17].
- (11) *ʃo-lʉu te kafi-xiti-ta kaji-bi*
один-RESTR олень мужчина-ABL.PL- OBL.PL.3SG остаться-PRF.3SG.S
‘Один олень отстал от товарищей’ [Сорокина, Болина 2005: 26.2].

В то же время, некоторые ситуации могут описываться двумя разными способами — с помощью разных глаголов или с помощью одного и того же глагола, при котором наблюдается вариативное кодирование участников. В таких случаях в качестве основного выбирался более естественный, более частотный способ описания ситуации. Если одинаково естественными оказывались два варианта, переходный и непереходный, то выбирался непереходный, поскольку непереходные модели в большей степени семантически наполнены и более детально выявляют принципы группировки предикатных значений, чем дефолтная переходная. Далее, если возможными оказывались глагольный и неглагольный предикаты при равенстве предшествующих условий, выбирался глагольный. Наконец, в случае вариативного кодирования участника при каком-либо предикате основным считался такой способ, который связан с меньшими ограничениями на тип участника. В примерах (12)—(13) представлено два способа описания ситуации ‘быть похожим’, из которых в качестве основного рассматривался более частотный вариант, представленный в (12) — с глаголом *ʃa* ‘быть’ и послелогом *dʉez* ‘в сторону’.

- (12) *ɔbu-xuru sama diez ni ɣa-ʔ*
 что-EVEN птица в_сторону NEG.3SG.S быть-CONN
 '[Эта птица] ни на какую птицу не похожа'.
- (13) *ɣo-l'u-uf mod' sijʔ puzu-guri-d*
 один-RESTR-TRANSL я я.ACC быть_похожим-IMP.SFT-2SG.S
 'Пусть хотя бы ты будешь на меня похож'.

Распределение способов кодирования участников при предикатах анкеты представлено в таблице 2. В первых двух столбцах указаны средства, которые используются при предикатах каждого из классов для кодирования первого и второго участников. В большей части ситуаций первым считался единственный одушевленный участник. Так, в ситуации, представленной в (10), первый участник — 'Иван', второй — 'двести рублей'. В случаях, когда оба участника относятся к одному и тому же классу с точки зрения одушевленности, учитываются другие семантические параметры, в частности наиболее естественное распределение референциальных статусов участников. Например, в ситуации 'пахнуть' (14) для участника, издающего запах (в данном случае — 'мясо лебедя'), более естественно быть референтным, чем для другого участника ('рыба').

- (14) *n'en'u, tam-ubi entʃeu-ʔ, kare-xon ɔsa-za ɔtiʔe*
 лебедь сказать-NAV.3SG.S человек-PL рыба-LOC.SG мясо-NOM.SG.3SG пахнуть.3SG.S
 'У лебедя, люди говорят, мясо пахнет рыбой'.

При предикатах всех классов, представленных в таблице 2, кроме одного, первый участник занимает позицию подлежащего — кодируется номинативом и вызывает согласование на глаголе. Средство кодирования оставшегося, неподлежащего участника для каждого из классов выделено полужирным. В следующих двух столбцах приведены примеры предикатов (в ряде случаев в скобках указано, для описания какой ситуации предикат используется в сочетании с данным средством кодирования), а также указан набор основных ролей, которые выполняют при предикатах этого класса неподлежащие участники. В крайнем правом столбце указано количество предикатов, входящих в выделенные классы.

Таблица 2

Классы двухместных предикатов в лесном диалекте энецкого языка

Кодирование участников		Примеры предикатов	Семантические роли неподлежащего участника	Кол-во предикатов
I	II			
NOM	ACC	<i>sekuru</i> 'укусить' <i>ɔte</i> 'ждать' <i>piis</i> 'бояться'	Пациент и другие	55
NOM	DAT	<i>sija</i> 'утонуть' <i>man</i> 'сказать' <i>ediu</i> 'обрадоваться'	Цель, Адресат, Стимул	11
NOM	LOC	<i>lebitur</i> 'махать' <i>tarur</i> 'драться'	Инструмент, Сопровождающий	10
NOM	ABL	<i>kaji</i> 'остаться' (= 'отстать') <i>paʃaru</i> 'стесняться'	Исходная точка, Стимул	8
NOM	<i>diez</i> 'в сторону'	<i>seɣir</i> 'смотреть'	Стимул	5
NOM	<i>miʔ</i> 'в'	<i>tʃu</i> 'войти'	Цель	1
NOM	<i>niz</i> 'из'	<i>kaʔa</i> 'спуститься'	Исходная точка	1
NOM	<i>nɔruʔ</i> 'поперек'	<i>kan'e</i> 'уйти' (= 'пересечь')	Траектория	1
NOM	<i>pɔɔn</i> 'за'	<i>d'azu</i> 'идти' (= 'следовать')	Ориентир	1
NOM	NOM	<i>d'e</i> 'болеть' <i>tɔɔri</i> 'хватать'	Поссessor	4

Классы предикатов в таблице 2 упорядочены сначала по тому, какой из участников, первый или второй, занимает позицию подлежащего, затем — по частотности. Наиболее многочисленный класс в таблице 2 составляют переходные глаголы — с помощью переходной конструкции кодируется более половины ситуаций, для которых были получены энецкие эквиваленты. Класс переходных глаголов является самым многочисленным и в других языках, данные которых представлены в [Say 2014]. Среди

оставшихся классов предикатов примерно равны по численности классы предикатов, при которых первый участник занимает позицию подлежащего, а второй кодируется одним из пространственных падежей: дативом, локативом или аблативом. Несколько менее распространены ситуации, в которых второй участник оформляется послелогом *d'ez* ‘в сторону’. При единичных предикатах второй участник кодируется с помощью других послелогов. Доля, которую составляет каждый из классов в представленном распределении, не отражает относительную частотность соответствующего класса в предикатном лексиконе энецкого языка, поскольку, как упоминалось выше, в анкете наблюдается перевес в сторону ситуаций, для которых типологически часто фиксируется непереходное кодирование. Тем не менее, можно предположить, что то, каким образом классы упорядочиваются по частотности, примерно соответствует степени задействованности косвенных средств разного типа в кодировании центральных участников двухместных ситуаций в энецком языке в целом. Это предположение согласуется и с общими представлениями о грамматикализации средств кодирования семантических ролей участников. Падежи обычно обладают более разветвленной сетью значений, в частности абстрактных, поэтому используются для кодирования участников в более широком круге ситуаций, чем пред- или послелогов, см. [Kittilä et al. 2011: 4]. Послелог *d'ez* ‘в сторону’ в свою очередь является более грамматикализированным, чем прочие послелогов, приведенные в таблице 2, которые могут употребляться только в пространственном (в случае послелога *pəən* ‘за’ — также во временном) значении, но не используются для кодирования более абстрактных семантических ролей, например роли Стимула.

На основании того, каким кругом значений обладает тот или иной падеж или послелог, часто возможно предсказать, при каких глаголах он будет использоваться для кодирования участников. Можно сказать, что представленные в таблице 2 классы предикатов в большой степени являются обратной стороной того набора значений, которые традиционно выделяются у пространственных падежей и послелогов энецкого языка. Так, показателем локатива может оформляться участник с ролью Места, а также Инструмент и Сопровождающий участник, ср. [Сорокина 2010: 72—77]. Для кодирования похожего на Инструмент участника локатив используется, в частности, при глаголах *lebitur* ‘махать’ или *ətis* ‘пахнуть’ (14), для кодирования Сопровождающего участника — при глаголах *tarur* ‘драться’ или *d'orir* ‘разговаривать’ (15).

- (15) *əbu, entfe-gon d'ori-d' senuku-za bun'i təne-ʔ*
 что человек-LOC.SG разговаривать-CVB игрушка-NOM.SG.3SG NEG.EMPH.3SG.S иметься-CONN
 ‘А что, с людьми разговаривать — это не игрушка’.

Однако полное соответствие между ролями участников и средствами кодирования отсутствует. Общность средств кодирования при значительном семантическом разнообразии, как уже упоминалось во введении, наблюдается в классе переходных глаголов. В частности, при переходных энецких глаголах, приведенных в таблице 2, второй участник является, соответственно, Пациентом, Темой и Стимулом. Подробнее переходные глаголы энецкого языка обсуждаются в следующем разделе.

Разнообразные средства кодирования используются для участников, выполняющих роль Стимула. При глаголах, попавших в выборку, участники с этой ролью кодируются аблативом (16), дативом, послелогом *d'ez* ‘в сторону’ (17) или занимают позицию прямого дополнения. При многих глаголах наблюдается вариативность в кодировании Стимула. Так, при глаголе *baruu* ‘сердиться’ в нескольких примерах, обнаруженных в текстах, Стимул кодируется аблативом (16), однако возможно, по-видимому, также оформление Стимула дативом и послелогом *d'ez*, ср. [Сорокина 2010: 77, 92, 192].

- (16) *nε-r n'i-xizo-da baruma*
 женщина-NOM.SG.2SG ребенок-ABL.PL-OBL.SG.3SG рассердиться.3SG.S
 ‘Женщина на детей рассердилась’. [Сорокина, Болина 2005: 34.13]

- (17) *tʃike entfe-da d'ez seŋiŋa*
 этот человек-OBL.SG.3SG в_сторону смотреть.3SG.S
 ‘[Она] смотрит на этого человека’.

Отсутствие единого способа кодирования Стимула очень распространено типологически и обычно связывается с тем, что семантические свойства Стимулов при разных экспериенциальных глаголах значительно различаются [Verhoeven 2007: 54—69; Fedriani 2014: 19—33]. Кроме того, в целом для ситуаций, в которых участниками являются Экспериенцер и Стимул, часто используются какие-либо непереходные способы кодирования, что является отражением неоднозначного распределения агентивных и пациентивных свойств между этими двумя участниками [Bossong 1998; Næss 2007: 185—196]. Экспериенцер, как и Агенс, может быть только одушевленным, однако, в отличие от Агенса, часто не обладает

контролем над ситуацией и претерпевает изменение состояния. Эти семантические особенности отражаются в том, что Экспериенцер часто кодируется не как подлежащее, а как косвенный объект, см. [Bosson 1998]. В энецком языке, как и в большей части языков северо-восточной Евразии [Nichols 2008: 134], косвенное кодирование Экспериенцера встречается редко. В таблице 2 присутствует только один класс непереходных глаголов, при которых единственный одушевленный участник ситуации не занимает позицию подлежащего — это класс, при котором первый участник кодируется так же, как Посессор, см. пример (10) выше. Подробнее косвенное кодирование одушевленного участника рассматривается в разделе 8.

При тех предикатах, данные о которых отражены в таблице 2, распространены три типа вариативности: между дативом и послелогом *d'ez* ‘в сторону’, использующимися для кодирования Стимула и Адресата; между локативом в комитативном значении и послелогом *noʔ* ‘с’; между пространственными падежами и послелогом при обозначении участников с ролью цели, исходной точки или местонахождения. В рамках данной статьи будут рассматриваться только первые два из этих типов вариативности, поскольку вариативность между пространственными падежами и послелогом затрагивает более широкий круг средств кодирования участников и в меньшей степени, чем оставшиеся два случая, затрагивает область актантных участников. Вариативность между дативом и послелогом *d'ez* ‘в сторону’ и двумя указанными способами выражения комитативного значения рассматриваются в разделах 6 и 7.

5. Переходные глаголы

По-видимому, во всех языках переходные глаголы составляют самый многочисленный класс двухместных глаголов, однако языки различаются тем, насколько широк круг ситуаций, для которых используется переходная конструкция, см. [Malchukov 2005: 75; Haspelmath 2015]. В энецком языке из 97 ситуаций, кодирование которых отражено в таблице 2, 55 кодируются с помощью переходных глаголов, т. е. около 0.57. На фоне других языков северной Евразии, для которых были получены сопоставимые данные, такая доля переходных глаголов сравнительно высока. В частности, в энецком языке переходные двухместные глаголы оказались более распространены, чем в других уральских языках: венгерском (0.49), коми-зырянском (0.45), эрзянском мордовском (0.47), ингерманландском финском (0.38) и эстонском (0.34), см. [Say 2014: 135—139, 165]⁴, данные ингерманландского финского анализируются в [Мищенко 2012]. В то же время, в языках Сибири, для которых имеются сходные данные, доля переходных глаголов в основном выше и ближе к наблюдаемой в энецком языке: для эвенкийского языка она равна 0.59, для якутского — 0.53, для чукотского — 0.59, для нанайского — 0.60, см. [Там же]⁵. То, что энецкий язык по доле переходных глаголов группируется скорее с другими языками Сибири, а не с распространенными западнее уральскими языками, можно связать с тем, что последние находятся в ареале, в целом демонстрирующем склонность к непереходному кодированию ситуаций, ср. [Say 2014: 138; Haspelmath 2015: 139—141].

Часть ситуаций, которые в энецком языке обозначаются переходными глаголами, кодируются с помощью переходных конструкций и в большей части других языков, для которых имеются данные. Во всех перечисленных выше языках к переходным относятся, в частности, глаголы, описывающие ситуации ‘убить’, ‘есть’, ‘гнать’ и ‘терять’, которые в энецком языке обозначаются, соответственно, глаголами *kaza* ‘добыть’ (4), *o* ‘съесть’ (5), *tanir* ‘гнать’ (6) и *d'os* ‘потерять’ (18).

- (18) *ezuzu-m-a-da* *fer banka-ku-da* *d'os-pi*
 поехать-MULT-NMLZ-OBL.SG.3SG дело банка-DIM-OBL.SG.3SG потерять-PRF.3SG.S
 ‘Пока ехала, баночку свою потеряла’.

В некоторых случаях в энецком языке переходные глаголы используются для описания ситуаций, которые в других ареально или генетически близких языках в основном обозначаются непереходными предикатами. Так, к переходным в энецком языке относятся экспериенциальные глаголы *biis* ‘думать’, *nozoza* ‘брезговать’⁶, *piis* ‘бояться’, а также глагол *perzi* ‘помочь’, см. (19)—(20).

⁴ Данные венгерского и эрзянского мордовского языка в указанной статье не представлены. Данные венгерского языка были собраны и обработаны В. Р. Жигульской, эрзянского мордовского — К. А. Шагал.

⁵ Данные эвенкийского языка были собраны и обработаны Н. Я. Булатовой и Е. В. Перехвальской, якутского языка — А. П. Ноговицыной. Следует отметить, что еще для двух языков северной Евразии, для которых имеются данные, — бурятского (собран А. В. Азаргаевой) и тувинского (собран А. А. Сюрюн) — доля переходных глаголов несколько ниже: 0.51 и 0.49 соответственно.

⁶ Глагол *nozoza* ‘брезговать’ не встретился в текстах, но зафиксирован в словаре [Сорокина, Болина 2009: 282].

(19) *modⁱ-xoo, mana, tʃike te-d piiʔe-u*
 я-ТОР сказать.3SG.S этот олень-OBL.SG.2SG бояться-1SG.SOSg
 ‘Я-то, он сказал, боюсь этого твоего оленя’.

(20) *eke ne modʃinaʔ kizi-naʔ nɔzoza*
 этот женщина мы посуда-PL.1PL брезговать.3SG.S
 ‘Эта женщина брезгует нашей посудой’ (элиц.).

Обратный случай — использование непереходного кодирования ситуации, для которой более типично переходное кодирование, — представляет собой глагол *kɔma* ‘хотеть’, при котором второй участник оформляется дативом⁷, см. (21).

(21) *ɔbu kadʒazu koba-d kɔma-d, tɔrse-naʔ tɔne-ʔ*
 что добыча шкура-DAT.SG хотеть-2SG.S такой-PL.1PL иметься-3PL.S
 ‘Какого пушного зверя шкуру хочешь, такие есть у нас’.

Кодирование участников при многих из перечисленных выше глаголов в самодийских языках обсуждается в [Терещенко 1973: 21—38]. Согласно этому исследованию, глагол со значением ‘помочь’ относится к переходным и в других самодийских языках [Там же: 33—34], в то время как глаголы ‘бояться’ и ‘думать’ в них употребляются непереходно: первый — с аблативом⁸, второй — с пролативом [Там же: 33—34, 37]. Когнатный энецкому глагол *нанзко(сь)* со значением ‘брезговать’ в ненецком языке также является переходным, ср. примеры в [Терещенко 1965: 284]. Наконец, как указано в [Терещенко 1973: 37], при энецком и ненецком глаголах со значением ‘хотеть’ *kɔma* и *хярва(сь)* второй участник оформляется дативом, в нганасанском такое же управление наблюдается при глаголе *карбудя* ‘хотеть’; переходным является другой нганасанский глагол с таким значением *хуси*, а также глагол *кыкыџо* ‘хотеть, любить’ в селькупском языке. Таким образом, некоторые примечательные с типологической точки зрения расширения переходной модели оказываются общими для всех или части самодийских языков, но некоторые являются специфическими именно для энецкого языка.

В ряде случаев непереходность глаголов можно связать не с собственно словарными свойствами отдельных лексем, а с их морфологическими особенностями. Некоторым непроизводным переходным глаголам (перфективным и имперфективным) можно поставить в соответствие родственные непереходные имперфективные глаголы: второй участник при них или маркируется косвенным средством, или не может быть выражен в принципе. Такое соотношение наблюдается в парах глаголов *biis* ‘помнить, думать’ и *biitur* ‘думать’ (22)—(23), а также *diɔza* ‘выстрелить’ и *diɔzutur* ‘стрелять’, *magus* ‘нуждаться’ и *magudur* ‘быть бедным, нуждаться’, *ɔte* ‘ждать’ и *ɔtedur* ‘ожидать’.

(22) *mɔzaʔa-ku-d biiʔe-d*
 работа-DIM-OBL.SG.2SG помнить-2SG.S
 {Какой бы жизнь ни была тяжелой,} ‘ты думаешь о своей работенке’.

(23) *entʃeʔ mɔzaʔa-da diez-ri mu-d, biitu-d ni-uʔ*
 человек работа-OBL.SG.3SG в_сторону-RESTR PLC-FUT.CONN думать-FUT.CONN NEG-3SG.S.CONT
 ‘Человек ведь только о работе будет думать’.

В [Siegl 2013: 322—323] аффикс *-du / -tu*, содержащийся в составе непереходного члена этих и подобных им пар, рассматривается как средство образования непереходных глаголов от переходных или от имен существительных. Однако следует отметить, что не все глаголы с таким аффиксом относятся к непереходным, например, как переходные употребляются оба глагола в парах *nazu* ‘облизать’ — *nazudur* ‘облизывать’ или *tɔris* ‘очистить’ — *tɔritur* ‘очищать’. Тем не менее, приведенные выше примеры позво-

⁷ В остальных перечисленных выше языках северной Евразии глагол ‘хотеть’ относится к переходным (в случае если при нем вообще может использоваться второй участник, выраженный именной группой). В базе ValPal [Hartmann et al. 2013], на данных которой основана статья [Haspelmath 2015], из 18 языков, в которых первый участник (*wanter*), занимает позицию подлежащего, только в одном второй участник (*wanted thing*) не кодируется как прямое дополнение, а оформляется косвенным средством.

⁸ Для энецкого языка также указывается, что в нем глагол ‘бояться’ используется с аблативом, но этому утверждению противоречат примеры из текстов, ср. (19), в том числе многочисленные примеры в [Сорокина, Болина 2005], в которых глагол *piis* ‘бояться’ употребляется только как переходный. Употребления соответствующего глагола ненецкого языка со вторым участником, оформленным аблативом, представлены в [Терещенко 1965: 465; Nikolaeva 2014: 192].

ляют говорить о связи между имперфективной морфологией и непереходностью. Такая связь, судя по данным [Терещенко 1973: 31, 35—36], наблюдается и в других самодийских языках, ср.: «Характерной особенностью ненецкого языка является широкое использование специальных формантов, придающих переходных глаголам характер непереходности» [Там же: 31]. Одну из пар, демонстрирующих такое отношение, составляют переходный глагол *хоймла(сь)* ‘махнуть’ и непереходный *хоймлагу(сь)* ‘махать’ [Там же: 35—36]. Подобные примеры вписываются и в типологические представления о том, что синтаксическая непереходность отражает какие-либо отклонения ситуации от семантической переходности; одним из таких отклонений считается отсутствие достижения предела, характерное для имперфективных глаголов, см. [Nopper, Thompson 1980].

Вариативность между переходным и каким-либо непереходным способом кодирования по сравнению с другими типами вариативности (см. разделы 6 и 7) встречается в энецком языке редко. У глагола *dʉzeri* ‘слушать’ переходное и непереходное употребление связано с семантикой ситуации: восприятие какого-либо произведения (‘песня’, ‘разговор’) или источника звука (‘радио’) описывается переходной конструкцией (24), для ситуаций, предполагающих подчинение Экспериенцера, используется датив или послелог *diez* (25). Во втором случае Стимул чаще оказывается одушевленным, чем в первом, однако это различие, по-видимому, обусловлено спецификой этих двух типов ситуаций. Такой же закономерности подчиняется употребление глагола *nɔdos* ‘слушать’, однако он гораздо чаще, чем *dʉzeri* ‘слушать’, обозначает ситуации восприятия в чистом виде.

(24) *tʃike bare fee-xuru nʉ-f dʉzire-ʔ*
этот песня кто-EVEN NEG-3SG.S.PST слушать-CONN
‘Эти песни никто не слышал’.

(25) *εε-xo-duʔ i-bi-ʔ dʉzire-ʔ*
мать-DAT.SG-OBL.SG.3PL NEG-PRF-PL слушать-CONN
‘Своей матери они не слушались’. [Сорокина, Болина 2005: 37.3]

При глаголах *tɛbu* ‘попасть’ и *dʉza* ‘выстрелить’ второй участник также может занимать позицию прямого объекта или маркироваться дативом (в некоторых случаях — послелогом *diez*). В этом случае переходное кодирование обычно используется в случае, если второй участник одушевленный (26), непереходное — если он является неодушевленным. В качестве неодушевленных участников при этих глаголах чаще всего выступают части тела (27), иногда — природные объекты (‘небо’, ‘вода’).

(26) *ɔre kezɛr tɛbu-ʔ nʉ-buʔ*
перед дикий_олень попасть-CONN NEG-1SG.SOSg.CONT
‘Я попал в того самого дикого’.

(27) *ɲulʉ peja-xa-da tɛbu-bi-zʔ*
очень лоб-DAT.SG-OBL.SG.3SG попасть-PRF-1SG.S
‘Я попал ему прямо в лоб’.

Семантически такую вариативность можно связать с тем, что второй участник при этих глаголах совмещает роли пространственной Цели и Пациенса. Если он одушевленный, более существенны его пациентивные свойства — претерпеваемое воздействие; если неодушевленный, на первый план выходит компонент перемещения в пространстве. Однако другие энецкие глаголы с близкой семантикой не допускают подобной вариативности: глагол *dʉze* ‘ударить’, родственный глаголу *dʉza* ‘выстрелить’, используется только как переходный, даже если второй участник неодушевленный (28), как и глагол *dʉjta* ‘тронуть’.

(28) *sɔjza-an no dʉze-u*
хороший-PROL.SG дверь ударить-1SG.SOSg
‘Я сильно стукнул по двери’. [Сорокина, Болина 2009: 104]

Глаголы *tɛbu* ‘попасть’ и *dʉza* ‘выстрелить’ отличаются от этих глаголов тем, что они предполагают опосредованный контакт — через другой объект, который совершает перемещение (‘пуля’, ‘стрела’). При глаголе *tɛbu* ‘попасть’ этот объект может занимать позицию подлежащего, что также указывает на то, что значение этого глагола предполагает наличие совершающего перемещение объекта-Темы (29).

(29) *kaja sɔɔ i-nʉ-f toniʔ tɛbu-ʔ*
солнце взгляд NEG-CONJ-3SG.S.PST туда попасть-CONN
‘Солнечный свет чтоб туда не попадал’.

Типологически при глаголах со значением ‘ударить’, ‘выстрелить’ и под. выбор переходного или непереходного кодирования часто зависит от того, происходит ли контакт со вторым участником, и непереходное кодирование выбирается в случае, если действие оказывается безрезультатным [Cennamo 2003: 55—56]. В энецком языке этот признак не влияет на выбор кодирования при указанных глаголах — так, при глаголе *d'ɔza* ‘выстрелить’ переходное кодирование используется и в случае, если выстрел не был успешным (30).

- (30) *an'i ko-xogu-u, an'i d'ɔza-a* (...)
и найти-NORT-1SG.SOSg и выстрелить-1SG.SOSg очень долго-LOC
kudaxaa-n mal'e d'ɔza, kan'e-f
долго-LOC уже идти.3SG.S уйти-3SG.S.PST
‘Дай-ка я опять попробую, я опять выстрелил в нее [росомаху]. Но она уже далеко, далеко идет, ушла’.

Как можно видеть, и связь переходности с имперфективностью глагола, и семантические признаки, определяющие выбор кодирования в случае вариативности, могут быть обобщены в каждом случае только на очень небольшой круг глаголов энецкого языка. Тем не менее, они могут быть интерпретированы с опорой на типологические представления, касающиеся распределения переходного и непереходного кодирования ситуаций в зависимости от их семантических свойств.

6. Вариативность между дативом и послелогом *d'ez* ‘в сторону’

И датив, и послелог *d'ez* ‘в сторону’ могут употребляться в пространственном значении для кодирования участника, по направлению к которому осуществляется перемещение (31).

- (31) *mod'ina? entfeu-na? nɔda, buuse d'ez kan'e-?*
мы человек-PL.1PL он(а).DAT старик в_сторону уйти-3PL.S
‘Наши люди к нему, к старику пошли’.

Здесь, однако, будет рассматриваться другая группа контекстов, в которых наблюдается вариативность между этими средствами, — употребления в более абстрактном значении для кодирования участников с ролью Стимула или Адресата. В текстах или полевых материалах такой тип вариативности зафиксирован при следующих глаголах этой зоны: *baruu* ‘рассердиться’, *baruzir* ‘сердиться’, *bɔbur* ‘обижаться’, *kauzur* ‘ругаться’, *nadujr* ‘молиться’, *naldur* ‘подлизываться’, *d'ezdur* ‘доверять’, *d'ɔa* ‘надеяться’, *sejir* ‘смотреть’, *nɔdadir* ‘тарашиться’, *d'uzeri* ‘слушать’, *leur* ‘кричать’, *d'ɔrir* ‘говорить’, *man* ‘сказать’. Н. М. Терещенко приводит глаголы *baruu* ‘рассердиться’ и *sejir* ‘смотреть’ среди глаголов, управляющих дативом [Терещенко 1973: 33]; эти же два глагола упоминаются как допускающие оформление второго участника и дативом, и послелогом *d'ez* ‘в сторону’ в [Сорокина 2010: 77, 193]. Как показывают данные текстов, выбор средства прежде всего связан с типом выражения участника: если участник выражен с помощью личного местоимения, возможен только датив (32); участники, выраженные именными группами (а также местоимениями других типов: указательными, вопросительными и т. п.), могут оформляться и дативом, и послелогом *d'ez* (33).

- (32) *nɔda sejija an'i, piŋja*
он(а).DAT смотреть.3SG.S и смеяться.3SG.S
‘Он на него смотрит и смеется’.
- (33) *d'ɔɔ-xo-da, t'fike kamer d'ez seji-da*
Дѐа-DAT.SG-OBL.SG.3SG этот покойник в_сторону смотреть-FUT.3SG.S
‘На Дѐа, на покойника этого смотреть будет’.

Это обобщение согласуется и с суждениями носителей. В полученных с помощью элицитации примерах местоименные зависимые при перечисленных глаголах всегда оформлялись дативом, использование же послелога *d'ez* в случае, если зависимое выражено местоимением, в основном оценивалось как недопустимое⁹. Лишь в одном случае оказалось возможным оформление местоименных участников

⁹ При большей части послелогов энецкого языка участники, выраженные с помощью личных местоимений, кодируются с помощью посессивного показателя, факультативно может также использоваться личное местоимение в форме, совпадающей с номинативом (эта форма употребляется и в позиции приименного зависимого), ср. *d'eon* ‘ради’, (*mod'i*) *d'eon-i-n?* ‘ради-OBL.SG.1SG’ ‘ради меня’. Послелог *d'ez* является одним из немногих послелогов

только послелогом *d'iez*, но не дативом — в случае, когда ситуация ‘быть похожим’ описывается с помощью послелога *d'iez* и глагола *ŋa* ‘быть’ (12). Возможно, в этом сочетании замена группы послелога падежной формой невозможна из-за того, что значение ситуации передается прежде всего послелогом *d'iez*, а не глаголом *ŋa* с обедненной лексической семантикой.

Для участников, выраженных с помощью именной группы, кодирование с помощью послелога *d'iez* при разных глаголах распространено не в равной мере. В таблице 3 приведены все те из перечисленных выше глаголов, которые встретились в текстах на лесном диалекте энецкого языка¹⁰; несмотря на то, что личные местоимения всегда оформляются дативом, для сравнения приводится и количество употреблений с личными местоимениями.

Таблица 3

Распределение датива и послелога *d'iez* в текстах

Глагол	Личное местоимение	Именная группа	
		Датив	Послелог <i>d'iez</i>
<i>seŋir</i> ‘смотреть’	8	8	17
<i>nɔdadir</i> ‘таращиться’	0	0	1
<i>kauzur</i> ‘ругаться’	1	0	1
<i>leur</i> ‘кричать’	1	1	5
<i>d'uzeri</i> ‘слушаться’ ¹¹	10	2	2
<i>d'ɔrir</i> ‘говорить’	10	4	1
<i>man</i> ‘сказать’	87	118	9

Базовые глаголы речи *man* ‘сказать’ и *d'ɔrir* ‘говорить’, расположенные в двух нижних строках таблицы 3, составляют единую группу и по значению, и по предпочтительному способу кодирования участников: при обоих глаголах преобладает датив. При этом все примеры употребления этих глаголов с послелогом *d'iez* зафиксированы в текстах двух носителей. По-видимому, при базовых глаголах речи вытеснения датива послелогом *d'iez* не происходит — послелог при них используется лишь периферийно.

При глаголе *seŋir* ‘смотреть’ — втором по частотности глаголе таблицы 3 — чаще используется послелог *d'iez*. Таблица 4 показывает, что послелог *d'iez* чаще используется при одушевленных Стимулах (33), датив — при неодушевленных (34) (различие статистически значимо, двусторонний вариант точного теста Фишера, $p < 0.05$).

Таблица 4

Одушевленность и кодирование Стимула при глаголе *seŋir* ‘смотреть’

Одушевленность	Маркирование Стимула		Доля примеров с послелогом
	Датив	Послелог <i>d'iez</i>	
Одушевленные	1	10	0.1
Неодушевленные	7	7	0.5

(34) *to baru-d seŋi-lu-d-e-d' ani*
 озеро край-DAT.SG смотреть-INCH-FUT-M-2SG.M и
 ‘На берег озера посмотришь’.

энецкого языка, при которых местоименные зависимые принимают форму генитива и не могут быть выражены с помощью посессивного показателя. При этом в текстах примеров, в которых зависимое при этом послелогом было бы выражено местоимением, не встретилось — в тех контекстах, где именные группы оформляются послелогом *d'iez*, для личных местоимений используется форма датива.

¹⁰ Для двух последних глаголов таблицы 3 отражено количество употреблений каждого из указанных типов, встретившихся в корпусе оглоссированных текстов, для остальных, менее частотных глаголов учитывались также употребления в текстах, опубликованных в [Сорокина, Болина 2005], а также разобранных, но не оглоссированных текстах, т. е. приведенные в таблице 3 данные не отражают то, как соотносятся по частотности два последних глагола со всеми остальными.

¹¹ Основное значение глагола *d'uzeri* — ‘слушать’, однако поскольку в непереходном употреблении он используется в значении ‘слушаться’, здесь приводится именно оно.

В 6 из 7 случаев дативом оформлены обозначения частей объектов (*bar* ‘край’, *keɔ* ‘сторона’, *ʃe* ‘отверстие’), которые часто выступают именно в пространственных падежах, в большей или меньшей степени сближаясь с послелогом. Можно предположить, что у таких существительных форма датива не вытесняется послелогом *dʲez*, поскольку она существует в качестве самостоятельной единицы со значением направления и используется в качестве аналога групп с послелогом *dʲez* и тогда, когда контекст предполагает абстрактное значение направления.

Распределение средств при глаголе *sejir* ‘смотреть’ можно рассматривать как любопытное нарушение иерархии одушевленности: дативом при нем оформляются личные местоимения и неодушевленные именные группы, но не одушевленные участники.

Распределение средств при оставшихся глаголах таблицы 3 не складывается в сколько-нибудь четкую картину. Можно было бы предположить, что использование послелога *dʲez* связано с ролью Стимула в противоположность роли Адресата, однако глагол *leur* ‘кричать’ и в употреблениях с послелогом выступает только в качестве глагола речи (35).

- (35) *tɔʔ buuse dʲez leu-l-e-zʔ ɲob tɔri*
 сюда старик в_сторону кричать-INCH-M-3SG.M так_же так
 ‘Вот она тоже закричала этому старику’.

7. Оформление Сопровождающего участника: локатив и послелог *nɔʔ* ‘с’

Комитативное значение, или значение сопровождения, также может выражаться несколькими разными средствами. Здесь будут рассматриваться два средства с таким значением: локатив (местный падеж) и специализированный послелог *nɔʔ* ‘с’ (36).

- (36) *modʲ nɔnida, ese-kuji-nʲʔ nɔʔ tu-xon kareza-xitʃ*
 я он(а).LOC отец-POOR-OBL.SG.1SG с PLC-LOC.SG рыбачить-3DU.S.PST
 ‘Я с ним, вместе со своим покойным отцом в этом самом рыбачили’.

Как и в случае вариативности, рассматривавшейся в предыдущем разделе, наиболее существенным является противопоставление между личными местоимениями и прочими типами зависимых, и, как и в предыдущем случае, местоимения в основном используются в падежной форме. В текстах встречаются единичные употребления местоимений и с послелогом *nɔʔ* ‘с’ (37), но некоторыми носителями такие примеры оценивались как сомнительные. Среди именных групп вариативность между локативом и послелогом *nɔʔ* ‘с’ распространена более широко, ср. (36) и (38).

- (37) *anʲ kanʲe-jʔ jet ʃita nɔʔ*
 и уйти-1DU.S/SOSg вот он(а).GEN с
 ‘И опять поехали с ним’.

- (38) *ɔnej baza-an ese-xone-nʲʔ tɔʃkɔ modʲinaʔ diorim-ubi-aʔ*
 энецкий язык-PROL.SG отец-LOC.SG-OBL.SG.1SG только мы разговаривать-НАВ-1PL.S/SOSg
 ‘По-энецки мы разговаривали только с отцом’.

Хотя между участниками разных семантических классов, по-видимому, также существуют различия, здесь будет обсуждаться только связь выбора средства со свойствами возглавляющего клаузу глагола. В основном будут рассматриваться контексты, в которых и Сопровождающий, и Сопровождаемый участники являются личными. Это ограничение частично снимает проблему влияния семантического типа участников. Кроме того, именно ситуации с двумя личными участниками соответствуют центральному типу ситуаций сопровождения, см. [Stolz et al. 2006: 26—27].

Участник с ролью Сопровождающего совместим с гораздо более широким кругом ситуаций, чем участники с ролью Стимула или Адресата. Сопровождающий является актантом при симметричных предикатах типа ‘разговаривать’, ‘драться’, ‘целоваться’ [Архипов 2009: 148]; именно такие предикаты входят в использованную анкету. При этом ясно, что участник с ролью Сопровождающего может быть и сирконстантом, ср. (36)—(37). Более того, обычно прототипическими употреблениями комитативной конструкции, на основании которых определяется то, каким образом она устроена в том или ином языке, считаются контексты с глаголами движения (‘приходить’, ‘идти’ и т. п.), см. [Там же: 86; Stolz et al. 2006: 26].

Таблица 5 показывает, как распределены локатив в комитативном значении и послелог *nɔʔ* ‘с’ при различных глаголах в текстах на лесном диалекте энецкого языка. По отдельности рассматривается

оформление личных местоимений и именных групп. Всего в имеющихся текстах более чем при 60 глаголах выражен Сопровождающий участник, оформленный одним из этих средств. Небольшую часть этого множества составляют симметричные глаголы. Все глаголы этого типа, при которых участник с ролью Сопровождающего выражен в текстах хотя бы один раз, приведены в нижней части таблицы 5 (в данном случае два примера описывают ситуации с одушевленными неличными участниками). Из числа несимметричных глаголов в таблицу 5 были включены только такие глаголы, при которых Сопровождающий выражен не менее пяти раз. Эти глаголы приведены в верхней части таблицы 5 в порядке увеличения доли употреблений с локативом.

Таблица 5

Оформление Сопровождающего участника локативом и послелогом *нэ?* 'с' в текстах

Глагол	Именная группа		Личное местоимение	
	Локатив	Послелог <i>нэ?</i>	Локатив	Послелог <i>нэ?</i>
Несимметричные предикаты				
<i>be</i> 'дежурить'	0	4	2	1
<i>рэгур</i> 'рыбачить'	1	7		
<i>кад'а</i> 'охотиться'	1	4	1	
<i>кажи</i> 'остаться'	1	5	2	
<i>кан'е</i> 'уйти'	7	23	7	1
<i>то</i> 'прийти'	4	9		
<i>д'азу</i> 'идти'	6	13	13	1
<i>д'ири</i> 'жить'	18	23	17	
<i>ε/ηа</i> 'быть'	6	7	10	
<i>мэсара</i> 'работать'	8	7	3	
Симметричные предикаты				
<i>д'орир</i> 'разговаривать'	21	11	19	
<i>каузур</i> 'ругаться'	1	1		
<i>сенуко</i> 'играть'	1			
<i>сери</i> 'быть завязанным'	1			
<i>таруку</i> 'сцепиться'	1			
<i>тарур</i> 'драться'	1			
<i>татебе</i> 'быть замужем'	2	1		

Несмотря на то что для большинства глаголов число употреблений не превышает десяти, можно отметить некоторые закономерности в распределении двух средств. И при несимметричных, и при симметричных предикатах возможны оба способа кодирования Сопровождающего. Тем не менее, можно предположить, что выбор между ними связан с противопоставлением этих двух групп глаголов. Так, при несимметричных глаголах для маркирования именных групп в основном используется послелог *нэ?*. Наиболее существенный перевес наблюдается при глаголах движения и некоторых других динамических глаголах (*be* 'дежурить', *рэгур* 'рыбачить', *кад'а* 'охотиться'). При некоторых несимметричных глаголах и местоименные участники в единичных случаях маркируются послелогом. Возможно, несколько большая частотность локатива при трех глаголах этой группы: *д'ири* 'жить', *мэсара* 'работать' и бытийного глагола — объясняется совмещением комитативной и локативной семантики, ср. пример (39), о комитативной интерпретации которого можно судить скорее по предложенному носителем переводу, чем по контексту.

- (39) *modi ese-xone-ni?*,   *ese-xone-ni?*   *jefo мэсара-zutf*   *an'i*
 я   отец-LOC.SG-OBL.SG.1SG   отец-LOC.SG-OBL.SG.1SG   еще   работать-1SG.S.PST   и
 'Я с отцом / у отца, у отца работал еще' (т. е. в бригаде, которой руководил отец; два варианта перевода были предложены носителем при разборе).

Единственный частотный глагол в таблице 5, при котором оформление Сопровождающего локативом существенно преобладает, — глагол *д'орир* 'разговаривать' (38). Этот глагол — наиболее распространенный в текстах симметричный глагол. Несмотря на то что при остальных симметричных глаголах, представленных в таблице 5, встретились лишь единичные употребления с Сопровождающим участником в позиции косвенного объекта, в них для его кодирования так же, как при глаголе *д'орир* 'разговаривать', скорее используется локатив, ср. (40) с симметричным употреблением глагола *сери* 'быть завязанным'.

- (40) *bu an'i eke tɔna-xan seri-ʔ n'i-uʔ*
 он(а) и этот передовой_олень-LOC.SG быть_завязанным-CONN NEG-3SG.S.CONT
 'А он с этим вожаком ведь связан'.

Таким образом, на основании данных текстов можно предположить, что локатив в комитативном значении используется скорее при симметричных глаголах, значение которых предполагает наличие в ситуации Сопровождающего участника, в то время как послелог *нʔ* 'с' прежде всего оформляет участника с этой ролью при глаголах, для которых этот участник не является обязательным, в частности при глаголах движения. По этой причине в таблице 2, содержащей обзор глагольных классов, послелог *нʔ* 'с' отсутствует и симметричные глаголы попадают в класс глаголов, при которых второй участник кодируется локативом. В то же время, в соответствии с определением прототипа комитативной конструкции, основным средством оформления Сопровождающего следует считать послелог *нʔ* 'с'. В [Архипов 2009: 149] отмечается, что ситуация, когда при симметричных глаголах используется иное средство, чем в комитативной конструкции, типологически распространена. Наблюдающееся в энецком языке распределение можно подвести и под более общую закономерность использования падежных средств скорее для кодирования актанта, а пред- или послелогов — скорее для кодирования сирконстантов, ср. [Kittilä et al. 2011: 10], где эта закономерность объясняется, в частности, связью между непредсказуемостью появления участника и выбором формально более «тяжелых», семантически более специализированных средств для его кодирования.

8. Единственный одушевленный участник в неподлежащей позиции

В таблице 2, представляющей основные классы двухместных предикатов энецкого языка, см. раздел 4, был выделен класс предикатов, при которых в позиции подлежащего находится второй участник и при этом первый участник также кодируется номинативом. В ситуациях, для которых используется такой тип кодирования, первый, одушевленный, участник является Посессором, а второй участник обычно является неодушевленным. Относящиеся к этому типу ситуации анкеты описываются энецкими предикатами *tɔne* 'иметься' (41), *kaji* 'остаться' (10), *tɔri* 'хватать' и *d'e* 'болеть' (42). Такими же свойствами обладает глагол *d'ago* 'не иметься' (43).

- (41) *εε-za an'i kɔdse-da tɔne-bi*
 мать-NOM.SG.3SG и полог-NOM.SG.3SG иметься-PRF.3SG.S
 'А у ее матери ведь был полог'.
- (42) *kasa-baʔ uza-za d'e-ʔ n'i-uʔ*
 мужчина-NOM.SG.1PL рука-NOM.SG.3SG болеть-CONN NEG-3SG.S.CONT
 'У нашего товарища рука ведь болит'.
- (43) *a d'isi-jʔ an'i kixu-za d'ago-f*
 а дед-NOM.SG.1SG и идол-NOM.SG.3SG не_иметься-3SG.S.PST
 'А у моего дедушки шайтана не было'.

Номинативное кодирование посессора не ограничено клаузами с перечисленными выше предикатами, оно возможно в контекстах с предикатами и участниками разных типов, ср. (44) с одушевленным участником в роли Обладаемого и агентивным предикатом.

- (44) *nε εʃe-r εε-za ma-bi*
 женщина ребенок-NOM.SG.2SG мать-NOM.SG.3SG сказать-PRF.3SG.S
 'Мать девочки сказала'.

Как показано в [Овсянникова 2011], в конструкциях с Посессором в номинативе группа Обладаемого обязательно оформляется посессивным показателем, см. (41)—(44); между группой Посессора и группой Обладаемого допускается вставка единиц, которые невозможно считать частью группы Обладаемого: частицы *an'i* 'и' в (43), вставной конструкции и группы в локативе — в примере (45), повторяющем (14).

- (45) *n'en'u, tam-ubi entʃeu-ʔ, kare-xon ɔsa-za ɔtiʔε*
 лебедь сказать-NAV.3SG.S человек-PL рыба-LOC.SG мясо-NOM.SG.3SG пахнуть.3SG.S
 'У лебеда, люди говорят, мясо пахнет рыбой'.

Обычно допустим также альтернативный вариант кодирования Посессора, ср. (44) и (46) из того же текста. Группа Обладаемого в этом случае не маркируется посессивным показателем, вставка групп, не

входящих в группу Обладаемого, между Посессором и Обладаемым недопустима, в посессивном склонении группа Посессора маркируется косвенными показателями (в традиционной трактовке — используется в форме генитива), ср. посессивные показатели для приименного зависимого в таблице 1.

- (46) *ese-za ma-bi, tʃike ne ɛtʃe-d ese*
отец-NOM.SG.3SG сказать-PRF.3SG.S этот женщина ребенок-OBL.SG.2SG отец
'Ее отец сказал, отец этой девочки'.

Грамматические свойства конструкции с Посессором в номинативе свидетельствуют о том, что в ней группа Посессора не является частью именной группы Обладаемого. Можно предположить, что этот способ маркирования Посессора диахронически или синхронно связан с механизмом топиализации Посессора. Согласно [Nikolaeva 2005], для кодирования топиального статуса Посессора служат сходные конструкции в тундровом ненецком и хантыйском языках. В целом конструкции с вынесенным топиком [Lambrecht 1994: 181—184] являются одним из источников для посессивных конструкций, как предикативных, так и атрибутивных, см. [Heine 1997: 148]. Помимо посессивного маркирования Обладаемого и допустимости вставки между группами Посессора и Обладаемого, на подобное происхождение энецкой конструкции указывает то, что Посессор в номинативе может находиться лишь в начальной или в конечной позиции. В то же время, такое маркирование Посессора возможно не только в главной, но и в зависимой клаузе (47), что позволяет заключить, что группа Посессора находится в рамках той же клаузы, что и группа Обладаемого. Таким образом, есть основания считать, что в рамках клаузы с глаголами *tʃne* 'иметься', *die* 'болеть' и другими глаголами этого типа Посессор в номинативе и Обладаемое выражены с помощью двух отдельных именных групп.

- (47) *kasa-jʔ du bese-za kaja-f modi bese-zo-da*
мужчина-NOM.SG.1SG сто железо-NOM.SG.3SG остаться-CVB я железо-DEST.SG-OBL.SG.3SG
miʔe-zutʃ bai-da diez
дать-1SG.S.PST долг-OBL.SG.3SG в_сторону
'Когда у моего товарища осталось сто рублей, я дал ему денег в долг' (элиц.).

Особенность этих глаголов заключается в том, что при них Посессор регулярно кодируется номинативом, в то время как альтернативный способ кодирования посессора — косвенными показателями, или генитивом, — в основном оценивался носителями как недопустимый. В целом при таких предикатах Посессор часто является естественным претендентом на статус топиального участника, см. обсуждение ситуаций такого типа в [Ovsjannikova, Say 2014]. Так, в случаях, когда предикат *tʃne* 'иметься' используется в предикативной посессивной конструкции, как в (41), делается утверждение о принадлежности некоторого объекта тому или иному участнику, который служит в качестве отправной точки, — и здесь Посессор кодируется номинативом. В (48) с тем же предикатом посессивное отношение находится в пресуппозиции, и утверждение делается относительно некоторого Места, а не Посессора, и Посессор используется в косвенной форме.

- (48) *toni-n majme kasa-nʔ nie-ʔ tʃne-ʔ*
туда-LOC умерший мужчина-OBL.SG.1SG ребенок-PL иметься-3PL.S
'Там есть дети моего умершего брата'.

Итак, можно было бы предположить, что Посессор кодируется номинативом исключительно в силу действия живого механизма топиализации. Однако есть основания считать, что при глаголах этой группы кодирование Посессора номинативом уже не связано напрямую с его коммуникативными свойствами и может рассматриваться в качестве синтаксической характеристики глагола. Во-первых, на это указывает возможность номинативного кодирования Посессора в зависимой клаузе (47) — в целом для зависимых клауз нехарактерно противопоставление топика и фокуса, они обычно не обладают собственной информационной структурой [Matić et al. 2014: 13—18] (впрочем, для энецкого языка возможность реализации коммуникативных противопоставлений в рамках зависимых клауз специально не проверялась). Во-вторых, номинативом при этих глаголах Посессор кодируется и в том случае, когда он выражен с помощью единиц, для которых неестественно обладать топиальным статусом, например с помощью вопросительного местоимения (49).

- (49) *ʃee oo-da tu-zuʔ tʃne-sa vət*
кто есть-PTCP.SIM PLC-NOM.PL.3PL иметься-Q.3SG.S вот
'У кого еда была вот?'

Таким образом, номинативное кодирование Посессора при этих глаголах возможно и в таких контекстах, в которых отсутствуют дискурсивные условия для топикализации. Поэтому двухместные глаголы, при которых и Посессор, и Обладанное кодируются номинативом, могут рассматриваться как отдельный синтаксический тип предикатов энецкого языка.

Другой тип неканонического кодирования А-участника, существующий в энецком языке, но не встретившийся среди множества глаголов, отраженного в таблице 2, наблюдается при модальном глаголе *tara* ‘надо’ — участник с ролью Экспериенцера при этом глаголе кодируется локативом (50).

- (50) *aga entfe-gon əbu tara*
 большой человек-LOC.SG что надо.3SG.S
 ‘Взрослому человеку что надо?’

Таким же образом кодируется и Экспериенцера в одноместных конструкциях, обозначающих состояние одушевленного участника, ср. вторую именную группу в (51), а также в конструкции, называющей возраст (52).

- (51) *n'e-d, n'e-xon səjza*
 ребенок-DAT.SG ребенок-LOC хороший.3SG.S
 ‘Ребенку, ребенку хорошо’.
- (52) *modi nənin? biu-lju pə-j? ŋa-f*
 я я.LOC десять-RESTR год-NOM.SG.1SG быть-3SG.S.PST
 ‘Мне было всего десять лет’.

Как показывает пример (51), в одноместных экспериенциальных конструкциях встречается и маркирование Экспериенцера дательным падежом. Так же может маркироваться Экспериенцера и в клаузах с глаголом *tara* ‘надо’ (53).

- (53) *no, bəgul'a koba fee-xuru-d ni tara-ubi-?*
 ну медведь шкура кто-EVEN-DAT.SG NEG.3SG.S надо-HAB-CONN
 ‘Ну, медвежья шкура никому не бывает нужна’.

Возможно, дативное кодирование является результатом влияния соответствующей конструкции русского языка. С этим предположением согласуются данные о маркировании Экспериенцера при глаголе *tara* ‘надо’ в текстах, записанных от носителей разных поколений, представленные в таблице 6.

Таблица 6

Оформление Экспериенцера при глаголе *tara* ‘надо’

Год рождения носителей	Маркирование Экспериенцера		Доля примеров с дативом
	Локатив	Датив	
до 1930	10	1	0.1
с 1945	14	10	0.4

Эти данные показывают, что в речи старшего поколения носителей, отраженной в архивных записях и текстах [Сорокина, Болина 2005], Экспериенцера оформляется дативом реже, чем в текстах, записанных от более молодых носителей (различие приближается к порогу статистической значимости, односторонний тест Фишера, $p < 0.06$). При этом и в речи более молодых носителей локатив преобладает над дативом.

Использование локатива для кодирования Экспериенцера и подобных ему участников, хотя оно и встречается в очень небольшом круге контекстов, с типологической точки зрения является необычным свойством энецкого языка, поскольку в языках мира более распространено дативное кодирование объектного Экспериенцера, ср. [Næss 2007: 197; Nichols 2008: 129].

9. Выводы

В статье рассматривались основные черты организации классов двухместных предикатов в энецком языке.

Во-первых, обсуждалось распределение переходного и непереходного кодирования. Сравнение с языками, для которых были собраны сопоставимые данные, показывает, что энецкий попадает в число языков со сравнительно высокой долей переходных глаголов. Близкая высокая доля переходных глаго-

лов наблюдается в большей части других языков Сибири (в частности, в эвенкийском и якутском), в то время как в уральских языках, которые могут быть сопоставлены с энецким, доля переходных глаголов гораздо ниже (все они являются языками Европы). Некоторые ситуации, для обозначения которых в энецком языке используются переходные глаголы, в других ареально и генетически близких языках, в том числе демонстрирующих близкую долю переходных глаголов, кодируются непереходными предикатами. Так, в энецком к числу переходных относятся некоторые экспериенциальные глаголы: *piis* 'божаться', *nɔzoa* 'брезговать', *biis* 'думать', — а также глагол *perzi* 'помочь'.

В рамках одной небольшой группы глаголов энецкого языка наблюдается связь между переходностью и грамматическими особенностями лексем: имперфективные глаголы с показателем *-du/-tu* часто оказываются непереходными, притом что родственные им базовые перфективные глаголы являются переходными. Наконец, обсуждались случаи вариативности между переходным и непереходным кодированием. Глаголы *ɖuzeri* 'слушать' и *nɔdos* 'слушать' могут описывать ситуации восприятия в собственном смысле — и тогда используется переходное кодирование — или выступать в значении 'слушаться' — и тогда второй участник оформляется дативом. При глаголах *tɛbu* 'попасть' и *ɖɔza* 'выстрелить' переходное кодирование наблюдается при одушевленном втором участнике, непереходное — при неодушевленном, что можно связать с совмещением ролевых свойств Пациенса и Цели у второго участника при этих глаголах.

Во-вторых, рассматривались два наиболее распространенных типа вариативности в области непереходного кодирования актантов: вариативность между дативом и послелогом *ɖiez* и вариативность между локативом в комитативном значении и послелогом *nɔʔ* 'с'. В обоих случаях выбор средства в первую очередь определяется типом референциального выражения: личные местоимения используются почти исключительно в падежной форме, другие типы выражений могут оформляться как послелогом, так и падежным показателем.

В том, как распределены датив и послелог *ɖiez* при глаголах, допускающих такую вариативность, не было обнаружено явной семантической мотивации. Среди таких глаголов выделяются базовые глаголы речи, при которых основным средством оформления Адресата служит датив, а послелог *ɖiez* используется крайне редко. Послелог *ɖiez* является основным средством оформления Стимула при глаголе *seɟir* 'смотреть'. Датив используется при этом глаголе прежде всего для оформления неодушевленных участников с пространственным значением, в то время как одушевленные участники обычно оформляются послелогом.

Во втором случае связь между выбором средства и свойствами глагола прослеживается более отчетливо. Сопровождающий оформляется локативом, если его можно считать актантом — при симметричных предикатах ('разговаривать', 'даться'), послелогом *nɔʔ* 'с' — если он является сирконстантом, при несимметричных глаголах ('дежурить', 'работать').

Наконец, также рассматривалось кодирование одушевленного участника в подлежащей позиции. При одной из групп энецких предикатов этот участник выступает в роли Посессора и кодируется номинативом. Номинативное оформление Посессора встречается и за пределами этой группы предикатов и, по-видимому, связано с механизмом топиализации. Однако если обычно Посессор в номинативе может использоваться наряду с приименным Посессором в генитиве, при некоторых предикатах номинативное оформление Посессора близко к обязательному, в частности при предикатах *tɔne* 'иметься', *ɖie* 'болеть' (о части тела), *tɔri* 'хватать'.

Позицию косвенного объекта одушевленный участник занимает, по-видимому, только при одном двухместном энецком предикате — *tara* 'надо'. Также в текстах локативное оформление участника наблюдается при одноместных неглагольных предикатах, обозначающих состояние Экспериенцера в предложениях типа *Детям там хорошо* (на данный момент в таком контексте были зафиксированы прилагательные *sɔjza* 'хороший' и *bɔɔ* 'плохой'), а также в конструкции, называющей возраст участника. Несмотря на то что такое кодирование зафиксировано при единичных предикатах, оно представляет интерес с типологической точки зрения, поскольку типологически более распространены такие случаи косвенного кодирования одушевленного участника, при которых он кодируется тем же средством, что и участник-Реципиент, т. е. дативом.

Сокращения

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо
 ABL — аблатив
 ACC — аккузатив
 CONJ — конъюнктив

CONN — коннегатив
 CONT — показатель контрастивной видо-временной серии
 CVB — деепричастие
 DAT — датив

DEST — дестинатив	P — посессивный показатель
DIM — диминутив	PL — множественное число
DU — двойственное число	PLC — словозаместитель
DUR — дуратив	POOR — ‘беденький’
EVEN — маркер усиления со значением ‘даже’	PRF — перфект
EXC — экскламатив	PROL — пролатив
FUT — будущее время	PST — прошедшее время
GEN — генитив	PTCP.ANT — причастие предшествования
НАВ — хабиуталис	PTCP.SIM — причастие одновременности
HORT — гортатив	Q — интеррогатив
IMP — повелительное наклонение	RESTR — рестриктивный суффикс
IMP_SFT — мягкое повеление	S — субъектный тип спряжения
INCH — инхоатив	SG — единственное число
LOC — локатив	SOP1 — субъектно-объектный тип спряжения для множественного числа объекта
M — медиальное спряжение	SOSG — субъектно-объектный тип спряжения для единственного числа объекта
MULT — фреквентатив	TOP — показатель топика
NEG — отрицательный глагол	TRANSL — транслатив
NEG.EMPH — эмфатический отрицательный глагол	элиц. — элицитация
NMLZ — номинализация	
NOM — номинатив	
OBL — обликвус	

Литература

- Архипов 2009 — *Архипов А. В.* Типология комитативных конструкций. М., 2009. {*Arkhipov A. V.* Typology of comitative constructions. M., 2009.}
- Мищенко 2012 — *Мищенко Д. Ф.* Сравнительный анализ неканонических двухместных предикатов в русском языке и в ингерманландском диалекте финского языка // Вестник ТГПУ. 2012, 1 (116). С. 70—74. {*Mishchenko D. F.* Comparative analysis of non-canonical two-place predicates in Russian and in the Ingrian dialect of Finnish // Vestnik TSPU. 2012. Vol. 1 (116). P. 70—74.}
- Овсянникова 2011 — *Овсянникова М. А.* Топикализация посессора в лесном диалекте энецкого языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VII, 3. СПб., 2011. С. 153—159. {*Ovsyannikova M. A.* Topicalization of the possessor in the Forest dialect of Enets // Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the RAS Institute for Linguistic Studies. SPb., 2011. Vol. VII, 3. P. 153—159.}
- Сай 2011 — *Сай С. С.* Неканоническое маркирование актантов многоместных предикатов: опыт квантитативно-типологического исследования // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VII, 3. СПб., 2011. С. 424—430. {*Say S. S.* Non-canonical marking of actants of many-place predicates: an attempt at a quantitative-typological study // Acta Linguistica Petropolitana. Transactions of the RAS Institute for Linguistic Studies. SPb., 2011. Vol. VII, 3. P. 424—430.}
- Сорокина 2010 — *Сорокина И. П.* Энецкий язык. СПб., 2010. {*Sorokina I. P.* Enets language. SPb., 2010.}
- Сорокина, Болина 2005 — *Сорокина И. П., Болина Д. С.* Энецкие тексты. СПб., 2005. {*Sorokina I. P., Bolina D. S.* Enets texts. SPb., 2005.}
- Сорокина, Болина 2009 — *Сорокина И. П., Болина Д. С.* Энецкий словарь с кратким грамматическим очерком. СПб., 2009. {*Sorokina I. P., Bolina D. S.* Enets dictionary with a short grammatical overview. SPb., 2009.}
- Терещенко 1965 — *Терещенко Н. М.* Ненецко-русский словарь. М., 1965. {*Tereshchenko N. M.* Nenets-Russian dictionary. Moscow, 1965.}
- Терещенко 1973 — *Терещенко Н. М.* Синтаксис самодийских языков: Простое предложение. Ленинград, 1973. {*Tereshchenko N. M.* Syntax of Samoyedic languages: Simple sentence. Leningrad, 1973.}
- Ханина, Шлуинский 2013 — *Ханина О. В., Шлуинский А. Б.* Ядерные падежи существительных в энецком языке: в поисках адекватного описания // Лингвистический беспредел — 2. М., 2013. С. 76—94. {*Khanina O. V., Shluinsky A. B.* Core cases of nouns in Enets: in search of an adequate description // Linguistic mayhem — 2. M., 2013. P. 76—94.}
- Ханина, Шлуинский 2015 — *Ханина О. В., Шлуинский А. Б.* Прямой объект в энецком языке: объектное согласование глагола // Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2015». Вып. 2 / Ред. *Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В., Коношенко М. Б.* М., 2015. С. 392—410. {*Khanina O. V., Shluinsky A. B.* Direct object in Enets: object agreement of a verb // Typology of

morphosyntactic parameters. Proceedings of the conference “Typology of morphosyntactic parameters 2015”. Vol. 2 / Eds. Lyutikova E. A., Zimmerling A. V., Konoshenko M. B. M., 2015. P. 392—410.}

Bossong 1998 — Bossong G. Le marquage de l'expérient dans les langues d'Europe // Actance et valence dans les langues de l'Europe / Ed. Feuillet J. Berlin, 1998. P. 259—294.

Cennamo 2003 — Cennamo M. (In)transitivity and object marking: some current issues // Romance Objects: Transitivity in Romance Languages / Ed. Fiorentino G. Berlin / New York, 2003. P. 49—104.

Dowty 1991 — Dowty D. Thematic proto-roles and argument selection // Language 67. 1990. P. 547—619.

Fedriani 2014 — Fedriani Ch. Experiential Constructions in Latin. London / Boston, 2014.

Hartmann et al. 2013 — Valency Patterns Leipzig. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology / Eds. Hartmann I., Haspelmath M., Taylor B. // <http://valpal.info>, 2013.

Haspelmath 2015 — Haspelmath M. Transitivity prominence // Valency classes in the world's languages: A comparative handbook / Eds. Malchukov A. L., Comrie B. Vol. 1. Berlin. P. 131—147.

Heine 1997 — B. Heine. Possession: Cognitive Sources, Forces, and Grammaticalization. Cambridge, CUP, 1997.

Hopper, Thompson 1980 — Hopper P. J., Thompson S. A. Transitivity in grammar and discourse // Language, 1980. Vol. 56, 2. P. 251—299.

Kittilä et al. 2011 — Kittilä S., Vasti K., Ylikoski J. Introduction to case, animacy and semantic roles // Case, Animacy and Semantic Roles / Eds. Kittilä S., Vasti K., Ylikoski J. Amsterdam / Philadelphia PA, 2011. P. 1—26.

Lambrecht 1994 — Lambrecht K. Information structure and sentence form: topic, focus, and the mental representation of discourse referents. Cambridge, 1994.

Lazard 2002 — Lazard G. Transitivity revisited as an example of a more strict approach in typological research // Folia Linguistica 36, 3—4. P. 141—190.

Malchukov 2005 — Malchukov A. L. Case pattern splits, verb types and construction competition // Competition and Variation in Natural Languages: The Case for Case / Eds. Amberber M., de Hoop H. London / New York, 2005. P. 73—117.

Matić et al. 2014 — Matić D., van Gijn R., van Valin Jr. Information structure and reference tracking in complex sentences: An overview // Eds. van Gijn R., Hammond J., Matić D., van Putten S., Galucio A.V. Information Structure and Reference Tracking in Complex Sentences. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2014. P. 1—42.

Næss 2007 — Næss Å. Prototypical Transitivity. Amsterdam, 2007.

Nichols 2008 — Nichols J. Why are stative-active languages rare in Eurasia? A typological perspective of split-subject marking // The Typology of Semantic Alignment / Eds. Donohue M., Wichmann S. Oxford, 2008. P. 101—139.

Nikolaeva 2005 — Nikolaeva I. Agreement and situation construal // The Uralic languages today. A linguistic and cognitive approach / Ed. Fernandez-Vest J. M. Paris, 2005. P. 533—546.

Nikolaeva 2014 — Nikolaeva I. A Grammar of Tundra Nenets. Berlin / Boston, 2014.

Ovsjannikova, Say 2014 — Ovsjannikova M., Say S. Between predicative and attributive possession in Bashkir // On Diversity and Complexity of Languages Spoken in Europe and North and Central Asia / Eds. Suihkonen P., Whaley L. J. Amsterdam / Philadelphia, 2014. P. 175—202.

Say 2014 — Say S. Bivalent verb classes in the languages of Europe // Language Dynamics and Change 4 (1), 2014. P. 116—166.

Siegl 2013 — Siegl F. Materials on Forest Enets, an Indigenous Language of Northern Siberia. Helsinki, 2013.

Stolz et al. 2006 — Stolz T., Stroh C., Urdze A. On Comitatives and Related Categories: A Typological Study with Special Focus on the Languages of Europe. Berlin / New York, 2006.

Verhoeven 2007 — Verhoeven E. Experiential Constructions in Yucatec Maya: A Typologically Based Analysis of a Functional Domain in a Mayan Language. Amsterdam, Philadelphia, 2007.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются валентностные классы двухместных предикатов лесного диалекта энецкого языка. Исследование основано на данных типологической анкеты, созданной для исследования кодирования ситуаций с двумя участниками, а также на материале естественных текстов. Данные, полученные с помощью анкеты, показывают, что в энецком языке переходные глаголы используются для описания ряда ситуаций, которые в других языках северной Евразии в основном кодируются с помощью непереходных предикатов ('бояться', 'помочь' и др.). Прослеживается связь между непереходностью глагола и имперфективностью и неодушевленностью объекта. На материале текстов исследованы два типа вариативности: между двумя средствами кодирования участников с ролью Стимула при экспериенциальных глаголах или Адресата при глаголах речи — дативом и послелогом *dez* 'в сторону', — и между двумя средствами с комитативным значением — локативом и послелогом *no?* 'с'. В обоих случаях для местоименных участников используется преимущественно падежное кодирование, а для именных групп допустимы оба способа. Также для обоих типов вариативности была

обнаружена связь с типом глагола. Послелог *diez* 'в сторону' используется прежде всего для участников с ролью Стимула при глаголах восприятия, в то время как при глаголах речи он используется периферийно. Из средств с комитативным значением локатив скорее используется для Сопровождающих участников, являющихся актантами (при симметричных глаголах), послелог *noʔ* 'с' — в других случаях. Наконец, также в статье обсуждается кодирование участников с ролью Посессора или Экспериментера в неподлежащей позиции.

SUMMARY

The paper examines the valency classes of two-place predicates in Forest Enets. The data were gathered using a questionnaire aimed at the typological study of encoding of two-participant events as well as from the corpus of texts in Forest Enets. The questionnaire data show that some of the events that tend to be encoded intransitively in other languages of Northern Eurasia are encoded with transitive verbs in Enets, e. g. 'be afraid', 'help'. Intransitivity in Enets is also associated with imperfectivity of the verb and inanimacy of the object participant. Two types of variation were studied using the data from the texts. First, the Stimulus of experiential verbs and the Addressee of speech verbs can be encoded either by the dative case or by the postposition *diez* 'in the direction'. Second, the Companion participant can be encoded either by the locative case or by the postposition *noʔ* 'with'. In both cases, pronominal participants are predominantly case-marked, while noun phrases allow for freer variation between case and postposition. The choice of encoding is also associated with the type of the verb. The postposition *diez* 'in the direction' is the favoured means of encoding for the Stimulus of perception verbs, whereas with speech verbs it is used only marginally. Of the two means with comitative meaning, the locative case tends to encode Companion participants that are obligatorily present in the event denoted by the verb (symmetric verbs), and the postposition *noʔ* 'with' is used otherwise. Finally, non-subject encoding of Experiencers and Possessors is discussed.

Ключевые слова: энецкий язык, самодийские языки, двухместные предикаты, переходность, вариативное кодирование участников, Стимул, комитативная конструкция, Посессор

Keywords: Enets, Samoyedic languages, two-place predicates, transitivity, variation in participant encoding, Stimulus, comitative construction, Possessor

Овсянникова Мария Александровна, ИЛИ РАН (Санкт-Петербург), ИЯз РАН (Москва); masha.ovsjannikova@gmail.com

Maria A. Ovsjannikova, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences (Saint Petersburg), The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences (Moscow); masha.ovsjannikova@gmail.com

О двойных огласовках удмуртских суффиксов

В удмуртском языке лично-притяжательные суффиксы единственного числа имеют лексически детерминированную двойную огласовку: при присоединении к одним словам в них обнаруживается гласный *ы*, к другим — *э* (*e*). Например, *ним-ыз* ‘его имя’, но *жук-ез* ‘его каша’. Точно так же ведёт себя и показатель творительного падежа: *ним-ын* ‘именем’, но *жук-ен* ‘кашей’. В научной литературе предлагались два объяснения этому явлению.

По мнению В. И. Лыткина, разная огласовка в этих случаях восходит к двум прафинно-угорским типам основы [Лыткин 1970]. Хотя прафинно-угорские конечные гласные в удмуртском языке отпали, лексические основы, которые в праязыке кончались на **e*¹, продолжают принимать суффиксы с гласным *ы*, а основы, которые кончались на **a* или **ä* — суффиксы с гласным *э*. Рассмотрев значительное количество оканчивающихся на согласные односложных удмуртских слов, имеющих финские и саамские этимологические соответствия, В. И. Лыткин пришел к выводу, что в большинстве случаев удмуртские суффиксальные огласовки хорошо коррелируют с конечными гласными лексических основ в финском и саамском. В то же время довольно многочисленны и случаи, где такая корреляция не наблюдается. Вообще приводимая исследователем статистика выглядит следующим образом [Лыткин 1970: 228—233]:

Таблица 1

Соответствия конечных гласных допермских основ удмуртским суффиксальным гласным по данным В. И. Лыткина

Конечные гласные допермских основ по финским и саамским данным	Суффиксальные гласные в удмуртском	
	<i>ы</i>	<i>э</i>
<i>*e</i>	39 примеров	11 примеров
<i>*a</i> (<i>*ä</i>)	9 примеров	26 примеров

Происхождение отклонений, по мнению В. И. Лыткина, следует объяснить смешением *e*-овых и *a*- (*ä*-)овых основ [Лыткин 1970: 233]. Как бы то ни было, хотя «правильные» соответствия и преобладают, отклонения от них все же составляют почти четверть всех случаев. Это достаточно большая часть, чтобы ею пренебрегать, и поэтому применение одних удмуртских данных без финских или саамских соответствий для реконструкции конечных гласных допермских основ оказывается проблематичным.

С другой стороны, в удмуртской грамматической литературе распространено мнение, что двойные огласовки удмуртских суффиксов должны объясняться не этимологически, а семантически [Поздеева 1951: 72; Тепляшина 1955: 175—178; Перевошиков 1962: 82—83, 101]. В авторитетной «Грамматике современного удмуртского языка» написано, что большинство имен существительных единственного числа принимают притяжательные суффиксы с огласовкой *э* (*e*), но присоединение суффиксов с огласовкой *ы* характерно для следующих семантических групп:

- 1) наименования частей тела;
- 2) обозначения отдельных внутренних или внешних свойств человека и некоторых других живых существ;
- 3) наименования части или стороны вещи, предмета;
- 4) существительные, выражающие отношения времени;
- 5) именованья родственных отношений [Перевошиков 1962: 82—83].

Там же утверждается, что творительный падеж существительных единственного числа выражается суффиксом *-эн* (*-ен*), но в порядке исключения *-ын* для отдельных групп существительных, которые обозначают:

¹ В настоящее время в уралистике более правильной считается реконструкция этого типа основ с конечным гласным **i* [Sammallahti 1988; Reshetnikov, Zhivlov 2011] или **ä* [Kallio 2012]. Мы тоже предпочитаем эту реконструкцию [Понарядов 2013: 114; 2014: 53], однако в данной статье сохраняем устаревшую запись конечного гласного через **e*, чтобы не отклоняться от обозначений, применявшихся в основополагающей работе В. И. Лыткина.

- 1) части организма человека или других живых существ;
- 2) лица по родству;
- 3) неотъемлемую часть некоторых предметов [Перевощиков 1962: 101].

Как видим, по мнению авторов этой грамматики двойные огласовки удмуртских суффиксов не только объясняются чисто семантически, без необходимости экскурсов в этимологию, но и в части притяжательных суффиксов и творительного падежа зависят от не вполне тождественных семантических факторов.

Чтобы прояснить вопрос о реальных причинах появления двойных огласовок у удмуртских суффиксов личного притяжания и творительного падежа, мы произвели сплошную роспись всех существительных, встречающихся в указанных грамматических формах единственного числа по двум томам издания удмуртского фольклора [Перевощикова 1982; 1987]. Выбор для проведения исследования именно фольклорных текстов обусловлен тем, что они записаны в разных местах от разных носителей удмуртского языка и, таким образом, отражение в них подлежащего изучению грамматического явления не ограничивается индивидуальными речевыми особенностями отдельного автора, а представляет собой статистически достоверную выборку совокупности речевых особенностей значительного числа носителей. Следовательно, данный материал подходит и для выявления существующей в удмуртском языке диалектной и идиолектной вариативности суффиксальных огласовок. При подсчете количества употреблений тех или иных словоформ мы считали за единичное корпусное вхождение случаи, когда одно и то же слово в релевантных формах встречалось в одном предложении несколько раз, т. к. очевидно, что даже при существовании вариативности в речи одного и того же носителя языка он вряд ли будет в одном предложении употреблять разные формы огласовок.

Полученные результаты показали, что фактически в удмуртском языке надо говорить не о двух основных типах сочетаемости лексической основы с являющимися предметом нашего рассмотрения суффиксами, а о шести:

- а) суффиксы с огласовкой *э* присоединяются к неизменяемой основе;
- б) суффиксы с огласовкой *ы* присоединяются к неизменяемой основе;
- в) суффиксы с огласовкой *ы* присоединяются к основе, расширенной наращением согласного *к*;
- г) суффиксы с огласовкой *ы* присоединяются к основе, расширенной наращением согласного *м*;
- д) суффиксы с огласовкой *ы* присоединяются к исходно двусложной основе, которая сокращается вследствие выпадения второго гласного;
- е) суффиксы с огласовкой *и* присоединяются к двусложной основе, вытесняя ее конечный гласный *ы*.

Как видим, основы, присоединяющие суффиксы с огласовкой *ы*, могут при этом изменяться, а основы, присоединяющие суффиксы с огласовкой *э*, всегда остаются неизменными. При этом многие лексические основы, принадлежащие к типам (б), (в), (г) и (д) допускают альтернативную суффиксацию и по типу (а). В этих случаях мы будем говорить о смешанных типах (б/а), (в/а) и т. д. Реже встречаются случаи альтернативной суффиксации сразу по трём типам (в исследованном материале такое поведение засвидетельствовано только для слова *сюлэм* 'сердце'). Изученный материал не даёт оснований для разграничения огласовки притяжательных аффиксов и показателя творительного падежа; по-видимому, у конкретных лексем они всегда тождественны и определяются одними и теми же факторами.

Ниже приводятся списки слов, которые в исследованных текстах показали себя принадлежащими к каждому из указанных шести основных типов. После каждой лексемы мы указываем в скобках количество засвидетельствованных примеров. Естественно, надо учитывать, что в тех случаях, когда для слова засвидетельствовано только по одному-двум примерам употребления с релевантными суффиксами, нельзя быть уверенным, что оно не допускает также какого-то альтернативного типа сочетаемости.

Тип (а) — суффиксы с огласовкой *э* присоединяются к неизменяемой основе:

агай 'старший брат' (2), *адзон* 'судьба' (2), *азвесь* 'серебро' (2), *азин* 'успех в делах' (1), *азинлык* 'успех в делах' (1), *айшет* 'фаргук, передник' (2), *акак* 'дрянь; авось' (1), *алама* 'плохой, дурной' (1), *алдан* 'обман' (1), *ана* 'полоса (пахотной земли)' (2), *анай* 'мать' (10), *аракы* 'вино, самогон' (2), *арам* 'жатва' (1), *аршин* 'аршин' (1), *атай* 'отец' (16), *атас* 'петух' (1), *бадзым* 'большой' (4), *базар* 'базар, рынок' (2), *бай* 'богатый' (1), *барин* 'барин' (1), *барыш* 'барыш' (1), *башимак* 'ботинки' (1), *бекче* 'бочка' (1), *биби* 'ножка (дет.)' (1), *бигер* 'татарин' (1), *бике* 'женщина' (2), *бирды* 'пуговица' (3), *борд* 'стена' (1), *борддор* 'стена' (1), *брат* 'брат' (4), *буёл* 'краска' (1), *буй* 'длина' (1), *буко* 'дуга (часть упряжи)' (1), *бун* 'мочало' (2), *бурлы* 'чалый (о масти лошадей)' (1), *буртчин* 'шёлк' (1), *бускель* 'сосед, земляк' (1), *бусы* 'поле' (1), *бутылка* 'бутылка' (1), *быгылес* 'круглый' (1), *бычки* 'пила' (1), *вайыж* 'оглобля' (1), *вакыт* 'время' (2), *вал* 'лошадь, конь' (17), *валес* 'постель, перина' (9), *вамыш* 'шаг' (1), *вандэт* 'отрезок, кусок' (1), *вань* 'добро, богатство' (2), *ваньбур* 'богатство, имущество' (3), *ведра* 'ведро' (1), *веник* 'веник' (1), *вень* 'иголка' (9), *вес* 'весы' (1), *визьтэм* 'глупый; дурак' (3), *вина* 'вино' (1), *вись* 'четверть, пядь (мера длины, равная четырём вершкам)' (1), *висэт*, *висьет* 'комната, перегородка' (3), *вож*: *сюрес вож* 'пере-

крёсток дорог' (1), *воз* 'воз' (1), *ворсэт* 'крышка, покрывало' (2), *вöй* 'масло' (2), *вöт* 'сон, сновидение' (1), *ву* 'вода' (13), *вужер* 'тень' (15), *вуз* 'товар' (1), *вуко* 'мельница' (1), *вурис* 'шов' (2), *выжы* 'корень' (10), *выльысь* 'верхний' (1), *выль* 'новое' (1), *геры* 'плуг, соха' (7), *гид* 'хлев' (1), *гижы* 'ноготь, коготь' (3), *гогы* 'пуп' (1), *гозы* 'верёвка' (6), *гон* 'шерсть' (8), *гондыр* 'медведь' (6), *гон* 'яма' (1), *горд* 'красный' (1), *горон* 'хохот, громкий смех' (1), *гöршок* 'горшок' (1), *гу* 'яма' (1), *гур* 'печка' (1), *гур* 'мотив, напев; мелодия' (1), *гурезь* 'гора' (4), *гыр* 'ступа' (1), *гырлы* 'колокол' (1), *дан* 'слава, честь' (6), *дась* 'готовый' (1), *даур* 'век' (2), *дйсь* 'одежда' (25), *дöдды* 'сани' (11), *дас* 'десять' (1), *дуз* 'кадка' (1), *дунне* 'мир, вселенная, свет' (2), *дуно* 'дорогой' (1), *дуры* 'деревянный черпак; поварёшка' (2), *дьякон* 'дьякон' (1), *дэрэм* 'рубаха, платье' (20), *е* 'ремень, пояс' (1), *емыш* 'плод' (10), *жаг* 'мусор' (1), *жоб* 'непристойный' (1), *жог* 'быстро; быстрый' (1), *жожон* 'толокно' (1), *жöк* 'стол' (1), *жужам* 'восход (солнца)' (2), *жыны* 'половина' (2), *жыт* 'вечер, вечерний' (2), *закон* 'закон' (1), *замок* 'замок' (1), *зарни* 'золото' (4), *зор* 'дождь' (1), *зумно* 'лукошко' (1), *зыбын* 'зыбын (длиннополая женская одежда из домотканого сукна или шерсти)' (1), *зыр* 'кол' (1), *зэребей* 'большой пест (для толчения в ступе вдвоём)' (1), *зэзег* 'гусь' (3), *зэлык* 'платок' (1), *зеп* 'карман' (1), *зольгыри* 'воробей' (1), *зичы* 'лиса' (1), *зустари* 'тряпка' (1), *Иви* 'Ванюша (имя собств.)' (1), *ивор* 'весть, новость' (1), *из* 'камень' (2), *изы* 'шапка' (8), *инвожо* 'гвоздика' (1), *инмар* 'бог' (2), *инты* 'место' (4), *иськавын* 'родня, родственники' (1), *исьникут* 'дырявый лапоть' (1), *ишан* 'судьба, рок' (2), *йöз* 'человечность' (1), *йыркур* 'злоба, злость' (2), *йырси* 'волосы' (9), *каб* 'колодка' (2), *кадыр* 'слава, почёт' (1), *казна* 'казна' (1), *кайгу* 'горе' (1), *кал* 'завязка, тесёмка, шнур; ляжка' (1), *калч* 'калч' (1), *калык* 'народ, люди' (5), *калтыри* 'висюлька' (1), *капка* 'ворота' (1), *капкач* 'крышка' (1), *капчи* 'лёгкий, легко' (1), *кар* 'гнездо' (3), *каргос* 'проклятие' (1), *карасин* 'керосин' (1), *карт* 'муж' (1), *кезыт* 'холод, холодный' (4), *кен* 'невестка' (1), *кенер* 'изгородь' (2), *кенос* 'амбар, клеть' (2), *кеныяр* 'крупа, крупинка' (7), *кесэг* 'участок' (1), *кеч* 'коза' (4), *кибыли* 'букашка, жучок' (1), *кивалтос* 'палка; орудие защиты' (1), *кидыс* 'семя, семена' (6), *кизись* 'сеятель' (1), *кикы* 'кукушка' (1), *кильтро* 'кокетство' (1), *кин* 'кто' (1), *кион* 'волк' (10), *кирос* 'крест' (2), *кис* 'щипцы' (1), *кисы* 'карман' (3), *кобы* 'ковш' (4), *колоша* 'галоши' (1), *коньдон* 'деньги' (10), *коньы* 'копейка' (2), *копейка* 'копейка' (1), *корка* 'дом' (7), *короб* 'короб' (1), *кортнэт* 'узда' (1), *кортчог* 'гвоздь' (1), *коскы* 'лубяной короб' (2), *косэм* 'приказание' (1), *котыр* 'вещи, имущество, добро' (1), *котыр* 'окрестности, края' (1), *кочыш* 'кошка' (2), *кояк* 'окно' (1), *кö* 'жёрнов' (2), *кöжы* 'горох' (2), *кöй* 'толстый, упитанный' (1), *крезь* 'гусли' (1), *ку* 'кожа, шкура, кора' (13), *куазь* 'погода' (3), *куар* 'лист' (6), *куара* 'звук, голос' (14), *куарнянь* 'сочень' (1), *куба* 'свекровь' (1), *куды* 'лукошко' (6), *кузё* 'хозяин' (11), *куинетий* 'третий' (1), *кулэ* 'необходимый, нужный' (1), *куно* 'гость' (4), *кунян* 'телёнок' (1), *курег* 'курица' (4), *курегпуз* 'яйцо' (2), *куро* 'солома' (2), *кускыли* 'шишка (напр. еловая)' (1), *кут* 'лапти' (6), *кутсан* 'молотьба, обмолот' (1), *кутскон* 'начало' (1), *кутэм* 'ловля' (2), *кучо* 'пестрота' (1), *кыд* 'отруби, шелуха' (2), *кыдёкысь* 'дальний' (1), *кык* 'два' (17), *кыкетий* 'второй' (1), *кыпы* 'коряга' (1), *кырзан* 'песня' (4), *кырсь* 'грязь' (1), *кырым* 'горсть' (3), *кыче* 'какой' (1), *кышет* 'платок' (7), *кышно* 'жена' (2), *липет* 'крыша' (2), *лйял* 'пень' (1), *лобзэм* 'полёт' (3), *луд* 'поле' (1), *лултэм* 'неживой' (1), *лы* 'кость' (4), *лыз* 'синий' (1), *лымы* 'снег' (4), *лыс* 'хвоя, хвоинка' (3), *ляб* 'слабый' (1), *лянэс* 'туес, бурак' (1), *мажес* 'грабли' (1), *майтал* 'мыло' (2), *майыг* 'кол' (1), *мал* 'имущество' (1), *мамык* 'пух' (1), *матысь* 'ближний' (1), *машина* 'машина' (1), *межа* 'межа' (1), *меми* 'мать' (1), *мертчан* 'расчёсанное волокно (конопли, льна)' (1), *мертэт* 'мера, мерка' (1), *мешок* 'мешок' (1), *миндэр* 'подушка' (2), *молот* 'молот, молоток' (2), *му* 'земля' (3), *музьем* 'земля' (3), *мултэс* 'избыточный' (1), *мульы* 'орех' (3), *мурт* 'человек' (7), *муртлэн* 'чужой' (1), *мурьё* 'дымоход' (1), *муш* 'пчела' (1), *мыжык* 'кулак' (1), *мыйык* 'усы' (1), *начар* 'худой, слабый' (2), *небыт* 'мягкий' (1), *нин* 'лыко' (1), *нодо* 'умный' (1), *ноны* 'сосок' (1), *нунал* 'день' (1), *нуны* 'ребёнок' (1), *нылпи* 'дети' (4), *ныльёсмурт* 'девушка' (1), *ныпъет* 'заплечный мешок; заплечная люлька на ляжках' (1), *нырысь* 'первый' (1), *ныль* 'четыре' (6), *нянь* 'хлеб' (17), *ог* 'один' (47), *одйг* 'один' (14), *ожо* 'трава, дёрн' (1), *ош* 'бык' (4), *ошон* 'ручка' (1), *öнер* 'сноровка, умение' (1), *öс* 'дверь' (10), *пай* 'пай' (1), *пар* 'пара' (1), *пастух* 'пастух' (1), *пась* 'дыра' (4), *пежъян* 'шило' (1), *пелё* 'сыч, сова' (1), *пелёкучыран* 'филин' (1), *пень* 'зола' (1), *перепеч* 'перепечи (пресная ватрушка с начинкой из мяса или картошки и яиц)' (2), *песътэр* 'пестерь (ранец из лыка, бересты)' (1), *пи* 'сын' (31), *пилем* 'туча' (1), *пирог* 'пирог' (1), *пис* 'полено' (4), *пислэг* 'синица' (1), *писэй* 'кошка' (1), *питран* 'колесо' (1), *пичи* 'маленький' (1), *пияла* 'стекло' (1), *платья* 'платье' (1), *подэм* 'улей' (1), *пон* 'поп' (4), *пор* 'мариец' (2), *портон* 'сверло' (2), *поскес* 'браслет' (4), *пöйшуур* 'дичь' (1), *пöйшуурась* 'охотник' (1), *пöлы* 'большой палец' (2), *пöрась* 'жена' (1), *пöсь* 'горячий; тепло, жара' (3), *пöськы* 'ласточка' (1), *пöськы* 'чирей' (1), *пу* 'дерево; дрова' (5), *пудо* 'скот' (1), *пуж* 'решето' (2), *пужы* 'узор' (1), *пуз* 'яйцо' (2), *пуйы* 'сумка, кошель, мешок' (2), *пукон* 'связка' (1), *пуннет* 'засов, задвижка' (2), *пунны* 'собака' (12), *пуньы* 'ложка' (5), *пунэм* 'долг, заём' (4), *пунэт* 'заплетённая коса' (1), *пуппы* 'окорённая молодая липка; лутошка' (1), *пурт* 'нож' (2), *пурты* 'котёл' (5), *пуртэс* 'стручок; ножны' (1), *пурись* 'серый' (1), *пуч* 'жердь' (1), *пушнер* 'крапива' (2), *пыдчи-*

ныы ‘пальцы ног’ (1), *пызы* ‘мука’ (5), *пызэр* ‘посконь (конопли)’ (1), *пыкы* ‘подпорка’ (1), *пыры* ‘крошка, крупинка’ (4), *пытты* ‘след’ (16), *пычал* ‘ружьё’ (1), *расход* ‘расход’ (1), *родня* ‘родня’ (3), *сад* ‘сад’ (1), *саес* ‘рукав’ (1), *санал* ‘самопал’ (1), *сандык* ‘сундук’ (1), *саник* ‘вилы’ (1), *санег* ‘сапоги’ (1), *сарба* ‘бурак (берестяной), туес’ (1), *саут* ‘сосуд, горшок’ (1), *секыт* ‘трудный; трудность’ (1), *семья* ‘семья’ (2), *сермет* ‘узда, уздечка’ (7), *си* ‘луч’ (1), *сием* ‘еда’ (15), *сиес* ‘хомут’ (2), *сиён* ‘еда’ (7), *сизьым* ‘семь’ (4), *сиктан* ‘кочедык, коточик (для плетения лаптя)’ (3), *синву* ‘слёзы’ (2), *синкыли* ‘слёзы’ (4), *сизьыл* ‘осень’ (1), *сйнныс*, *сынныс* ‘нитка’ (2), *скал* ‘корова’ (6), *согы* ‘щётка’ (1), *сёзы* ‘пола (одежды)’ (2), *стена* ‘стена’ (1), *суд* ‘суд’ (1), *сузэр* ‘сестра’ (2), *сукыри* ‘каравай’ (2), *сур* ‘пиво’ (1), *сылал* ‘соль’ (2), *сын* ‘гребень’ (1), *сьод* ‘чёрный’ (2), *сьолык* ‘грех’ (1), *сэп* ‘жёлчь’ (2), *сю* ‘горло’ (в выражении *сюэз уз юзма* букв. ‘горло его не освежится’, т. е. ‘он не напьётся’) (1), *сюл* ‘кишка’ (1), *сюло* ‘кнул’ (1), *сюлык* ‘сюлык (старинный женский головной убор)’ (2), *сюмык* ‘бокал; рюмка’ (1), *сюрес* ‘дорога’ (6), *сюрс* ‘тысяча’ (5), *сявор* ‘повесть’ (1), *сякан* ‘рогожа’ (3), *сям* ‘характер, привычка’ (1), *сяртчы* ‘репа’ (1), *сяська* ‘цветок’ (3), *така* ‘баран, козёл’ (2), *такья* ‘такья (старинный женский головной убор с подвесками), шапочка’ (3), *тир* ‘топор’ (9), *тирлык* ‘инструмент; вещь’ (1), *тирныд* ‘топорище’ (1), *товар* ‘товар’ (1), *тодмо* ‘знакомый’ (1), *тодэм* ‘знание’ (7), *толон* ‘вчера’ (1), *толэзь* ‘месяц, луна’ (2), *тодды* ‘белый’ (3), *тол* ‘ветер’ (1), *толбер* ‘охвостье (остатки от веяния)’ (1), *тубат* ‘лестница’ (1), *туган* ‘милый’ (1), *тул* ‘клин’ (1), *туннэ* ‘сегодня’ (1), *турын* ‘трава’ (2), *турто* ‘оглобля’ (2), *тусь* ‘корыто’ (2), *туш* ‘борода’ (5), *тушмон* ‘враг’ (2), *тылы* ‘перо (птицы)’ (3), *тыр* ‘сытый; сытный; полный’ (1), *тырты* ‘губа’ (1), *тысь* ‘зерно’ (6), *тыш* ‘обух’ (1), *тэжит* ‘дёготь’ (1), *тямыс* ‘восемь’ (1), *угы*, *ыгы* ‘серьги’ (2), *удмурт* ‘удмурт’ (1), *уж* ‘дело, труд, работа’ (40), *узыр* ‘богатый’ (2), *укно* ‘окно’ (12), *уксё* ‘деньги’ (2), *ул* ‘сук, ветка’ (4) (ср. *ул* ‘низ’ с огласовкой *ы*), *улкай* ‘ветка’ (2), *уллё* ‘стадо, стая’ (1), *улмо* ‘яблоко’ (1), *улон* ‘жизнь’ (4), *улошо* ‘мерин’ (2), *улысь* ‘нижний’ (1), *улэм* ‘жизнь’ (9), *умой* ‘добро’ (1), *урдлы* ‘ребро’ (1), *уробо* ‘телега’ (2), *урод* ‘зло; плохой’ (9), *урыс* ‘плётка’ (1), *усы* ‘борода’ (1), *усьтон* ‘ключ’ (1), *ухват* ‘ухват’ (1), *учы* ‘соловей’ (1), *ушьян* ‘восхваление’ (1), *ушьяськем* ‘хвастовство’ (2), *чабей* ‘пшеница’ (1), *чаг* ‘лучина’ (1), *чебер* ‘красота’ (16), *ческыт* ‘сладкий’ (1), *чечы* ‘мёд’ (6), *чидан* ‘терпение’ (2), *чильым* ‘трубка’ (1), *чин* ‘чин’ (1), *чинны* ‘палец’ (5), *чипы* ‘цыплёнок’ (1), *чорьям* ‘пение’ (1), *чунны* ‘жеребёнок’ (3), *чурит* ‘твёрдый’ (1), *чур* ‘ряд’ (1), *чус* ‘смирный’ (1), *чырты* ‘шея’ (6), *чйж* ‘утка’ (3), *чуглэс* ‘носки, чулки (сшитые из домотканого сукна)’ (2), *чук* ‘утро’ (1), *чуказе* ‘завтра’ (2), *чйжин* ‘шишка (хвойного дерева)’ (1), *шаньги* ‘ватрушка, шаньга’ (2), *шапка* ‘шапка’ (1), *шатык* ‘капля’ (3), *шашка* ‘шашка’ (1), *шашы* ‘осока’ (2), *шелеп* ‘щепка’ (17), *шеп* ‘колос’ (1), *ши* ‘жало; остриё’ (1), *шляпа* ‘шляпа’ (4), *шобрет* ‘покрышка, покрывало’ (2), *шокан* ‘дыхание’ (1), *шорт* ‘пряжа’ (1), *шортдэрэм* ‘холщовое платье’ (8), *штан* ‘штаны’ (1), *шуба* ‘шуба’ (10), *шуд* ‘счастье’ (9), *шуку* ‘пена’ (1), *шулдыр* ‘весёлый, веселье’ (3), *шумпотэм* ‘радость’ (1), *шунды* ‘солнце’ (3), *шунит* ‘тепло’ (2), *шыд* ‘суп’ (3), *шыр* ‘мышь’ (1), *шырчик* ‘скворец’ (1), *ыж* ‘овца’ (3), *ылысь* ‘сырой’ (1), *эгес* ‘обруч, обод’ (6), *эгыр* ‘уголь’ (2), *эзель* ‘смерть; судьба’ (3), *эксэй* ‘царь’ (1), *эм* ‘польза’ (1), *эмезь* ‘малина’ (1), *эмести* ‘зять’ (1), *эрвал* ‘кобыла’ (1), *эркынлык* ‘привольность’ (1), *эш* ‘друг’ (16), *юбо* ‘столб’ (8), *юлтош* ‘друг’ (2), *юм* ‘исцеление’ (1), *юон* ‘питьё, напиток; пьянство’ (2), *юрт* ‘дом; хозяйство’ (4), *янгыш* ‘ошибка’ (2), *янчик* ‘кошелёк’ (1), *ямщик* ‘ямщик’ (1), *ярдур* ‘берег’ (1)².

Тип (б) — суффиксы с огласовкой *ы* присоединяются к неизменяемой основе:

азь ‘перёд, передняя часть’ (8), *амал* ‘сноровка’ (1), *бам* ‘лицо, щёки’ (11), *бервыл* ‘след’ (1), *бур* ‘правый’ (1), *быж* ‘хвост’ (59), *выл* ‘верх’ (11), *вылй* ‘верхний’ (3), *вылтыр* ‘тело’ (1), *дйнь* ‘основание, комель’ (2), *дур* ‘лезвие’ (1), *дур* ‘край’ (5), *дыр* ‘время’ (8), *зын* ‘запах’ (2), *изнэс* ‘грива’ (1), *йёл* ‘молоко’ (5), *йыл* ‘вершина, верхушка, конец’ (7), *йыр* ‘голова’ (65), *ки* ‘рука’ (52), *кйй* ‘сало, жир’ (1), *кём* ‘кожура’ (1), *кёт* ‘живот, брюхо’ (20), *кётурдэс* ‘бок’ (2), *кунул* ‘подмышка’ (1), *кыл* ‘язык; разговоры’ (90), *кымыс* ‘лоб’ (1), *лек* ‘злой; злость’ (1), *лул* ‘душа’ (13), *лыд* ‘счёт’ (3), *мугор* ‘тело’ (24), *мукет* ‘другой’ (16), *мыл* ‘желание’ (3), *мылкыд* ‘желание, настроение’ (12), *ним* ‘имя’ (27), *ныд* ‘ручка, рукоять’ (4), *ныр* ‘нос’ (18), *ньёр* ‘прут’ (3), *ныллон* ‘горло’ (1), *огнал* ‘одна сторона’ (2), *пал* ‘сторона’ (5), *паллян* ‘левый’ (2), *пель* ‘ухо’ (19), *пинь* ‘зуб’ (28), *пум* ‘конец’ (15), *пыд* ‘нога’ (79), *силь* ‘мясо’ (3), *сйныр* ‘сухо-

² Помимо перечисленных слов, к этому же типу всегда относятся очень продуктивные в удмуртском языке глагольные имена (причастия и имена действия, иногда лексикализирующиеся со специализацией семантики и переходом в разряд существительных и прилагательных) на *-(и)сь*, *-(э)м*, *-(о)н*, *-тэм*. Например, *пукись* ‘седок’, *султйсь* ‘встающий’, *ужась* ‘работник’, *учкысь* ‘смотрящий’, *вераськем* ‘разговор’, *ветлэм* ‘хождение’, *жалям* ‘жалость’, *кылем* ‘оставшийся’, *лушкем* ‘тайный’, *ортчем* ‘прошлое’, *ужам* ‘работа’, *бёрдон* ‘плач’, *веран* ‘разговор’, *куректон* ‘горе’, *кускертон* ‘пояс’, *усьтон* ‘ключ’, *чйжон* ‘метла’, *быгатонтэм* ‘невозможный’, *кулэтэм* ‘ненужный’ и др. Так как такие слова всегда присоединяют только суффиксы с огласовкой *э*, то в целях экономии места мы сочли возможным исключить их из перечисления.

жилие, жила' (1), *суй* 'рука (от плеча до кисти)' (5), *сьёр* 'зад, задняя часть' (1), *тус* 'облик' (2), *тыбыр* 'спина' (5), *ул* 'низ' (4), *ули* 'нижний' (3), *урдэс* 'бок' (1), *чын* 'дым' (3), *шор* 'середина' (10), *ым* 'рот' (22), *ымдур* 'губа' (1), *ымныр* 'лицо, морда' (4).

Смешанный тип (б/а):

ар 'год' (1/1), *бурд* 'крыло' (22/3), *вай* 'ветка' (1/4), *вир* 'кровь' (7/4), *вöй* 'масло' (4/1), *дун* 'цена; оплата' (5/5), *зыр* 'дубина, рычаг' (2/3), *копак* 'полностью, весь, всё' (1/1), *кöс* 'сухой' (2/1), *ныл* 'дочь' (13/1), *пинал* 'ребёнок; молодой' (1/5), *сюр* 'рог' (9/5), *сям* 'характер; обычай' (7/2), *тыл* 'огонь' (5/1).

Тип (в) — суффиксы с огласовкой *ы* присоединяются к основе, расширенной наращением согласного *к*:

тыш 'затылок' (1), *йыртмыш* 'затылок' (2), *кус* 'поясница' (7), *пуш* 'нутро' (10), *пыдтыш* 'пятка' (1).

Смешанный тип (в/а):

жеч 'добро' (1/11).

Тип (г) — суффиксы с огласовкой *ы* присоединяются к основе, расширенной наращением согласного *л*:

вань 'все, всё' (24), *йырвизь* (2), *син* 'глаз' (46).

Смешанный тип (г/а):

визь 'ум' (23/1).

Тип (д) — суффиксы с огласовкой *ы* присоединяются к исходно двусложной основе, которая сокращается вследствие выпадение второго гласного — в чистом виде не засвидетельствован.

Тип (д/а):

кужым 'сила' (3/5), *пыдэс* 'дно, подошва' (4/1).

Тип (д/б/а):

сюлэм 'сердце' (23/2/1).

Тип (е) — суффиксы с огласовкой *и* присоединяются к двусложной основе, вытесняя ее конечный гласный *ы*:

айы (с притяжением 3 л. *аиз*) 'отец' (4), *мумы* (6/2). В литературе отмечается, что такой тип притяжательной суффиксации характерен только для говоров северных и средних районов Удмуртии [Перовщиков 1962: 83]. Ср. употребление аналогичной огласовки при присоединении к некоторым местоимениям: *ачиз* 'он сам' (с основой, которая без притяжательных суффиксов не употребляется), *маиз* 'что у него' (от *мар* 'что'), *номыриз* 'ничего у него' (от *номыр* 'ничего').

Из рассмотренного материала видно, что наиболее продуктивной в современном удмуртском языке является, несомненно, огласовка суффиксов личного притяжания и творительного падежа через *э* по типу (а). Она характерна для подавляющего большинства двусложных и многосложных основ, а также для всех русских и почти всех татарских заимствований. Ср. русские заимствования (включая пришедшие через русский язык тюркизмы и заимствования из европейских языков) *аршин* 'аршин' (1), *барин* 'барин' (1), *брат* 'брат' (4), *ведра* 'ведро' (1), *веник* 'веник' (1), *вес* 'весы' (1), *вина* 'вино' (1), *воз* 'воз' (1), *гöршок* 'горшок' (1), *дьякон* 'дьякон' (1), *закон* 'закон' (1), *замок* 'замок' (1), *калач* 'калач' (1), *карасин* 'керосин' (1), *кирос* 'крест' (2), *колоша* 'галоши' (1), *копейка* 'копейка' (1), *короб* 'короб' (1), *машина* 'машина' (1), *межа* 'межа' (1), *молот* 'молот, молоток' (2), *пай* 'пай' (1), *пар* 'пара' (1), *пастух* 'пастух' (1), *песътэр* 'пестерь (ранец из лыка, бересты)' (1), *платья* 'платье' (1), *поп* 'поп' (4), *пычäl* 'ружьё' (1), *расход* 'расход' (1), *родня* 'родня' (3), *сад* 'сад' (1), *санапал* 'самопал' (1), *сапег* 'сапоги' (1), *семья* 'семья' (2), *стена* 'стена' (1), *суд* 'суд' (1), *сукыри* 'каравай' (2), *товар* 'товар' (1), *тэкит* 'дөготь' (1), *укно* 'окно' (12), *урод* 'зло; плохой' (9), *ухват* 'ухват' (1), *чин* 'чин' (1), *шаньги* 'ватрушка, шаньга' (2), *шапка* 'шапка' (1), *шашка* 'шашка' (1), *шляпа* 'шляпа' (4), *штан* 'штаны' (1), *шуба* 'шуба' (10), *ямцик* 'ямщик' (1);

татарские заимствования (включая пришедшие через татарский язык арабизмы, фарсизмы и монголизмы) *агай* 'старший брат' (2), *алама* 'плохой, дурной' (1), *анай* 'мать' (10), *аракы* 'вино, самогон' (2), *атай* 'отец' (16), *атас* 'петух' (1), *базар* 'базар, рынок' (2), *бай* 'богатый' (1), *барыш* 'барыш' (1), *бике* 'женщина' (2), *бирды* 'пуговица' (3), *буёл* 'краска' (1), *буй* 'длина' (1), *бурлы* 'чальй (о масти лошадей)' (1), *бычкы* 'пила' (1), *вакыт* 'время' (2), *даур* 'век' (2), *дунне* 'мир, вселенная, свет' (2), *емьш* 'плод' (10), *кадыр* 'слава, почёт' (1), *казна* 'казна' (1), *калык* 'народ, люди' (5), *капка* 'ворота' (1), *капкач* 'крышка' (1), *карт* 'муж' (1), *кен* 'невестка' (1), *кесэг* 'участок' (1), *мал* 'имущество' (1), *мамык* 'пух' (1), *миндэр* 'подушка' (2), *мыйык* 'усы' (1), *начар* 'худой, слабый' (2), *öнер* 'сноровка, умение' (1), *писэй* 'кошка' (1), *пяля* 'стекло' (1), *сандык* 'сундук' (1), *саут* 'сосуд, горшок' (1), *така* 'баран, козёл' (2), *такъя* 'такъя (старинный женский головной убор с подвесками), шапочка' (3), *туган* 'милый' (1), *турто* 'оглобля' (2), *тушмон* 'враг' (2), *уксё* 'деньги' (2), *ульмо* 'яблоко' (1), *улошо* 'мерин' (2), *уробо* 'телега' (2), *эзель* 'смерть; судьба' (3), *эм* 'польза' (1), *эш* 'друг' (16), *юлтош* 'друг' (2), *юрт* 'дом; хозяйство' (4), *янгыш* 'ошибка' (2) и др. Исключения — только два татарских заимствования *амал* 'сноровка' (1) и *сийыр* 'сухожилие, жила' (1), к которым присоединяются суффиксы с огласовкой *ы* по типу (б).

Показательно, что среди присоединяющих суффиксы с огласовкой э односложных лексем финно-угорского происхождения имеется много слов, этимологически продолжающих как старые *a-* (*ä-*)основы, так и старые *e-*основы. Примеры старых *a-* (*ä-*)основ: *вуз* ‘товар’ (1), *гон* ‘шерсть’ (8), *кõй* ‘толстый, упитанный’ (1), *лыс* ‘хвоя, хвоинка’ (3), *мурт* ‘человек’ (7), *ош* ‘бык’ (4), *пень* ‘зола’ (1), *пуз* ‘яйцо’ (2), *пызь* ‘мука’ (5), *сэп* ‘жёлчь’ (2), *тул* ‘клин’ (1), *туш* ‘борода’ (5), *чõж* ‘утка’ (3)³, *шорт* ‘пряжа’ (1), *шыд* ‘суп’ (3). Примеры старых *e-*основ: *виль* ‘новое’ (1), *кал* ‘завязка, тесёмка, шнур; лямка’ (1), *луд* ‘поле’ (1), *муш* ‘пчела’ (1), *нин* ‘лыко’ (1), *õс* ‘дверь’ (10), *сюл* ‘кишка’ (1), *тõл* ‘ветер’ (1), *тыр* ‘сытый; сытный; полный’ (1), *шыр* ‘мышь’ (1), *ыж* ‘овца’ (3). Очевидно, многие старые *e-*основы, которые в современном удмуртском языке этимологически должны были бы присоединять суффиксы с огласовкой *ы* по типу (б), стали присоединять суффиксы с огласовкой э, поддавшись общей тенденции к перестройке по более продуктивной словоизменительной модели типа (а). У многосложных слов этот процесс носил почти повальный характер, оставив присоединять суффиксы с огласовкой *ы* по типу (б) лишь немногие лексические основы.

Также независимо от этимологии обобщили суффиксальную огласовку через э все, кроме одного, существительные, которые в удмуртском языке фонетически состоят из одного открытого слога: *ву* ‘вода’ (13), *гу* ‘яма’ (1), *е* ‘ремень, пояс’ (1), *кõ* ‘жёрнов’ (2), *ку* ‘кожа, шкура, кора’ (13), *лы* ‘кость’ (4), *му* ‘земля’ (3), *ни* ‘сын’ (31), *пу* ‘дерево; дрова’ (5), *си* ‘луч’ (1), *сю* ‘горло (пересыхает)’ (1), *ши* ‘жало; остриё’ (1). Среди них определено восходят к старым *a-* (*ä-*)основ лишь слова *ку* ‘кожа, шкура, кора’ (13) (< *kora), *ни* ‘сын’ (31) (< *rojka), в то время как большинство лексем — во всяком случае, такие, как *ву* ‘вода’ (13) (< *wete), *е* ‘ремень, пояс’ (1) (< *jäje), *кõ* ‘жёрнов’ (2) (< *kiwe), *лы* ‘кость’ (4) (< *luwe), *пу* ‘дерево; дрова’ (5) (< *puwe) — продолжают старые *e-*основы, т. е. в их истории произошла перестройка вокализации суффиксов по более продуктивной модели.

Исключение с суффиксальной огласовкой *ы* — только слово *ки* ‘рука’ (52) (из старой *e-*основы *käte).

С другой стороны, вопреки общей тенденции к продуктивности суффиксальной огласовки э, отдельные семантические группы лексем обнаруживают противоположную тенденцию, обобщая суффиксальную огласовку *ы*. По-видимому, реальным является существование только двух таких групп:

1) Наименования частей тела человека и животных: *бам* ‘лицо, щёки’ (11), *быж* ‘хвост’ (59), *вылтыр* ‘тело’ (1), *изнэс* ‘грива’ (1), *йыр* ‘голова’ (65), *кõт* ‘живот, брюхо’ (20), *кõтурдэс* ‘бок’ (2), *кунул* ‘подмышка’ (1), *кус* ‘поясница’ (7) (с присоединяющей суффиксы основой *куск-*), *кыл* ‘язык; разговоры’ (90), *кымыс* ‘лоб’ (1), *мугор* ‘тело’ (24), *ныр* ‘нос’ (18), *пель* ‘ухо’ (19), *пинь* ‘зуб’ (28), *пыд* ‘нога’ (79), *син* ‘глаз’ (46) (с присоединяющей суффиксы основой *синм-*), *суй* ‘рука (от плеча до кисти)’ (5), *тыбыр* ‘спина’ (5), *урдэс* ‘бок’ (1), *ым* ‘рот’ (22), *ымдур* ‘губа’ (1), *ымныр* ‘лицо, морда’ (4).

2) Слова, выражающие ориентацию в пространстве или на поверхности предмета: *азь* ‘перёд, передняя часть’ (8), *выл* ‘верх’ (11), *вылй* ‘верхний’ (3), *дйнь* ‘основание, комель’ (2), *йыл* ‘вершина, верхушка, конец’ (7), *опал* ‘одна сторона’ (2), *пал* ‘сторона’ (5), *пум* ‘конец’ (15), *пуш* ‘нутро’ (10) (с присоединяющей суффиксы основой *пушк-*), *сьõр* ‘зад, задняя часть’ (1), *ул* ‘низ’ (4), *улй* ‘нижний’ (3), *шор* ‘середина’ (10).

В обеих этих семантических группах есть небольшое количество лексем, обнаруживающих вариативную огласовку присоединяемых суффиксов по типу (б/а) или (д/б/а). Наименования частей тела человека и животных: *бурд* ‘крыло’ (22/3), *кук* ‘нога, ножка’ (5/1), *сюлэм* ‘сердце’ (23/2/1), *сюр* ‘рог’ (9/5). Слова, выражающие ориентацию в пространстве или на поверхности предмета: *бер* ‘зад, задняя часть’ (7/1). Поскольку принадлежащее к типу (б/а) слово *сюр* ‘рог’ (9/5) и принадлежащее к типу (д/б/а) *сюлэм* ‘сердце’ (23/2/1) являются старыми *e-*основами, очевидно, что тенденция к распространению наиболее продуктивной суффиксальной огласовки э постепенно охватывает и названия частей тела, хотя пока и не получила в этой группе лексем существенного распространения.

Следует также отметить, что во многих случаях тенденции суффиксальной огласовки, обусловленные различными факторами (семантика, фонетика, этимология) вступают в противоречие между собой. Какая из тенденций победит, предсказать для каждого конкретного случая вряд ли возможно. Так, хотя односложные слова, состоящие из одного открытого слога, обычно присоединяют суффиксы, огласованные через э, слово *ки* ‘рука’ — единственное из слов такой фонетической структуры — всё же продолжает в порядке исключения присоединять суффиксы, огласованные через *ы*. Этому поспособствовали, вероятно, и его семантика (принадлежность к названиям частей тела), и этимология (старая *e-*основа). С другой стороны, слово *мыйык* ‘усы’, хоть и принадлежит также к названиям частей тела, присоединяет суффиксы, огласованные через э. Объяснить это можно тем, что *мыйык* — относительно недавнее та-

³ Об этимологической принадлежности этого слова к *ä-*основам см. [Понарядов 2014: 20].

тарское заимствование, и здесь побеждает тенденция использовать наиболее продуктивную суффиксальную модель по отношению ко всем заимствованным словам. Также принимает суффиксы с огласовкой *э* включаемое в семантическую группу названий частей тела односложное слово финно-угорского происхождения *туш* ‘борода’ (5), у которого принадлежность к модели (а) обуславливается сочетанием факторов её общей продуктивности и того, что этимологически это старая *ä*-основа (< *tekšä). Слова же *гижы* ‘ноготь, коготь’ (3), *гогы* ‘пуп’ (1), *ноны* ‘сосок’ (1), *пöлы* ‘большой палец’ (2), несмотря на то что являются названиями частей тела, принимают суффиксы с огласовкой *э* из-за того, что эта модель полностью победила у неодносложных существительных, оканчивающихся на гласные; в сочетании с ними подобная суффиксальная огласовка не обнаруживает ни одного исключения.

Таким образом, подытоживая вышесказанное, мы можем сказать, что хотя изначально двойная огласовка удмуртских суффиксов и была обусловлена этимологической принадлежностью присоединяющих лексем к двум разным типам финно-угорских основ, в процессе исторического развития удмуртского языка она была очень серьёзно перестроена. Во-первых, многие старые *e*-основы стали неэтимологически присоединять суффиксы с огласовкой *э*, потому что именно такая модель стала в удмуртском языке более продуктивной. Во-вторых, у слов семантических групп названий частей тела и обозначений пространственной ориентации стала работать противоположная тенденция, когда старые *a*- (*ä*-) основы стали неэтимологически присоединять суффиксы с огласовкой *ы*, которая стала ассоциироваться именно с этими семантическими группами.

Практическим результатом этих процессов для финно-угорской компаративистики является то, что удмуртский материал может предоставить заслуживающие доверия свидетельства для реконструкции древних типов основ в весьма ограниченном количестве случаев, а именно:

1) Удмуртские слова, устойчиво присоединяющие суффиксы с огласовкой *ы* или допускающие вариативность огласовки *ы/э*, обычно восходят к древним *e*-основам за исключением случаев, когда они принадлежат к семантическим группам названий частей тела и обозначений пространственной ориентации.

2) Удмуртские слова, которые оканчивающиеся на согласный и принадлежат к семантическим группам названий частей тела и обозначений пространственной ориентации и устойчиво присоединяющие суффиксы с огласовкой *э* или допускающие вариативность огласовки *ы/э*, обычно восходят к древним *a*- (*ä*-) основам.

Проверим эти утверждения путём сравнения подходящих под эти условия удмуртских слов с их этимологическими соответствиями из финского и северосаамского языков, в которых старые конечные гласные прафинно-угорских основ сохранились до настоящего времени (в финском языке в основном без изменения⁴, в северосаамском с развитием *e > *â*; *a/**ä* > *e*)⁵.

1) Имеющие финские или саамские соответствия удмуртские односложные слова, устойчиво присоединяющие суффиксы с огласовкой *ы* или допускающие вариативность огласовки *ы/э*:

- удм. *вир*, -*ыз/-ез* ‘кровь’ ~ фин. *veri*, саам. *vârrâ*;
- удм. *вöй*, -*ыз/-ез* ‘масло’ ~ фин. *voi*, саам. *vuoggjá*;
- удм. *вын*, -*ыз* ‘брат’ ~ фин. *vävy*, саам. *vivvá*;
- удм. *йöл*, -*ыз* ‘молоко’ ~ фин. *jälsi (jälte-)*;
- удм. *кал*, -*ыз/-эз* ‘верёвка’ ~ фин. *köyte*;
- удм. *кöй*, -*ыз* ‘сало, жир’ ~ фин. *kuu* < *kuje;
- удм. *лым*, -*ыз* ‘бульон’ ~ фин. *liemi*, саам. *liemâ*;
- удм. *луд*, -*ыз* ‘поле’ ~ фин. *lansi (lante-)*;
- удм. *лул*, -*ыз* ‘душа’ ~ фин. *löyly* < *lewle;
- удм. *лöм*, -*ыз* ‘черёмуха’ ~ фин. *tuomi*, саам. *duobmâ*;
- удм. *мыл*, -*ыз* ‘настроение’ ~ фин. *mieli*, саам. *miellâ*;
- удм. *ним*, -*ыз* ‘имя’ ~ фин. *nimi*, саам. *nâmmâ*;
- удм. *ныд*, -*ыз* ‘черенок (топора)’ ~ фин. *nysi*, саам. *nâddâ*;
- удм. *ныл*, -*ыз/-эз* ‘дочь’ ~ фин. *neiti*, саам. *niei'dâ*;
- удм. *нöл*, -*ыз* ‘стрела’ ~ фин. *nuole-*, саам. *njuollâ*;
- удм. *нöр*, -*ыз* ‘розга’ ~ фин. *näre-* ‘молодая ель’;
- удм. *сöн*, -*ыз* ‘сухожилие’ ~ фин. *suoni*, саам. *suodnâ*;
- удм. *сыл*, -*ыз* ‘сажень’ ~ фин. *syle-*, саам. *sállâ*;
- удм. *сöм*, -*ыз* ‘скорлупа (яйца)’ ~ фин. *suomi*, саам. *šuobmâ*;

⁴ В финском языке гласный *e в конце слова обычно переходит в *i*, но сохраняется в виде *e* перед суффиксами.

⁵ Помимо слов, встретившихся в исследованных нами текстовых материалах, учитываются лексемы, приведенные в статье В. И. Лыткина.

удм. *сюл*, *-ыз* ‘полоз’ ~ фин. *solki* ‘пряжка’;

удм. *тыл*, *-ыз/-эз* ‘огонь’ ~ фин. *tuli*, саам. *dollâ*.

2) Имеющие финские или саамские соответствия удмуртские слова, которые оканчивающиеся на согласный и принадлежат к семантическим группам названий частей тела и обозначений пространственной ориентации и устойчиво присоединяющие суффиксы с огласовкой *э* или допускающие вариативность огласовки *ы/э*, обычно восходят к древним *a-* (*ä-*)основам:

удм. *бер*, *-ыз/-ез* ‘задняя часть’ ~ фин. *perä*;

удм. *мус*, *-эз* ‘печень’ ~ фин. *taksa*, саам. *tuok'se*;

удм. *сэп*, *-ез* ‘жёлчь’ ~ фин. *sappi*, саам. *sap'pe*;

удм. *туш*, *-ез* ‘борода’ ~ фин. *tähkä* ‘колос’.

Как видим, в этих двух группах слов удмуртские рефлексy древних типов основ соответствуют финским и саамским практически идеально, т. е. здесь удмуртский язык сохраняет различие древних типов основ очень хорошо, без каких-либо отклонений⁶. Отсюда следует важный вывод: и в других подобных случаях, т. е. если (1) удмуртские односложные слова, не принадлежащие к семантическим группам названий частей тела и обозначений пространственной ориентации, устойчиво присоединяют суффиксы с огласовкой *ы* или допускают вариативность огласовки *ы/э*, или же (2) удмуртские односложные слова, принадлежащие к семантическим группам названий частей тела и обозначений пространственной ориентации, устойчиво присоединяют суффиксы с огласовкой *э* или допускают вариативность огласовки *ы/э*, мы можем надёжно использовать удмуртские данные для реконструкции прафинно-угорских типов основ, даже если релевантные свидетельства из других языков отсутствуют.

Сокращения

фин. — финский

саам. — северосаамский

удм. — удмуртский

Литература

Лыткин 1970 — Лыткин В. И. О вокализме непервого слога финно-угорских языков. Вып. 3. 1970. С. 221—238. {Lytkin V. I. On the non-initial syllable vocalism in Finno-Ugric languages. Vol. 3. 1970. P. 221—238.}

Перевозчикова 1982 — Перевозчикова Т. Г. Удмуртский фольклор. Загадки. Ижевск, 1982. {Perevozchikova T. G. Udmurt folklore. Riddles. Izhevsk, 1982.}

Перевозчикова 1987 — Перевозчикова Т. Г. Удмуртский фольклор. Пословицы, афоризмы и поговорки. Устинов, 1987. {Perevozchikova T. G. Udmurt folklore. Proverbs, aphorisms and sayings. Ustinov, 1987.}

Перевозищев 1962 — Грамматика современного удмуртского языка. Перевозищев П. Н. (ред.) Ижевск, 1962. {Grammar of the Modern Udmurt language. Ed. Perevoshchikov P. N. Izhevsk, 1962.}

Поздеева 1951 — Поздеева А. А. Удмурт кыл грамматика. Ижевск, 1951. {Pozdeeva A. A. A grammar of Udmurt. Izhevsk, 1951.}

Понарядов 2013 — Понарядов В. В. Отражение прафинно-пермских гласных второго слога в эрзянском языке // Урало-алтайские исследования. 2013, 2. С. 114—120. {Ponaryadov V. V. Reflection of Proto-Finno-Permic second syllable vowels in Erzya. // Uralo-Altaic Studies. 2013. Vol. 2. P. 114—120.}

Понарядов 2014 — Понарядов В. В. О финно-пермском вокализме // Вопросы уралоистики 2014. Научный альманах. СПб., 2014. С. 11—31. {Ponaryadov V. V. On Finno-Permic vocalism. Issues in Uralic Studies 2014. Scientific digest. SPb., 2014. P. 11—31.}

Тепляшина 1955 — Тепляшина Т. И. Тыловый диалект удмуртского языка. Дисс. канд. филол. наук. М., 1955. {Teplyashina T. I. Tylovaï dialect of the Udmurt language. Ph. D. thesis. M., 1955.}

⁶ Всё же есть одно примечательное исключение. Слово *бур* ‘правый; хороший’ (в статье В. И. Лыткина не рассматриваемое) засвидетельствовано с притяжательным суффиксом *-ыз*, что, согласно сформулированному нами правилу, должно говорить о его происхождении от древней *e*-основы. Однако как фин. *paras*, так и саам. *buorre*, являющиеся его этимологическими соответствиями, уверенно указывают на древнюю *a*-основу. О том же говорит и отражение гласного первого слога в эрзянском *paro* [Понарядов 2014: 14—15]. При рассмотрении вопроса о причинах одновременно неэтимологической и непродуктивной суффиксальной огласовки в удмуртском языке может иметь значение тот факт, что вообще удмуртские прилагательные обычно принимают суффиксы с огласовкой *э*, и лишь для трёх из них засвидетельствована огласовка *ы*. Помимо *бур*, это *жеч* ‘хороший, добрый’ и *лек* ‘злой’. Все три слова принадлежат к одному семантическому полю, противопоставляясь внутри него как антонимы, и необычная огласовка принимаемых ими суффиксов может иметь как раз семантическое объяснение.

Kallio 2012 — *Kallio P.* The non-initial-syllable vowel reductions from Proto-Uralic to Proto-Finnic // *Per Urales ad Orientem: Iter polyphonicum multilingue. Festschrift tillägnad Juha Janhunen på hans sextioårsdag den 12 februari 2012.* Helsinki, 2012. P. 163—175.

Reshetnikov, Zhivlov 2011 — *Reshetnikov K., Zhivlov M.* Studies in Uralic vocalism II: Reflexes of Proto-Uralic *a in Samoyed, Mansi and Permic // *Journal of Language Relationship.* 2011. Vol. 5. P. 96—109.

Sammallahti 1988 — *Sammallahti P.* Historical phonology of the Uralic languages with special reference to Samoyed, Ugric and Permic // *The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences.* Leiden, 1988. P. 478—554.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается проблема выбора из двух возможных огласовок удмуртских лично-притяжательных суффиксов единственного числа и показателя творительного падежа. Ранее в научной литературе высказывались две гипотезы: что выбор огласовок зависит от принадлежности удмуртских слов к разным прафинно-угорским типам основы или что он обусловлен семантически. Исследование, произведённое на обширном текстовом материале, подтвердило наличие и этимологической, и семантической зависимости, каждая из которых, однако, действует лишь в ограниченных случаях. Установление границ действия этимологического и семантического факторов позволяет определить рамки применимости удмуртского материала для реконструкции прафинно-угорских типов основ.

SUMMARY

The article deals with the problem of choice of two possible vowels in singular possessive suffixes and in the instrumental marker in Udmurt. Two hypotheses existed in scientific literature until now: one stated that choice of vowels depends on development of Udmurt words from two different classes of Proto-Finno-Ugric stems, the other supposed that it is conditioned semantically. After conducting research on an extensive textual corpus we have confirmed that both etymological and semantic relations exist, however, each of them works only in a limited number of cases. Establishing the boundaries of use of etymological and semantic factors allows determining the limits of Udmurt data relevance for the reconstruction of Proto-Finno-Ugric stem classes.

Ключевые слова: удмуртский язык, историческая морфология, историческая фонетика

Keywords: Udmurt, historical morphology, historical phonology

Понарядов Вадим Васильевич, Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (Сыктывкар); vadim.ponaryadov@yandex.ru

Vadim V. Ponaryadov, Institute of Language, Literature and history of Komi Science Centre of Uralic branch of Russian Academy of Sciences (Syktyvkar); vadim.ponaryadov@yandex.ru

**О важности первых миссионерских книг
для изучения истории удмуртского языка¹.
Дискуссионная заметка к статье В. В. Понарядова
«О двойных огласовках удмуртских суффиксов»**

Как указывается в статье В. В. Понарядова, в 1970 г. В. И. Лыткин опубликовал статью, в которой предположил, что *э-/ы-* огласовка удмуртских суффиксов

восходит к двум прафинно-угорским типам основы [Лыткин 1970]. Хотя прафинно-угорские конечные гласные в удмуртском языке отпали, лексические основы, которые в праязыке кончались на **e*, продолжают принимать суффиксы с гласным *ы*, а основы, которые кончались на **a* или **ä* — суффиксы с гласным *э*. Рассмотрев значительное количество оканчивающихся на согласные односложных удмуртских слов, имеющих финские и саамские этимологические соответствия, В. И. Лыткин пришел к выводу, что в большинстве случаев удмуртские суффиксальные огласовки хорошо коррелируют с конечными гласными лексических основ в финском и саамском. В то же время довольно многочисленны и случаи, где такая корреляция не наблюдается. Вообще приводимая исследователем статистика выглядит следующим образом [Лыткин 1970: 228—233]:

Таблица 1

Соответствия конечных гласных допермских основ удмуртским суффиксальным гласным по данным В. И. Лыткина

Конечные гласные допермских основ по финским и саамским данным	Суффиксальные гласные в удмуртском	
	<i>ы</i>	<i>э</i>
<i>*e</i>	39 примеров	11 примеров
<i>*a (*ä)</i>	9 примеров	26 примеров

Происхождение отклонений, по мнению В. И. Лыткина, следует объяснить смешением *e*-овых и *a-* (*ä*-)овых основ [Лыткин 1970: 233]. Как бы то ни было, хотя «правильные» соответствия и преобладают, отклонения от них все же составляют почти четверть всех случаев. Это достаточно большая часть, чтобы ею пренебрегать, и поэтому применение одних удмуртских данных без финских или саамских соответствий для реконструкции конечных гласных допермских основ оказывается проблематичным.

В. В. Понарядов в своей статье на основании росписи достаточно большого объема фольклорных текстов, в основном 40—50-х годов XX века по [Перевозчикова 1982; 1987], попытался установить причины отклонений в удмуртском языке, когда ФУ слова с **e*-основой получают *э*-огласовку, а слова с **a (*ä)*-основой — *ы*-огласовку, связывая их с аналогичными процессами, затронувшими слова определенных семантических групп «названий частей тела и обозначений пространственной ориентации». В результате проведенного анализа В. В. Понарядов предлагает правило, по которому следует в случае известной огласовки суффикса удмуртского слова пытаться восстановить ФУ праязыковую основу. Это правило выглядит следующим образом:

1) Удмуртские слова, устойчиво присоединяющие суффиксы с огласовкой *ы* или допускающие вариативность огласовки *ы/э*, обычно восходят к древним *e*-основам за исключением случаев, когда они принадлежат к семантическим группам названий частей тела и обозначений пространственной ориентации.

2) Удмуртские слова, которые оканчиваются на согласный и принадлежат к семантическим группам названий частей тела и обозначений пространственной ориентации и устойчиво присоединяющие суффиксы с огласовкой *э* или допускающие вариативность огласовки *ы/э*, обычно восходят к древним *a-* (*ä*-) основам.

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-012-00119А «Создание интерактивного атласа по уральским языкам».

Нам представляется интересным попробовать оценить этот вывод по следующим критериям:

- 1) для какой части удмуртского материала он является релевантным, то есть, подходит ли под действие этого правила большая часть удмуртских слов?
- 2) последовательно ли выделены те группы удмуртской лексики, которые подверглись аналогичским изменениям по сравнению с правилом, предложенным В. И. Лыткиным?
- 3) работает ли предложенное правило для источников по удмуртскому языку другого периода времени?

При анализе материала по первому критерию становится ясно, что этот вывод касается лишь сравнительно небольшой группы слов. В частности, в работе представлено около ста примеров слов с *э*-основой, из которых обозначений названий частей тела и обозначений пространственной ориентации насчитывается около десяти, т. е. это правило не позволяет объяснить/предсказать происхождение подавляющего большинства приведенных в статье слов.

Для оценки правила по второму критерию обратимся к следующему пассажиру статьи В. В. Понарядова:

Вопреки общей тенденции к продуктивности суффиксальной огласовки *э*, отдельные семантические группы лексем обнаруживают противоположную тенденцию, обобщая суффиксальную огласовку *ы*. По-видимому, реальным является существование только двух таких групп: 1) Наименования частей тела человека и животных.... 2) Слова, выражающие ориентацию в пространстве или на поверхности предмета... В обеих этих семантических группах есть небольшое количество лексем, обнаруживающих вариативную огласовку присоединяемых суффиксов по типу (б/а) или (д/б/а)... Поскольку принадлежащее к типу (б/а) слово *сюр* 'рог' (9/5) и принадлежащее к типу (д/б/а) *сюлэм* 'сердце' (23/2/1) являются старыми *е*-основами, очевидно, что тенденция к распространению наиболее продуктивной суффиксальной огласовки *э* постепенно охватывает и названия частей тела, хотя пока и не получила в этой группе лексем существенного распространения.

Таким образом, оказывается, что и в этих семантических группах присутствуют оба варианта развития слов с ФУ *е-основой, они могут приобретать в удмуртском языке как *-ы*, так и *-э* огласовки суффикса. Представляется, что в такой ситуации не является целесообразным говорить об аналогичских развитиях, поскольку это является надежным, лишь когда все слова такой группы обобщают один тип огласовки.

Для оценки правила по критерию три мы обратились к дополнительным источникам: собственным полевым данным, собранным от носителей северного и крайне-южного диалектов, и материалу двух первых кириллических книг «Закон Божий: Книжка с картинками для маленьких детей. На вотском языке глазовского наречия. Часть I», 1912² (северный диалект) и «Зеч кыльёс. Святой Тихонлэн зечлы дышетэм кыльёсыз», 1892³ (периферийно-южный диалект⁴). Поскольку, как указано в монографии [Перевозчикова 1982], которая легла в основу статьи В. В. Понарядова, для ее составления были использованы, в основном, материалы 40—50-х годов XX века, собранные в Завьяловском районе Удмуртии (срединные говоры) и Таштылинском районе Башкирии (южные диалекты), привлечение материалов по северным, крайне-южным и периферийно-южным диалектам от носителей разных возрастов (от 30 до 75 лет), с одной стороны, а с другой анализ употребления огласовок суффиксов 100—120 лет назад дает возможность получить более полную картину устройства этого фрагмента языковой системы⁵.

² Корпус текстов этой книги с глоссировкой доступен по ссылке <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/743/23409/perspective/743/23412/view>. Конкорданс, подготовленный из этого корпуса: <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/743/127938/perspective/743/127939/view>.

³ Конкорданс этой книги доступен по ссылке <http://old.lingvodoc.at.ispras.ru/#/dictionary/139/3/perspective/139/4/view>.

⁴ Доказательство места создания этого памятника подробно разобрано в статьях [Безенова 2016а; 2016б]

⁵ В научной литературе, в устных беседах, на конференциях мы часто встречали высказывания о том, что эти фиксации не представляют особенного интереса в связи с крайней неточностью в передаче языковых данных и многочисленными «ошибками». При этом исследования первых кириллических книг, созданных в рамках деятельности Переводческой комиссии на татарском [Нуриева 2015; 2017], на чувашском [Савельев 2016], на башкирском языке [Норманская, Каримова, Эжба 2017], на казахском [Шаймердинова 2016, Дыбо, Норманская 2016], на саамском [Бакула 2016, Норманская 2016], на селькупском [Норманская 2015б], на удмуртском [Безенова 2016а; 2016б], на пельмском мансийском [Норманская 2015а, Норманская, Кошелюк 2017], на марийском языке [Ключева, Норманская 2015] показали, что эти книги выполнены на высоком научном уровне, они имеют с и с т е м н ы е отличия от современных литературных языков, но эти особенности связаны, в первую очередь, с тем, что они были написаны на диалектах соответствующих языков.

1. Анализ полевого материала

В результате сбора полевого материала по типам огласовок суффиксов было выявлено, что их система в настоящее время очень сильно варьируется у носителей языка из одной семьи, а особенно у принадлежащих к разным поколениям даже в одной семье. Основной тенденцией изменения системы является увеличение слов с э-огласовками у более молодых носителей языка, при этом этот процесс значительно более активно проходит в крайне-южных диалектах. Можно сделать вывод о том, что список слов, принадлежащих к исконной лексике и имеющих э-огласовку по материалам [Перевозчикова 1982; 1987] подтверждается всеми носителями рассмотренных диалектов. При этом списки слов с ы-огласовкой редуцированы в сторону приобретения лексемами суффиксов с э-огласовкой у всех опрошенных носителей.

В наименьшей степени это присутствует у носительницы 1943 г. р. из д. Чиргино Балезинского района Удмуртской АССР (на сегодняшний день д. Чиргино территориально входит в Глазовский район Удмуртской Республики): по ее мнению, из списка слов с ы-огласовкой по статье В. В. Понарядова, э-огласовку суффикса приобретают 2 слова: *изнэс* 'грива', *ныллон* 'горло', слова могут употребляться как с э-, так и ы-огласовкой суффикса 7 слов: *кымыс* 'лоб', *сйль* 'мясо', *тус* 'облик', *тыбыр* 'спина', *чын* 'дым', *ымдур* 'губа', *ымныр* 'лицо, морда'.

У ее дочери 1969 г. р., также всю жизнь прожившей в д. Чиргино, э-огласовку суффикса приобретают следующие 7 слов из этого списка: *изнэс* 'грива', *көтурдэс* 'бок', *кымыс* 'лоб', *ныллон* 'горло', *паллян* 'левый', *урдэс* 'бок', *чын* 'дым'. А вариативность э-, ы-огласовки отмечается для 4 слов: *дйнь* 'основание, комель', *йёл* 'молоко', *кунул* 'подмышка', *сйль* 'мясо'. При сравнении этих данных видно, что часть слов, которые носитель более старшего поколения употребляет, как с э-, так и с ы-огласовкой, у более младшей женщины имеют уже стабильно э-огласовку: *кымыс* 'лоб', *урдэс* 'бок', *чын* 'дым'. Но в целом можно отметить, что система носителя 1943 г. р. северного диалекта удмуртского языка существенно отличается от описанной в статье В. В. Понарядова только в вопросе огласовок суффиксов у названий частей тела. В. В. Понарядов указывает, что «у слов семантических групп названий частей тела и обозначений пространственной ориентации стала работать противоположная тенденция, когда старые а- (ä-)основ стали неэтимологически присоединять суффиксы с огласовкой ы, которая стала ассоциироваться именно с этими семантически группами», но при этом по полевым данным у наиболее пожилой носительницы северного диалекта 7 из 9 отличий касаются именно частей тела, которые имеют э-огласовку. Можно сказать, что на материале северного диалекта не было выявлено ни одного случая, когда слово со старой *а-основой, описывая часть тела, приобрело бы ы-огласовку. Такие случаи не отмечены и в крайне южном диалекте, в котором и вообще значительно больше слов с э-огласовкой суффиксов.

У более старших носителей из списка слов с ы-огласовкой по статье В. В. Понарядова, э-огласовку суффикса приобретают у женщины 1966 г. р. с. Покровский Урустамак Бавлинского района Татарской АССР (ныне Республики Татарстан) 12 слов: *йёл* 'молоко', *йыл* 'вершина, верхушка, конец', *ки* 'рука', *көй* 'сало, жир', *көтурдэс* 'бок', *кунул* 'подмышка', *ньөр* 'прут', *ныллон* 'горло', *сйль* 'мясо', *ули* 'нижний', *урдэс* 'бок', *чын* 'дым'.

У другой носительницы, ее родственницы (1957 г. р. из этого же села) э-огласовки имеют 23 слова: *азь* 'перёд, передняя часть', *амал* 'сноровка', *бам* 'лицо, щёки', *изнэс* 'грива', *йёл* 'молоко', *ки* 'рука', *көй* 'сало, жир', *көм* 'кожура', *көтурдэс* 'бок', *кунул* 'подмышка', *кыл* 'язык; разговоры', *кымыс* 'лоб', *лул* 'душа', *лыд* 'счёт', *мугор* 'тело', *ныллон* 'горло', *огпал* 'одна сторона', *пал* 'сторона', *пыд* 'нога', *сйль* 'мясо', *тыбыр* 'спина', *шор* 'середина', *ым* 'рот'.

У наиболее молодого из опрошенных носителя бавлинского говора крайне южного диалекта удмуртского языка 1989 г. р. этого же села почти все лексемы (48 слов) приобретают в речи варианты или исключительно суффиксы с э-огласовкой: *азь* 'перёд, передняя часть', *амал* 'сноровка', *бам* 'лицо, щёки', *бервыл* 'след', *бур* 'правый', *быж* 'хвост', *въл* 'верх', *вълй* 'верхний', *вълтыр* 'тело', *дйнь* 'основание, комель', *дур* 'лезвие', *дур* 'край', *дыр* 'время', *зын* 'запах', *изнэс* 'грива', *йёл* 'молоко', *йыр* 'голова', *ки* 'рука', *көй* 'сало, жир', *көм* 'кожура', *кунул* 'подмышка', *кыл* 'язык; разговоры', *кымыс* 'лоб', *лек* 'злой; злость', *лул* 'душа', *лыд* 'счёт', *мугор* 'тело', *мукет* 'другой', *ныд* 'ручка, рукоять', *ныр* 'нос', *ньөр* 'прут', *ныллон* 'горло', *огпал* 'одна сторона', *пал* 'сторона', *паллян* 'левый', *пель* 'ухо', *пинь* 'зуб', *пыд* 'нога', *сйль* 'мясо', *сйныр* 'сухожилие, жила', *суй* 'рука (от плеча до кисти)', *сьёр* 'зад, задняя часть', *тус* 'облик', *тыбыр* 'спина', *чын* 'дым', *ым* 'рот', *ымдур* 'губа', *ымныр* 'лицо, морда'. Интересно, что вариант с ы-огласовкой суффикса без колебаний сохраняется в речи этого носителя, в первую очередь, для обозначений пространственной ориентации: *йыл* 'вершина, верхушка, конец', *ул* 'низ', *ули* 'нижний', *урдэс* 'бок', *шор* 'середина'.

Таким образом, на материале опроса носителей от 75 до 30 лет за истекшие 45 лет видна явная динамика нарастания употребления э-огласовок суффиксов, особенно, в крайне-южном диалектном ареале.

2. Анализ огласовок суффиксов в первых книгах на удмуртском языке

Анализ двух первых кириллических книг [Закон Божий 1912] (северный диалект) и [Наставление 1891] (периферийно-южный диалект: шошминский говор), созданных на севере и юге ареала распространения удмуртского языка, показывает достаточно однородную картину. В связи с важностью этих материалов мы приведем здесь полные списки слов, для которых удалось установить тип огласовки суффикса.

[Наставление 1891]:

э - огласовка

- 1) *азвес* 'серебро' (*азвесен* 'серебром' INS) < ФУ *waske;
- 2) *амал* 'способ' (*амалэн* 'способом' INS);
- 3) *анай* 'мать' (*анайедлиç* 'от твоей матери' POSS.2SG-ABL);
- 4) *арбери* 'вещь' (*арберіен* 'с вещью' INS, *арберіез* 'его вещь' POSS.3SG-NOM);
- 5) *атай* 'отец' (*атайеныд* 'твоим отцом' INS-POSS.2SG, *Атаіезлы* 'его отцу' POSS.3SG-DAT);
- 6) *баçтем* 'взятие' (*баçтемез* 'его взятие' POSS.3SG-NOM, *баçтемезія* 'по мере его взятия' POSS.3SG-ADV);
- 7) *Бүс* 'Дух' (*Бүсэдлэн* 'у твоего Духа' POSS.2SG-GEN, *Бүсэзлы* 'его Духу' POSS.3SG-DAT);
- 8) *ваңбур* 'богатство' (*ваңбурен* 'с богатством' INS, *ваңбуред* 'твое богатство' POSS.2SG-NOM, *ваңбурез* 'его богатство' POSS.3SG-NOM, *ваңбуредлэн* 'у твоего богатства' POSS.2SG-GEN, *ваңбуредлы* 'твоему богатству' POSS.2SG-DAT, *ваңбурезлыç* 'от его богатства' POSS.3SG-ABL) < ФУ *para;
- 9) *вож пот-* 'сердиться' (*вожез потоз* 'рассердится' (досл. 'его гнев выйдет') POSS.3SG-NOM, *вожез потэм* 'рассердился' (досл. 'его гнев, оказывается, вышел') POSS.3SG-NOM) < ФУ *wiša;
- 10) *вожон* 'содержание' (*вожонэзлыç* 'от его содержания' POSS.3SG-ABL); *вордос* 'воспитанник' (*вордосэз* 'его воспитанник' POSS.3SG-NOM); *вöçяçкымтэ* 'немоление' (*вöçяçкымтэен* 'из-за немоления' INS);
- 11) *ву* 'вода' (*вүэз* 'его вода' POSS.3SG-NOM) < ФУ *wete;
- 12) *вылэм* 'былое' (*вылэмез* 'его былое' POSS.3SG-NOM);
- 13) *гоштэт* 'послание' (*гоштэтэз* 'его послание' POSS.3SG-NOM);
- 14) *диç* 'одежда' (*диçe* 'моя одежда' POSS.1SG-NOM, *диçез* 'его одежда' POSS.3SG-NOM);
- 15) *дугдэм* 'прекращение' (*дугдэмез* 'его прекращение' POSS.3SG-NOM);
- 16) *дышеçкиç* 'ученик' (*дышеçкиçез* 'его ученик' POSS.3SG-NOM); *дышетэм* 'учение' (*дышетэмез* 'его учение' POSS.3SG-NOM);
- 17) *дэмлам* 'рекомендация' (*дэмламеzлы* 'его рекомендации' POSS.3SG-DAT);
- 18) *ларатэм* 'любовь' (*ларатэмез* 'его любовь' POSS.3SG-NOM);
- 19) *лжәлчи* 'батрак' (*лжәлчїез* 'его батрак' POSS.3SG-NOM);
- 20) *лöмыш* 'плод' (*лöмышезлы* 'его плоду' POSS.3SG-DAT);
- 21) *луртэм* 'помощь' (*луртэмен* 'с помощью' INS, *луртэменыз* 'с его помощью' INS-POSS.3SG);
- 22) *лжечлыг* 'доброта; благость' (*лжечлыгед* 'твоя доброта' POSS.2SG-NOM, *лжечлыгез* 'его благость' POSS.3SG-NOM, *лжечлыгеныз* 'его добротой' INS-POSS.3SG, *лжечлыгезлы* 'его благости' POSS.3SG-DAT);
- 23) *закон* 'закон' (*законэд* 'твой закон' POSS.2SG-NOM, *законэз* 'его закон' POSS.3SG-NOM, *законэзлы* 'его закону' POSS.3SG-DAT);
- 24) *зарни* 'золото' (*зарніен* 'золотом' INS) < ФУ *saraña;
- 25) *иң* 'небо' (*иңен* 'небом' INS) < ФУ *ilma;
- 26) *Иңмар* 'бог' (*Иңмарен* 'с богом' INS, *Иңмаре* 'мой бог' POSS.1SG-NOM, *Иңмарелэн* 'у моего бога' POSS.1SG-GEN, *Иңмарелэç* 'от моего бога' POSS.1SG-ABL, *Иңмаредлыç* 'от твоего бога' POSS.2SG-ABL);
- 27) *кадыр* 'честь' (*кадырез* 'его честь' POSS.3SG-NOM);
- 28) *кажэ* 'сеть' (*кажэныз* 'его сетью' INS-POSS.3SG) < ФУ *käčV;
- 29) *карем* 'делание' (*каремед* 'твое делание' POSS.2SG-NOM, *каремез* 'его делание' POSS.3SG-NOM); *карон* 'делание' (*каронэз* 'его делание' POSS.3SG-NOM); *карт* 'муж' (*картэн* 'с мужем' INS);
- 30) *кидыс* 'семя' (*кидысэз* 'его семя' POSS.3SG-NOM);

- 31) *кидем* 'отставание' (*кидемед* 'твое отставание' POSS.2SG-NOM);
- 32) *корка* 'дом' (*коркаиe* 'мой дом' POSS.1SG-NOM, *коркаиeз* 'его дом' POSS.3SG-NOM) < **ФУ** *kota;
- 33) *книга* 'книга' (*книгаeз* 'его книга' POSS.3SG-NOM);
- 34) *косэм* (*косем*) 'веление' (*косэмeз* (*косемeз*) 'его веление' POSS.3SG-NOM, *косэмeзлы* 'его велению' POSS.3SG-DAT);
- 35) *кужэо* 'хозяин, владелец' (*кужэоe* 'мой хозяин' POSS.1SG-NOM, *кужэоieз* 'его владелец' POSS.3SG-NOM);
- 36) *кулон* 'смерть' (*кулонэн* 'смертью' INS); *кулэм* 'смерть' (*кулэменыз* 'его смертью' INS-POSS.3SG);
- 37) *кучкем* 'начало' (*кучкемeз* 'его начало' POSS.3SG-NOM); *күңмо* 'в трех частях' (*күңмоieзлы* 'его бытию в трех лицах' POSS.3SG-DAT);
- 38) *кышно* 'жена' (*кышноедлиц* 'от твоей жены' POSS.2SG-ABL);
- 39) *лүем* 'становление' (*лүемед* 'твое становление' POSS.2SG-NOM, *лүемедлы* 'твоему становлению' POSS.2SG-DAT);
- 40) *лукыскем* 'расставание' (*лукыскемед* 'твое расставание' POSS.2SG-NOM);
- 41) *матын* 'ближний' (*матынэныд* 'с твоим ближним' INS-POSS.2SG, *матынэдлы* 'твоему ближнему' POSS.2SG-DAT, *матынэдлэн* 'у твоего ближнего' POSS.2SG-GEN);
- 42) *мозмем* 'освобождение' (*мозмемед* 'твое освобождение' POSS.2SG-NOM); *Мозмытиц* 'освободитель' (*Мозмытице* 'мой освободитель' POSS.1SG-NOM); *мозмытон* 'избавление' (*мозмытонэныд* 'с твоим избавлением' INS-POSS.2SG, *мозмытонэзлиц* 'от его избавления' POSS.3SG-ABL); *мозмытэм* 'спасение' (*мозмытэмeз* 'его спасение' POSS.3SG-NOM);
- 43) *муг* 'повод' (*муген* 'с поводом' INS) < **ФУ** *meke (? *meye);
- 44) *мылпотэм* 'желание' (*мылпотэмeзiя* 'по его желанию' POSS.3SG-ADV);
- 45) *нужна* 'нужда' (*нужнаieн* (*нужнаeн*) 'с нуждой' INS);
- 46) *оскытэм* 'уверование' (*оскытэмед* 'твое уверование' POSS.2SG-NOM);
- 47) *понарь* 'фонарь' (*понарен* 'с фонарем' INS);
- 48) *пуран* 'плот' (*пуранэн* 'с плотом' INS);
- 49) *пырем* 'вход' (*пыремeз* 'его вход' POSS.3SG-NOM);
- 50) *пырыскем* 'участие' (*пырыскемeз* 'его участие' POSS.3SG-NOM);
- 51) *сиңкиди* (*сиңкили*) 'слеза, слезы' (*сиңкидиэныд* (*сиңкилиэныд*) 'твоими слезами' INS-POSS.2SG) < **ФУ** **kiñe(-IV)* (**küñe(-IV)*);
- 52) *си* 'почет' (*сиез* 'его почет' POSS.3SG-NOM);
- 53) *сион* 'еда' (*сионэ* 'моя еда' POSS.1SG-NOM); *сү* *куақмон* 'жажда' (*сүэд* *куақмон* 'твоя жажда' POSS.2SG-NOM) < **ФУ** *suwe;
- 54) *сүд* 'суд' (*сүдэз* 'его суд' POSS.3SG-NOM);
- 55) *сүрес* 'путь' (*сүресэз* 'его путь' POSS.3SG-NOM);
- 56) *тирлык* 'вещь' (*тирлыкен* 'с вещью' INS);
- 57) *тодэм* 'знание' (*тодэмедке* 'если твое знание' POSS.2SG-NOM, *тодэмедлы* 'твоему знанию' POSS.2SG-DAT);
- 58) *тубем* 'подъем' (*тубемeз* 'его подъем' POSS.3SG-NOM);
- 59) *түс* 'образ' (*түсeз* (*түсэз*) 'его образ' POSS.3SG-NOM);
- 60) *тырышем* 'старание' (*тырышемед* 'твое старание' POSS.2SG-NOM);
- 61) *уж* 'работа, дело' (*ужен* 'с делом' INS, *уженыд* 'с твоей работой' INS-POSS.2SG, *уженыз* 'с его работой' INS-POSS.3SG, *ужед* 'твое дело' POSS.2SG-NOM, *ужедлы* 'твоей работе' POSS.2SG-DAT, *ужез* 'его дело' POSS.3SG-NOM, *ужезлы* 'его работе' POSS.3SG-DAT, *ужезлиц* 'от его дела' POSS.3SG-ABL);
- 62) *узырлык* 'богатство' (*узырлыгедлы* 'твоему богатству' POSS.2SG-DAT);
- 63) *улэм* 'жизнь' (*улэменыз* 'с его жизнью' INS-POSS.3SG, *улэменызы* 'с их жизнью' INS-POSS.3PL, *улэмед* 'твоя жизнь' POSS.2SG-NOM, *улэмeз* 'его жизнь' POSS.3SG-NOM, *улэмeзлы* 'его жизни' POSS.3SG-DAT);
- 64) *улон* 'жизнь' (*улонэн* 'с жизнью' INS, *улонэныд* 'с твоей жизнью' INS-POSS.2SG, *улонэд* 'твоя жизнь' POSS.2SG-NOM, *улонэдлы* 'твоей жизни' POSS.2SG-DAT, *улонэзлиц* 'от его жизни' POSS.3SG-ABL);
- 65) *уробо* 'телега' (*уробоie* 'моя телега' POSS.1SG-NOM, *уробоieз* 'его телега' POSS.3SG-NOM);
- 66) *урод* 'плохое' (*уродэн* 'с плохим' INS);
- 67) *учкон* 'зеркало' (*учконэн* 'с зеркалом' INS);
- 68) *Христос* 'Христос' (*Христосэн* (*Христосен*) 'с Христосом' INS);
- 69) *чебер* 'красота' (*чеберeз* 'его красота' POSS.3SG-NOM);
- 70) *шеттэм* 'находка' (*шеттэмед* 'твоя находка' POSS.2SG-NOM);
- 71) *шуд-бур* (*шуд бур*) 'счастье' (*шудэн-бурен* (*шудэн бурен*) 'счастьем' INS);

- 72) *ыжсти* ‘ягненок’ (*ыжспіез* ‘его ягненок’ POSS.3SG-NOM);
 73) *ышан* ‘явление’ (*ышанэн* ‘с явлением’ INS);
 74) *эрык* ‘свобода, воля’ (*эрыкенымы* ‘с нашей свободой’ INS-POSS.1PL, *эрыкеныд* ‘с твоей свободой’ INS-POSS.2SG, *эрыкеныз* ‘с его свободой’ INS-POSS.3SG, *эрыкез* ‘его воля’ POSS.3SG-NOM);
 75) *эсеб* (*эсэб*) ‘мысль’ (*эсебен* (*эсэбен*) ‘с мыслью’ INS, *эсебед* ‘твоя мысль’ POSS.2SG-NOM, *эсебез* (*эсэбез*) ‘его мысль’ POSS.3SG-NOM).

ы - огласовка

- 1) *бан* ‘лицо’ (*бангытлиц* ‘от твоего лица’ POSS.2SG-ABL);
- 2) *виж* ‘разум’ (*вижмызлы* ‘его разуму’ POSS.3SG-DAT);
- 3) *вир* ‘кровь’ (*вирыныз* ‘его кровью’ INS-POSS.3SG, *вирыз* ‘его кровь’ POSS.3SG-NOM, *вирызлэс* ‘от его крови’ POSS.3SG-ABL) < **ФУ *wire**;
- 4) *дан* ‘почет’ (*даныз* ‘его почет’ POSS.3SG-NOM);
- 5) *ки* ‘рука’ (*кййыз* ‘его рука’ POSS.3SG-NOM) < **ФУ *küte**;
- 6) *көт* ‘живот’ (*көтыз* ‘его живот’ POSS.3SG-NOM) < **ФУ *kaktV**;
- 7) *кыл* ‘слово; язык’ (*кылын* ‘словом’ INS, *кылыныд* ‘твоим словом’ INS-POSS.2SG, *кылынызы* ‘их словом’ INS-POSS.3PL, *кылынымы* ‘нашим словом’ INS-POSS.1PL, *кылыд* ‘твое слово’ POSS.2SG-NOM, *кылыз* ‘его слово; его язык’ POSS.3SG-NOM) < **ФУ *kele (*kēle)**;
- 8) *лүл* ‘душа’ (*лүлыд* ‘твоя душа’ POSS.2SG-NOM, *лүлыды* ‘твоей душе’ POSS.2SG-DAT, *лүлыдлиц* ‘от твоей души’ POSS.2SG-ABL, *лүлыдлэн* ‘у твоей души’ POSS.2SG-GEN) < **ФУ *lewIV**;
- 9) *ма* ‘что’ (*майын* ‘чем’ INS) < **ФУ *mV**;
- 10) *мугор* ‘тело’ (*мугорыныд* ‘твоим телом’ INS-POSS.2SG, *мугорыныз* ‘его телом’ INS-POSS.3SG, *мугорынымы* ‘нашим телом’ INS-POSS.1PL, *мугорыд* ‘твое тело’ POSS.2SG-NOM, *мугорыз* ‘его тело’ POSS.3SG-NOM, *мугорызлэс* ‘от его тела’ POSS.3SG-ABL);
- 11) *мурт* ‘человек’ (*мурты* ‘мой человек’ POSS.1SG-NOM, *муртыд* ‘твой человек’ POSS.2SG-NOM, *муртыз* ‘его человек’ POSS.3SG-NOM, *муртызлиц* ‘от его человека’ POSS.3SG-ABL) < **ФУ *mertä**;
- 12) *мыл-кыд* (*мылкыд*) ‘настроение’ (*мылыз-кыдыз* (*мылызкыдыз*) ‘его настроение’ POSS.3SG-NOM) < **ФУ *mele (*mēle)**;
- 13) *ним* ‘имя’ (*нымыз* ‘его имя’ POSS.3SG-NOM, *нымызлиц* ‘от его имени’ POSS.3SG-ABL) < **ФУ *nime (? *lime)**;
- 14) *пел* ‘ухо’ (*пелыз* ‘его ухо’ POSS.3SG-NOM) < **ФУ *peljä**;
- 15) *пун* ‘конец’ (*пуныз* ‘его конец’ POSS.3SG-NOM) < **ФУ *päge**;
- 16) *пыд* ‘нога’ (*пыдыз* ‘его нога’ POSS.3SG-NOM); *пыдэс* ‘дно’ (*пыдэсыз* ‘его дно’ POSS.3SG-NOM);
- 17) *сиң* ‘глаз, глаза’ (*сиңмын* ‘глазами’ INS, *сиңмыныд* ‘твоими глазами’ INS-POSS.2SG, *сиңмыныз* ‘его глазами’ INS-POSS.3SG, *сиңмыз* ‘его глаз’ POSS.3SG-NOM) < **ФУ *šilmä**;
- 18) *сям* ‘привычка’ (*сямыз* ‘его привычка’ POSS.3SG-NOM);
- 19) *төл* ‘ветер’ (*төлын* ‘ветром’ INS) < **ФУ *tule**;
- 20) *тыл* ‘огонь’ (*тылын* ‘огнём’ INS) < **ФУ *tule**;
- 21) *ым* ‘рот’ (*ымынызы* ‘их ртами’ INS-POSS.3PL) < **ФУ *aŋe**.

э - / ы - огласовка

- 1) *кужым* ‘сила’ (*кужыменыд* ‘с твоей силой’ INS-POSS.2SG, *кужымыныз/кужыменыз* ‘с его силой’ INS-POSS.3SG, *кужымыз/кужымеz/кужмыз* ‘его сила’ POSS.3SG-NOM) < **ФУ *kunčV ~ *kučV**;
- 2) *мылкыд* ‘настроение; желание’ (*мылкыдэн* ‘с настроением’ INS, *мылкыдэныд/мылкыдыныд* ‘с твоим настроением’ INS-POSS.2SG, *мылкыдэныз/мылкыдыныз* ‘с его настроением’ INS-POSS.3SG, *мылкыдыд* ‘твое настроение’ POSS.2SG-NOM, *мылкыдыдлэн* ‘у твоего настроения’ POSS.2SG-GEN, *мылкыдэдлиц* ‘от твоего настроения’ POSS.2SG-ABL, *мылкыдыз* ‘его настроение’ POSS.3SG-NOM, *мылкыдэзлы* ‘его желанию’ POSS.3SG-DAT) < **ФУ *kEntV**.

[Закон Божий 1912]

э - огласовка

- 1) *Ангел* ‘ангел’ (*Ангелэз* ‘его ангел’ POSS.3SG-NOM);
- 2) *Адам* ‘Адам’ (*Адамэн* ‘с Адамом’ INS);
- 3) *адзьытэм* ‘показ’ (*адзьытэмэз* ‘его показ’ POSS.3SG-NOM);
- 4) *валамтэ* ‘непонимание’ (*валамтэенызы* ‘из-за их непонимания’ INS-POSS.3PL);

- 5) *ваньбур* 'достаток' (*ваньбурэны́д* 'с твоим достатком' INS-POSS.2SG, *ваньбурэны́з* 'с его достатком' INS-POSS.3SG) < **ФУ *para**;
- 6) *веран* 'речь' (*веранэ́з* (*веранэ́з*) 'его речь' POSS.3SG-NOM);
- 7) *верба* 'верба' (*вербаэ́н* 'с вербой' INS);
- 8) *вина* 'вино' (*винаэ́н* 'с вином' INS);
- 9) *вормем* 'победа' (*вормемэ́з* 'его победа' POSS.3SG-NOM); *ворцкытэм* 'рождение' (*ворцкытэмэ́д* 'твое рождение' POSS.2SG-NOM);
- 10) *вõсяськем* 'моление' (*вõсяськеменымы́* 'нашим молением' INS-POSS.1PL, *вõсяськеменызы́* 'их молением' INS-POSS.3PL);
- 11) *вузам* 'предательство' (*вузамэ́з* 'его предательство' POSS.3SG-NOM);
- 12) *дйись* (*дйисэ́з* 'его одежда' POSS.3SG-NOM);
- 13) *дышетэм* 'обучение' (*дышетэмэ́з* 'его обучение' POSS.3SG-NOM);
- 14) *жсутскем* 'поднятие' (*жсутскемэ́з* 'его поднятие' POSS.3SG-NOM);
- 15) *закон* 'закон' (*законэдлы́* 'твоему закону' POSS.2SG-DAT, *законэ́злы́* 'его закону' POSS.3SG-DAT);
- 16) *жеч* 'добро' (*жечены́д* 'твоим добром' INS-POSS.2SG, *жечэ́д* 'твое добро' POSS.2SG-NOM);
- 17) *Инмар* 'бог' (*Инмарэ́* 'мой бог' POSS.1SG-NOM);
- 18) *ипостась* 'ипостась' (*ипостасэ́з* 'его ипостась' POSS.3SG-NOM, *Ипостасэ́злы́* 'его ипостаси' POSS.3SG-DAT);
- 19) *Иоаким* 'Иоаким' (*Иоакимэ́н* (*Иоакимен*) 'с Иоакимом' INS);
- 20) *Иосиф* 'Иосиф' (*Иосифен* 'с Иосифом' INS); *йыр-кур* 'злоба' (*йыр-курэнызы́* 'с их злобой' INS-POSS.3PL);
- 21) *карысь* 'делающий' (*карысэ́* 'мой делающий' POSS.1SG-NOM); *карыськем* 'совершение' (*карыськемэ́з* 'его совершение' POSS.3SG-NOM);
- 22) *кирос* 'крест' (*киросэ́н* 'крестом' INS, *киросэны́д* 'твоим крестом' INS-POSS.2SG, *киросэны́з* 'его крестом' INS-POSS.3SG, *киросэ́д* 'твой крест' POSS.2SG-NOM, *киросэ́з* 'его крест' POSS.3SG-NOM);
- 23) *корка* 'дом' (*коркаэ́з* 'его дом' POSS.3SG-NOM) < **ФУ *kota**;
- 24) *кортчог* 'гвоздь' (*кортчогэ́н* 'гвоздем' INS) < **ФУ *čęŋkV**;
- 25) *косэм* 'веление' (*косэмены́з* 'его велением' INS-POSS.3SG, *косэмезы́я* 'по его велению' POSS.3SG-ADV);
- 26) *куара* 'голос' (*куараэ́з* 'его голос' POSS.3SG-NOM);
- 27) *кулэм* 'смерть' (*кулэмэ́з* 'его смерть' POSS.3SG-NOM, *кулэмезлэ́сь* 'от его смерти' POSS.3SG-ABL) < **ФУ *kola**;
- 28) *курадзем* 'страдание' (*курадземэны́з* 'его страданием' INS-POSS.3SG, *курадземэ́з* 'его страдание' POSS.3SG-NOM);
- 29) *Кылдытысь* 'создатель' (*Кылдытысэ́* 'мой создатель' POSS.1SG-NOM);
- 30) *кылицкем* 'послушание' (*кылицкемены́з* 'его послушанием' INS-POSS.3SG);
- 31) *кылицкымтэ* 'ослушание' (*кылицкымтэнызы́* 'их ослушанием' INS-POSS.3PL);
- 32) *кышкам* 'испуг' (*кышкаменызы́* 'их испугом' INS-POSS.3PL);
- 33) *лыктэм* 'прибытие' (*лыктэмезлэ́сь* 'от его прибытия' POSS.3SG-ABL);
- 34) *Марія* 'Мария' (*Марі́яен* 'с Марией' INS);
- 35) *молитва* 'молитва' (*молитваэ́н* 'с молитвой' INS, *молитваэ́з* 'его молитва' POSS.3SG-NOM);
- 36) *нунал* 'день' (*нуналэ́з* 'его день' POSS.3SG-NOM);
- 37) *оскон* 'вера' (*осконэ́* 'моя вера' POSS.1SG-NOM);
- 38) *пи* 'сын' (*Піе* (*Пі́е*) 'мой сын' POSS.1SG-NOM, *Пі́эз* (*Піез*) 'его сын' POSS.3SG-NOM, *Піэ́злы* (*Піэ́злы*) 'его сыну' POSS.3SG-DAT) < **ФУ *rojka**;
- 39) *пõян* 'ложь' (*пõянэ́злэ́сь* 'от его лжи' POSS.3SG-ABL);
- 40) *пырэм* 'вход' (*пырэмэ́з* 'его вход' POSS.3SG-NOM); *пыртэм* 'ввод' (*пыртэмезлэ́сь* 'от его ввода' POSS.3SG-ABL);
- 41) *родня* 'родня' (*родняэ́з* 'его родня' POSS.3SG-NOM, *родняэ́злэн* 'у его родни' POSS.3SG-GEN);
- 42) *святой* 'святой' (*Святоэ́з* 'его святой' POSS.3SG-NOM, *Святоедлы́* (*святоедлы́*) 'твоему святому' POSS.2SG-DAT);
- 43) *сelyк* 'грех' (*сelyкэ́н* 'грехом' INS, *сelyкэ́з* 'его грех' POSS.3SG-NOM);
- 44) *сэтысь* 'дающий' (*сэтысэ́* 'мой дающий' POSS.1SG-NOM); *сэтэм* 'дар' (*сэтэмэ́з* 'его дар' POSS.3SG-NOM);
- 45) *сизем* 'обещание' (*сиземезы́я* 'по его обещанию' POSS.3SG-ADV, *сиземезлы́* 'его обещанию' POSS.3SG-DAT);
- 46) *султон* 'воскрешение' (*султонэ́злы* 'его воскрешению' POSS.3SG-DAT);
- 47) *султэм* 'подъем' (*султэмэ́з* 'его подъем' POSS.3SG-NOM);

- 48) *сюдэм-вордэм* ‘воспитание’ (*сюдэмэз-вордэмэз* ‘его воспитание’ POSS.3SG-NOM);
- 49) *тус* ‘облик’ (*тусэныз* ‘обликом’ INS-POSS.3SG);
- 50) *тыл* ‘огонь’ (*тылэн* ‘огнем’ INS) < **ФУ** *tule;
- 51) *тырэм* ‘насыщение’ (*тырэмэд* ‘твое насыщение’ POSS.2SG-NOM);
- 52) *уаськем* ‘спуск’ (*уаськемэз* ‘его спуск’ POSS.3SG-NOM);
- 53) *уж* ‘дело’ (*ужэн* ‘делом’ INS);
- 54) *улэм* ‘жизнь’ (*улэмэз* ‘его жизнь’ POSS.3SG-NOM);
- 55) *умэ усем* ‘засыпание’ (*умэ усемэз* ‘его засыпание’ POSS.3SG-NOM);
- 56) *урыс* ‘плеть’ (*урсэн* ‘плетью’ INS);
- 57) *царства* ‘царство’ (*царстваэд* ‘твое царство’ POSS.2SG-NOM);
- 58) *четверток* ‘четверг’ (*четвертокэн* ‘четвергом’ INS);
- 59) *чиньы* ‘палец’ (*чиньыэн* ‘пальцем’ INS) < **ФУ** *čEŋV;
- 60) *чупкарэм* ‘поцелуй’ (*чупкарэмэн* ‘поцелуем’ INS);
- 61) *шеттэм* ‘находка’ (*шеттэмэз* ‘его находка’ POSS.3SG-NOM);
- 62) *шуэм* ‘сказанное’ (*шуэмэз* ‘сказанное им’ POSS.3SG-NOM);
- 63) *эрик* ‘воля’ (*эрикэ* ‘моя воля’ POSS.1SG-NOM, *эрикэд* ‘твоя воля’ POSS.2SG-NOM);
- 64) *юрттэм* ‘помощь’ (*юрттэменыз* ‘с его помощью’ INS-POSS.3SG, *юрттэмезлэсь* ‘от его помощи’ POSS.3SG-ABL);
- 65) *яратэм* ‘любовь’ (*яратэмэд* ‘твоя любовь’ POSS.2SG-NOM).

ы (и) - огласовка

- 1) *бам* ‘лицо’ (*бамыз* ‘его лицо’ POSS.3SG-NOM);
- 2) *визь* ‘ум’ (*визьмынызы* ‘их умом’ INS-POSS.3PL);
- 3) *ыр* ‘голова’ (*ырыз* ‘его голова’ POSS.3SG-NOM) < **ФУ** *jure;
- 4) *ки* ‘рука’ (*кынымы* ‘нашей рукой’ INS-POSS.1PL, *кыныд* ‘твоей рукой’ INS-POSS.2SG, *кыныз* ‘его рукой’ INS-POSS.3SG) < **ФУ** *käte;
- 5) *кужым* ‘сила’ (*кужымыз* ‘его сила’ POSS.3SG-NOM, *кужымыныз* ‘его силой’ INS-POSS.3SG) < **ФУ** *kunčV ~ *kučž;
- 6) *кыл* ‘слово; язык’ (*кылын* ‘словом’ INS, *кылынызы* ‘их языком’ INS-POSS.3PL) < **ФУ** *kele (*kēle);
- 7) *лул* ‘душа’ (*лулы* ‘моя душа’ POSS.1SG-NOM) < **ФУ** *lewIV;
- 8) *мумы* ‘мать’ (*Муминыз* ‘его матерью’ INS-POSS.3SG, *Мумидлэн* ‘у твоей матери’ POSS.2SG-GEN, *Мумыз* (*мумыз*, *мумиз*) ‘его мать’ POSS.3SG-NOM, *Мумизлэн* ‘у его матери’ POSS.3SG-GEN, *Мумизлы* ‘его матери’ POSS.3SG-DAT, *Мумизлэсь* ‘от его матери’ POSS.3SG-ABL);
- 9) *ним* ‘имя’ (*нимыныз* ‘его именем’ INS-POSS.3SG, *нимыд* ‘твое имя’ POSS.2SG-NOM, *нимыз* (*нимыз*) ‘его имя’ POSS.3SG-NOM) < **ФУ** *nime (? *lime);
- 10) *ныл-ни* ‘дитя’ (*нылыз-ниез* ‘его дитя’ POSS.3SG-NOM) < **ФУ** *nejde (*nejde/*nejde);
- 11) *син* ‘глаз’ (*синмы* ‘мой глаз’ POSS.1SG-NOM, *синмыз* ‘его глаз’ POSS.3SG-NOM) < **ФУ** *šilmä;
- 12) *сюлэм* ‘сердце’ (*сюлмын* ‘сердцем’ INS) < **ФУ** **šidä(-mV)* (**šüdä(-mV)*);
- 13) *төл* ‘ветер’ (*төлын* ‘ветром’ INS) < **ФУ** *tule.

э-, ы (и) - огласовка

- 1) *айы* ‘отец’ (*Aie* (*Aié*) ‘мой отец’ POSS.1SG-NOM, *ауз* ‘его отец’ POSS.3SG-NOM, *Аузлы* ‘его отцу’ POSS.3SG-DAT) < **ФУ** *äje (*äjä);
- 2) *вир* ‘кровь’ (*Вирэ* ‘моя кровь’ POSS.1SG-NOM, *Вирыз* ‘его кровь’ POSS.3SG-NOM) < **ФУ** *wire;
- 3) *мугор* ‘тело’ (*Мугоры* ‘мое тело’ POSS.1SG-NOM, *Мугорыз* (*мугорыз*) ‘его тело’ POSS.3SG-NOM, *Мугорэныз-Вирэ* ‘его кровь с телом’ INS-POSS.3SG).

Анализ этого материала позволяет сделать следующий вывод. Изменения огласовок суффиксов у современных носителей огласовки в первых кириллических книгах отличались от описанных в статье В. В. Понарядова на материале фольклорных текстов 40—50-х годов XX века следующим образом: в конце XIX века ы-огласовки суффиксов употреблялись значительно чаще, чем в середине XX века, а слова, имеющие э-огласовки суффиксов в языке первых книг с небольшими изменениями сохранились до настоящего времени⁶. Иллюстрируя это, можно дать статистику

⁶ Есть всего 2 исключения, когда в языке первых книг представлена э-основа, а в фольклорных текстах ы-основа: [Наставление 1891] *амал* ‘способ’ (*амалэн* ‘способом’ INS) — фолькл. *амал* ‘сноровка’ (1), [Наставление 1891]

по сравнительному анализу употребления *ы*-огласовок в тексте [Наставление 1891] (периферийно-южный диалект: шошминский говор) и в материалах статьи В. В. Понарядова, оказывается, что из 21 лексемы, которые имеют *ы*-огласовку без колебаний в [Наставление 1891] и [Закон Божий 1912], и отмечены в материалах статьи, 15 слов сохранили *ы*-огласовку и в фольклорных текстах, а 3 лексемы, которые в текстах [Наставление 1891], [Закон Божий 1912] имели *ы*-огласовку, в фольклорных текстах были отмечены только с *э*-огласовкой:

1) [Наставление 1891] *möl* ‘ветер’ (*mölyn* ‘ветром’ INS), [Закон Божий 1912] (*mölyn* ‘ветром’ INS) — фолькл. *möl* ‘ветер’ *э*-огласовка (1) < ФУ *tule;

2) [Наставление 1891] *murt* ‘человек’ (*murtы* ‘мой человек’ POSS.1SG-NOM) — фолькл. *murt* ‘человек’ *э*-огласовка (7) < ФУ *mertä (заимствовано из иранских языков);

3) [Наставление 1891] *мени* ‘мать’ (1 *э*-основа) — фолькл. *мени* ‘мать’ (7/2).

Еще в 3 лексемах в фольклорных текстах наблюдаются колебания типа основ, в первых книгах представлена *ы*-основа:

1) [Закон Божий 1912] *ныл* ‘дочь’ (*ныл-ыз-ни-ез* ‘его дочь и сын’ дочь-POSS.3SG сын-POSS.3SG) < ФУ *nejde > фолькл. *ныл* ‘дочь’ (13 *ы*-основа / 1 *э*-основа);

2) [Наставление 1891] *визь* ‘разум’ (*вижмызлы* ‘его разуму’ POSS.3SG-DAT), [Закон Божий 1912] *визьм* ‘ум’ (*визьм-ыны-зы* ‘их умами’ INS-POSS.3PL) — фолькл. *визь* ‘ум’ (23 *ы*-основа / 1 *э*-основа);

3) [Наставление 1891]: *сям* ‘привычка’ (*сямыз* ‘его привычка’ POSS.3SG-NOM) — фолькл. *сям* ‘характер; обычай’ (7 *ы*-основа/2 *э*-основа).

Таким образом, почти в 30% процентах случаев с конца XIX по середину XX века произошла перестройка типа огласовки: *ы* было частично или полностью заменено на *э*-огласовку.

Интересно, что данные современных диалектов показывают еще большую скорость изменений: у носительницы 1943 г. р. представлена система, близкая описанная той, что представлена в фольклорных текстах, а носителя 1989 г. р. в большинстве случаев *ы*-огласовки основы уже полностью или частично заменены *э*-огласовками. Так, те 70% лексем, которые сохранили стабильную *ы*-огласовку в 40—50-х гг. XX в., по сравнению с концом XIX в., в XXI веке уже тоже почти полностью принимают *э*-огласовки.

Так, становится очевидным, что в фольклорных текстах 40—50-х гг. XIX в. представлен просто промежуточный этап приобретения лексемами с *ы*-огласовками суффиксов *э*-огласовок. Именно поэтому весьма много слов и в этих текстах, и у современных носителей имеют колебания. Интересно, что даже у двух сестер, проживших всю жизнь в одном селе, наблюдаются существенные различия в огласовках суффиксов, и они касаются именно слов, которые в фольклорных текстах и первых книгах относились к *ы*-основам. Характерно, что и современная «норма» употребления *ы*-огласовок суффиксов, зафиксированная в словарях удмуртского языка имеет ряд отличий и от фольклорных текстов и от результатов опроса носителей.

Итак, можно сказать, что, вероятно, выводы В. В. Понарядова, действительно, с определенной погрешностью работают для языка в 40—50-х гг. XX в. (ср. незначительное количество отклонений в языке носительницы 1943 г. р.), но они не позволяют описать ни более ранний материал первых книг, ни язык современных носителей. И, к сожалению, эти выводы не позволяют даже с уверенностью сказать, играли ли типы ФУ основ, реконструируемые в [UEW 1991] существенную роль для развития удмуртских огласовок суффиксов, или, наоборот, подтверждает ли удмуртский материал правильность реконструкции гласных второго слога в [UEW 1991], потому что гипотеза В. В. Понарядова описывает менее 50% исконных лексем, представленных в фольклорных текстах, при этом этот материал для *ы*-основ был значительно перестроен даже по сравнению с XIX веком.

Но статья В. В. Понарядова, безусловно, важна, поскольку она позволила на новом уровне знаний (наличие на сайтах Национальной библиотеки Финляндии и Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге около 100 онлайн версий удмуртских книг, созданных в XIX и даже XVIII веках, доступность аудиословарей современных диалектов и конкордансов и глоссированных корпусов ранее не описанных первых книг на сайте lingvodoc.ispras.ru и возможность пополнять этот сайт новыми материалами для любого ученого, с целью возможности эксплицитной проверки правильности выводов) обратиться к теме происхождения огласовок удмуртских суффиксов. Представляется, что дальнейший анализ этого материала по первым книгам XVIII и XIX веков в дальнейшем позволит внести большую ясность в вопрос о связи удмуртских огласовок суффиксов с ФУ типами основ.

müs ‘образ’ (*müses* (*müсэс*) ‘его образ’ POSS.3SG-NOM), [Закон Божий 1912] *mүс* ‘облик’ (*mүсэныз* ‘обликом’ INS-POSS.3SG) — фолькл. *mүс* ‘облик’ (2).

Литература⁷

Бакула 2016 — Бакула В. Б. Вокализм первого слога в кильдинском диалекте саамского языка по данным Евангелия от Матфея (1878) // Урало-алтайские исследования. 2016, 3. С. 13—33. {*Bakula V. B. Vocalism of the first syllable in the Kildin dialect of the Sami language based on data from Matthew's Gospel (1878) // Ural-Altaic Studies. 2016. Vol. 3. P. 13—33.*}

Безенова 2016а — Безенова М. П. Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке 1891 г.: графические и вокалические особенности // Урало-алтайские исследования. 2016, 1. С. 7—40. {*Bezenova M. P. The Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language (1891): graphical and vocalic specifics // Ural-Altaic Studies. 2016. Vol. 1 (20). P. 7—40.*}

Безенова 2016б — Безенова М. П. Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке 1891 г.: особенности консонантизма // Урало-алтайские исследования. 2016, 3. С. 46—63. {*Bezenova M. P. The Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language (1891): consonantism specifics // Ural-Altaic Studies. 2016. Vol. 3 (22). P. 46—63.*}

Закон Божий 1912 — Закон Божий: Книжка с картинками для маленьких детей. На вотском языке глазовского наречия. Часть I, 1912. {*Religious instruction: A picture book for small children. In the Glazov dialect of the Votyak language. Part I, 1912.*}

Ключева, Норманская 2015 — Ключева М. А., Норманская Ю. В. Первые луговомарийские буквари 1870-х гг.: лингвистический обзор. Часть I. Введение. Гласные звуки и буквы для них // Урало-алтайские исследования. 2015, 3. С. 18—63. {*Klyucheva M. A., Normanskaya Yu. V. The first Meadow Mari alphabet books (1870s): a linguistic review. Part I. Introduction. Vowels and letters for them // Ural-Altaic Studies. 2015. Vol. 3. P. 18—63.*}

Наставление 1891 — Наставление христианское святителя Тихона на вотском языке. 1891. (Ӝеч кылӝӝс. Святой Тихонлэн ӝечлы дышетэм кылӝӝсыз). {*The Christian admonition of St. Tikhon in the Votyak language. 1891.*}

Норманская 2015а — Норманская Ю. В. Новые полевые и архивные данные по мансийским диалектам и их значение для прамансийской реконструкции системы вокализма первого слога, Урало-алтайские исследования. 2015, 4. С. 63—78. {*Normanskaya Yu. V. New field and archival data on Mansi dialects and their significance for the reconstruction of the Proto-Mansi system of the first-syllable vocalism // Ural-Altaic Studies. 2015. Vol. 4. P. 63—78.*}

Норманская 2015б — Норманская Ю. В. Ударение в первых книгах на селькупском языке, созданных Н. П. Григоровским в XIX веке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2015, 4. С. 9—17. {*Normanskaja Yu. V. Accent in the first Selkup books, created by N. P. Grigorovsky in XIX century // Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. 2015. Vol. 4. P. 9—17.*}

Норманская 2016 — Норманская Ю. В. Евангелие от Матфея 1878 как памятник точной фиксации архаического состояния кильдинского диалекта // Урало-алтайские исследования. 2016, 3. С. 34—45. {*Normanskaya Yu. V. 1878 Gospel according to Matthew as a precise fixation monument of the Kildin dialect in archaic state // Ural-Altaic Studies. 2016. Vol. 3. P. 34—45.*}

Дыбо, Норманская 2016 — Дыбо А. В., Норманская Ю. В. Первые кириллические книги на казахском языке как источники для изучения диалектов // Урало-алтайские исследования. 2016, 4. С. 139—153. {*Dybo A. V., Normanskaya Yu. V. First Cyrillic books in Kazakh as sources for dialect studies // Ural-Altaic Studies. 2016. Vol. 4. P. 139—153.*}

Норманская, Каримова, Эмба 2017 — Норманская Ю. В., Каримова Р. Н., Эмба З. Н. В. В. Катаринский — автор первой кириллической книги на башкирском языке? // Урало-алтайские исследования. 2017, 2. С. 46—53. {*Normanskaya Yu. V., Karimova R. N., Ekba Z. N. Is V. V. Katarinski the author of the first Bashkir-language book? // Ural-Altaic Studies. 2017. Vol. 2. P. 46—53.*}

Норманская, Кошелюк 2017 — Норманская Ю. В., Кошелюк Н. А. Архивный пелымско-русский словарь, составленный русским священником о. Константином Словцовым, как источник, позволяющий оценить точность записей в мансийских словарях А. Каннисто и Б. Мункачи // Урало-алтайские исследования. 2017, 3. С. 151—161. {*Normanskaya Yu. V., Koshelyuk N. A. Archival Pelym-Russian dictionary, compiled by the Russian priest, father Konstantin Slotvsov, as a source for estimating the accuracy of recordings in the Mansi dictionaries of A. Kannisto and B. Munkácsi. // Ural-Altaic Studies. 2017. Vol. 3. P. 151—161.*}

Нуриева 2015 — Нуриева Ф. Ш. Диалектная основа книг на «крещено-татарском» языке второй половины XIX века // Урало-алтайские исследования. 2015, 2. С. 67—74. {*Nurieva F. Sh. Dialectal basis of the books in “Kresheno-Tatar” language of the second half of the 19th century // Ural-Altaic studies. 2015. Vol. 2 (17). P. 67—74.*}

Нуриева 2017 — Нуриева Ф. Ш. Языковой памятник говора сергачских мишарей: текст исповеди XIX века // Урало-алтайские исследования. 2017, 3. С. 161—174. {*Nurieva F. Sh. A linguistic monument of the Sergach Mishars' dialect: a confession text from the 19th century // Ural-Altaic Studies. 2017. Vol. 3. P. 161—174.*}

⁷ Остальные литературные источники и сокращения взяты из статьи В. В. Понарядова.

Савельев 2016 — *Савельев А. В.* Чувашский перевод одной проповеди середины XIX века // Урало-алтайские исследования. 2016, 1. С. 68—105. {*Savelyev A. V.* Chuvash translation of a mid-19th century sermon. Ural-Altaiic Studies. 2016. Vol. 1. P. 68—105.}

Шаймердинова 2016 — *Шаймердинова Н. Г.* Анализ системы консонантизма в казахских памятниках конца XIX — начала XX вв // Урало-алтайские исследования. 2016, 4. С. 128—138. {*Shaymerdinova N. G.* Analysis of the consonantism system in Kazakh monuments of late 19th — early 20th cent. // Ural-Altaiic Studies. 2016. Vol. 4. P. 128—138.}

UEW 1991 — *Redei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I—III. Budapest, 1986—1991.

Сокращения

Языки и диалекты

ФУ — прафинно-угорский язык   фолькл. — фольклорный

Общие

1, 2, 3 — лицо
ABL — аблатив
ADV — адвербиаль
DAT — датив
GEN — генитив

INS — инструменталь
NOM — номинатив
PL — множественное число
POSS — посессивный суффикс
SG — единственное число

РЕЗЮМЕ

В дискуссионной заметке представлен анализ гипотез, предложенных в статье В. В. Понарядова о связи *ы/э*-огласовок суффиксов в удмуртском языке и прафинно-угорских основ, с точки зрения диахронической типологии и проверки на материале других удмуртских источников разных периодов (архивных и полевых данных).

SUMMARY

In this discussion article we have analyzed the hypotheses proposed in the paper by V. V. Ponaryadov about the connection that *ы/э*-vowels of the suffixes in the Udmurt language have with Proto Finno-Ugric stems, from the perspective of diachronic typology. We have also checked Ponaryadov's rule on the material of other Udmurt sources from different periods (archival and field data).

Ключевые слова: Удмуртский, диалекты, полевые данные, архивные данные, финно-угорский язык, типы основ

Keywords: Udmurt language, dialects, field data, archival data, Finno-Ugric language, types of stems

Норманская Юлия Викторовна, Институт языкознания РАН (Москва); julianor@mail.ru

Yulia V. Normanskaya, Institute of Linguistics (Moscow); julianor@mail.ru

Безенова Мария Петровна, Институт языкознания РАН (Москва); mary_kaj@mail.ru

Maria P. Bezenova, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow); mary_kaj@mail.ru

Labor est etiam ipse voluptas...

(к 50-летию со дня рождения удмуртского лингвиста М. А. Самаровой)

2017 год является юбилейным для Миры Анатольевны Самаровой — кандидата филологических наук, доцента, заведующего кафедрой общего и финно-угорского языкознания Удмуртского государственного университета, почетного зарубежного члена Финно-угорского общества (Хельсинки, Финляндия), члена термино-орфографической комиссии Удмуртской Республики, одного из ведущих специалистов в области удмуртской ономастики и топонимики.

1. Слово о юбиляре

М. А. Самарова (Фролова) родилась 20 декабря 1967 г. в д. Вортчино Шарканского района Удмуртии. Окончив в 1984 г. Кыквинскую среднюю школу, поступила на удмуртско-русское отделение филологического факультета Удмуртского государственного университета. В 1989-м году, успешно завершив обучение в университете, молодой специалист проработала один год учителем начальных классов в средней школе № 10 г. Ижевска. В 1990 г. она была приглашена на работу в Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО АН СССР (впоследствии УИИЯЛ УрО РАН), где работала старшим лаборантом, затем младшим научным сотрудником до 1994 года. В качестве объекта своих научных изысканий молодой ученый выбрала ономастику, которая к тому времени была одним из малоизученных направлений удмуртской лингвистики. Многочисленные экспедиции по территориям современных Игринского, Дебесского, северной части Шарканского и Якшур-Бодьинского районов позволили собрать богатый материал. Для систематизации лингвистических данных М. А. Самарова в 1994 году поступила в аспирантуру Удмуртского государственного университета (научный руководитель — известный финно-угровед, доктор филологических наук, профессор Валея Кельмакович Кельмаков). На сегодняшний день ей накоплен большой фактический материал в виде аудиотекстов и расшифрованных записей диалектной речи. Ежегодно эта база данных увеличивается, так как продолжаются экспедиции. Служение науке зовёт юбиляра к новым, еще не изведанным горизонтам.

К своему юбилею М. А. Самарова подходит с богатым научным багажом. Она — автор более 50 научных трудов, в том числе учебников, учебных пособий, научно-методических изданий. О чем бы юбиляр ни писала, она всегда обнаруживает широту научных интересов, глубину и точность мышления, умение видеть научную проблему с разных точек зрения.

2. М. А. Самарова — ведущий исследователь в области удмуртской ономастики

Фиксация названий удмуртских собственных имен началась задолго до возникновения самой науки — ономастики. Начало собиранию онимов на территории проживания удмуртов было положено еще в XVIII веке, главным образом, путешественниками, историками, этнографами и др. Ономастический материал представлен также в более ранних переписных и исторических документах. Учитывая вышесказанное, в истории изучения топонимии Удмуртии ученые традиционно выделяют три этапа [Самарова, Кириллова 2016: 29]:

а) первый период длится от первых упоминаний в книгах переписей XVI—XVIII вв. до 80-х гг. XIX в. и характеризуется лишь фиксацией топонимов без их научного осмысления;

б) второй период (с конца XIX в. до 60-х гг. XX в.) является началом системного подхода к изучению удмуртской ономастики. И. Н. Смирновым, Г. Е. Верещагиным, Б. Мункачи, М. Г. Худяковым и др. предприняты первые попытки этимологического анализа и классификации топонимов;

в) современный период (начиная с 60-х гг. XX в.) характеризуется становлением ономастики как отдельной научной дисциплины. Продолжая традиции удмуртских ученых Г. А. Архипова, Т. И. Тепляшиной, С. К. Бушмакина, М. Г. Атаманова, Л. Е. Кирилловой, Мира Анатольевна Самарова своими научными трудами углубила теоретические основы удмуртской ономастики, исследуя особенности удмуртских топонимических и антропонимических моделей, выделяя апеллятивные основы удмуртских имен, фамилий, прозвищ и др.

Первые результаты проведенных исследований были отражены в кандидатской диссертации «Микротопонимия Верхней Чепцы», которую М. А. Самарова успешно защитила в 1999 году (научный руководитель — проф. В. К. Кельмаков). В указанной работе были представлены лексико-семантические и структурно-словообразовательные модели системы микротопонимов Верхней Чепцы, где под микротопонимом исследователь вслед за Н. В. Подольской рассматривает «собственное имя (чаще) природного физико-географического объекта, (реже) созданного человеком, имеющее узкую сферу употребления: функционирующее в пределах лишь микротерритории, известное узкому кругу людей, живущих вблизи именуемого микрообъекта» [Самарова 2010: 16]. Автор исследования приходит к выводу о том, что на формирование микротопонимической системы бассейна реки Чепца большое влияние оказывают особенности ландшафта, а также история заселения данной территории. Проанализировав свыше 8000 лексических единиц, удмуртский исследователь делает попытку выявления этимологии большинства из них. На основе проведенного анализа М. А. Самарова утверждает, что «все семантическое многообразие микротопонимов сводится к трем принципам номинации: 1) собственные природные свойства объектов (например, *кэ́зыт ошмес* ‘холодный ключ’, *чэбер возь* ‘красивая поляна’ и др.), 2) связь объектов с человеком (в частности, *пыш ты* ‘водоем для замачивания конопли, льна’, *йэ́гит пылас’кон* ‘место, где купается молодежь’ и др.); 3) отношение к другим объектам (например, *поворот сэ́рэг* ‘сворачивающая дорога, букв. поворот + угол’ (и др.))» [Самарова 2010: 44].

Кандидатская диссертация легла в основу монографии «Наименования топообъектов Верхней Чепцы» (2010). Топонимическому анализу подвергаются наименования 208 населенных пунктов, расположенных на территориях современных Дебесского, Игринского, Шарканского и Якшур-Бодьинского районов Удмуртской Республики. Изучая закономерности появления и особенности функционирования названий географических объектов, исследователь дает богатый материал для разработки общей теории образования удмуртских топонимов, для установления типовых топооснов. Как подчеркивает автор научного труда, «изрезанность рассматриваемой территории речными долинами и балками проявляется в изобилии употребления в микротопонимии рассматриваемого региона географических апеллятивов: *н’ук* (в 1395 названиях) ‘лог’, *ошмес* (в 408 названиях) ‘родник’, *шур* (в 309 названиях) ‘река’» [Самарова 2010: 115]. С точки зрения лексико-семантических признаков, в системе микротопонимии Верхней Чепцы названия, образованные от нарицательной лексики, составляют 56,6 % от общей доли микротопонимов, а названия, образованные от собственных имен, — 43,4%. В структурном отношении преобладают сложные наименования (81,4%). Доля простых микротопонимов составляет 16,5 %, составных — 2,1%. Необходимо особо подчеркнуть, что, в отличие от русского языка, где имеется большой пласт микротопонимов, образованных морфологическим способом, в системе удмуртского языка в качестве простых микротопонимов функционируют чаще всего эллиптированные и эпексегетические микротопонимы. Как отмечает исследователь, «один из компонентов сложных названий в потоке речи может подвергаться эллипсису. В стремлении названий к упрощению своей формы проявляется принцип языковой экономии. Значительная часть простых наименований возникает в результате эллипсиса. Но необходимо подчеркнуть, что не все простые названия являются эллипсисами. Иногда, при наличии в микротопонимической системе параллельно существующих простых и сложных форм, трудно решить, какая из них первична, потому что ряд названий, являющиеся по своему происхождению простыми, могут, наоборот, усложняться топографическими апеллятивами (ср. *чэ́ткэр* ‘гора’)» [Самарова 2010: 112]. Если, с одной стороны, название стремится к упрощению, с другой, происходит обратное явление, когда к простому по форме названию может присоединиться апеллятив. Примерами такого эпексегезиса «могут быть топографические термины с затемненным значением ср. *чэ́ткэр/ гурэ́зь* ‘гора + гора’; тавтологические названия *вож/ йак* (с’ик) ‘зеленый лес + лес’» [Самарова 2010: 114].

Исследуя роль данного труда в развитии удмуртской топонимической науки, необходимо подчеркнуть, что актуальность работы усиливается еще и тем, что с изменением социально-экономических условий происходят существенные сдвиги и в топонимической системе Удмуртской Республики: процессы урбанизации, массовое исчезновение малых деревень и др. Все это влияет на экосистему удмуртской топонимии. Более того, уходит поколение людей, хорошо знавшее названия малых топообъектов, а вместе с ними утрачиваются знания о топонимической системе в целом.

Не ограничиваясь изучением микротопонимии отдельного региона, М. А. Самарова в своих трудах обращается к изучению различных аспектов ономастики. Список публикаций М. А. Самаровой весьма разнообразен: ученый рассматривает собственные имена разных групп на фоне межкультурных контактов, изучает историю их возникновения, отражение в художественной литературе («Элементы язычества в микротопонимии» (1992); «Антропонимы в поэзии Д. А. Яшина» (1993); «Орографические апеллятивы в оронимии Верхней Чепцы» (1997); «Происхождение села Шаркан и его названия» (2000); «Апеллятивы русского происхождения в микротопонимии Верхней Чепцы» (2000); «Одноименные названия» (2006); «Поэтические топонимы в поэзии Ф. Васильева» (2014) и др.).

Понимая важность подготовки кадров в области удмуртской ономастики, ученый обращает внимание и на разработку учебных пособий по исследуемой проблематике. Так, в соавторстве с известным топонимистом Л. Е. Кирилловой было подготовлено издание «Удмуртская ономия I. Оноимы реальной действительности» (2016), адресованное студентам, аспирантам, специалистам, интересующимся вопросами ономастики. Учебное пособие состоит из двух частей. В первой части освещаются общие вопросы теории ономастики, определяется статус ономастики как раздела языкознания, её объект и предмет изучения, рассматривается связь ономастики с другими науками. Вторая часть учебного пособия посвящена ономастическому пространству: в этой части освещаются вопросы антропонимики, топонимики, космонимики, а также анализируются фитонимы и зоонимы удмуртского языка. В учебном пособии имеется также приложение, где представлены основные ономастические термины, а также программа-вопросник, нацеленная на сбор ономастического материала.

Данное пособие позволяет читателям понять, что имена собственные всех групп (топонимы, антропонимы, космонимы и т. д.) составляют огромный пласт в системе удмуртского языка, имеют разное происхождение и выполняют различную функцию. В частности, рассматривая антропонимическую систему удмуртского языка, исследователи отмечают: «антропонимические системы не являются раз и навсегда данной, они подвергаются изменениям (...) На удмуртский антропонимикон огромное влияние оказали сначала тюркская, а затем русская антропонимические системы. С усилением контактов с тюркскими народами в удмуртский именник стали проникать тюркские имена. После христианизации в XVIII—XIX вв. исконно удмуртские и заимствованные тюркские имена стали вытесняться русскими календарными именами, но долгое время, вплоть до начала XX в., они существовали в качестве второго имени, употребляющегося неофициально в социуме деревни. Но еще до официального принятия христианства удмурты заимствовали многие имена из русского антропонимикона» [Самарова, Кириллова 2016: 71].

Таким образом, данное издание не только представляет оригинальную концепцию образной номинации в системе удмуртского языка и типологии языковой номинации, но и позволяет глубже заглянуть в историю удмуртского народа, изучить отдельные вопросы его этнокультурного и экономического контактирования с другими народами. В частности, ученые отмечают, что в микропонимах удмуртского народа «широко отразились народные обычаи и обряды, связанные с календарными праздниками: *акай'капужым ~ акашкапужым* 'сосна, около которой во время Пасхи скакали на лошадях', *таганкыз* 'ель с подвешенными на нее качелями, на которых качались во время Пасхи' и др.» [Самарова, Кириллова 2016: 167].

Научные труды М. А. Самаровой по топонимике бесспорно относятся к золотому фонду удмуртской ономастики. Ее авторитет в данной области признается и тем, что она является членом Терминоорфографической комиссии Удмуртской Республики, основной задачей которой является развитие удмуртского литературного языка, пополнение его словарного запаса, упорядочение терминовотворчества, орфографии и топонимии.

3. М. А. Самарова — специалист в области методики преподавания финно-угорских языков

Высоки заслуги М. А. Самаровой и в области методики преподавания удмуртского языка как государственного. Необходимо подчеркнуть, что проблема создания учебников и учебных пособий для не-удмуртов не нова. Историография данного вопроса включает три основных этапа:

- а) 1920—1937-е гг.;
- б) 1938—1990-е гг.;
- в) с 1990-х г. до наших дней.

Каждый этап развития характеризуется своими особенностями. Если в 1920—37-е гг. традиция составления учебников по удмуртскому языку лишь зарождалась, а в 1938—1990-е гг. и вовсе не разрабатывалась, то на сегодняшний день количество предлагаемой учебной литературы по удмуртскому языку как государственному языку Удмуртской Республики отличается большим разнообразием, что дает возможность каждому преподавателю и обучающемуся выбрать свой учебник. Предлагаемые учебники и учебные пособия можно разделить условно на следующие группы:

а) учебники, адресованные иностранным студентам (так, среди учебных пособий, востребованных в зарубежных вузах, можно отметить труды В. К. Кельмакова и С. Хяникияйнен [Kel'makov, Hännikäinen 1999], Иштвана Козмача [Kozmács 2002], Жан-Люка Моро [Moreau 2009], Эберхарда Винклера [Winkler 2011] и др.;

б) учебники, предназначенные для студентов и слушателей с разными родными языками и разными направлениями подготовки, желающих получить базовый уровень знаний по удмуртскому языку;

в) учебники, предназначенные для повторения лексико-грамматических знаний, умений и навыков по удмуртскому языку;

г) учебники для школьников, изучающих удмуртский язык как государственный в рамках учебной программы (см. об этом: [Кондратьева 2014: 356—360]).

Несмотря на большой выбор учебной литературы по удмуртскому языку, с выходом учебного пособия удмуртского языка для начинающих «Лабыр-лабыр лабыртом» («Поговорим от души») (2011, 2013) (в соавторстве с О. Б. Стрелковой) преподавание удмуртского языка в вузе вышло на новый уровень: учебное пособие составлено по образцам современных европейских учебников по иностранным языкам, где гармонично соединены теоретические сведения и соответствующие им упражнения по грамматике удмуртского языка, диалоги и коммуникативные задания, а также тексты для чтения, представляющие собой этнокультурный материал. Учебное пособие включает 18 уроков и дополнительно семь небольших литературных произведений, способствующих развитию навыков чтения. Пять главных героев связывают основные тексты сквозным сюжетом и знакомят с культурой, обычаями и повседневной жизнью удмуртского народа. Текст, предложенный в структуре каждого из уроков, представляет собой синтез нового материала и повторение пройденного. Грамматический материал приводится в таблицах, при необходимости с развернутыми примерами и подробными комментариями. Каждый урок связан с несколькими грамматическими и лексическими темами, для закрепления которых в конце занятия следует блок упражнений. В грамматическом приложении даны таблицы склонения имен существительных и местоимений, спряжения глаголов. Примечательно, что в учебном пособии присутствуют задания с разным уровнем сложности. Так, тексты для самостоятельного чтения имеют достаточно высокий уровень сложности, незнакомые языковые формы приводятся в дополнительных сносках.

По причине отсутствия аналогичных изданий такого уровня рассматриваемое учебное пособие сразу же вызвало большой интерес среди целевой группы и стало наиболее востребованным в области преподавания удмуртского языка (как в Удмуртской Республике, так и в зарубежных вузах), о чем свидетельствует и возникшая необходимость его переиздания. О высоком уровне этого учебного пособия свидетельствует и то, что его материалы были успешно апробированы на международных летних курсах «Язык и вербальная культура удмуртского народа», которые ежегодно организуются в Удмуртском государственном университете.

Издание «Лабыр-лабыр лабыртом» получило реализацию и в электронном информационном пространстве. По материалам учебника ведутся занятия в дистанционном формате на сайте tangua.ru, под руководством М. А. Самаровой создан и электронный формат учебника. Любители языков найдут здесь еще и финскую версию учебника.

Тонкое языковое чутьё, умение сопоставить, выделить интересный лингвистический и этнокультурный материал — вот те черты, которые необходимы составителю учебных пособий по языку, чтобы издание оказалось востребованным в преподавании. Все это присуще М. А. Самаровой как автору методических пособий не только по удмуртскому языку, но и по финскому («*Harjoituksia*», 2002, «*Miten menee?*», 2010, в соавторстве с Н. В. Кондратьевой, К. Хууско и др.) и коми («*Чолём*», 2007) языкам.

4. М. А. Самарова — перспективный современный руководитель

М. А. Самарова воплощает в себе гармоничный синтез талантливого ученого и блестящего педагога. Начиная с 1999 года и по сей день, судьба Миры Анатольевны неразрывно связана с историей кафедры общего и финно-угорского языкознания. Пройдя путь от ассистента кафедры до заведующего, она отлично знает учебный процесс изнутри; находится в постоянном поиске инновационных форм и методов преподавания филологических дисциплин; активно участвует и побеждает в конкурсах учебно-методических изданий различного уровня. Можно с уверенностью сказать, что Мира Анатольевна соединила в себе лучшие черты филолога: интеллигентность, преподавательскую и личную культуру, а также очевидную осведомленность в своей области знания.

М. А. Самарова уделяет самое пристальное внимание воспитанию и подготовке научных кадров в области удмуртской филологии. Под ее руководством выполнены многие десятки курсовых, выпускных квалификационных работ. Для своих учеников Мира Анатольевна становится не просто компетентным советчиком, а мудрым наставником, абсолютно не ограничивающим их внутренней свободы, но при этом в высшей степени тонко и деликатно направляющим в нужное русло. Под ее руководством студенты и магистранты института принимают участие в научных мероприятиях различного уровня и занимают призовые места. Наиболее одаренные выпускники продолжают обучение в аспирантуре, создавая хороший потенциал для развития удмуртской ономастики.

Можно только восхищаться поистине неисчерпаемым творческим потенциалом, феноменальной работоспособностью, абсолютной бескорыстностью, обостренным чувством справедливости, требовательностью по отношению прежде всего к себе. Но самое важное — Мира Анатольевна с неподдельной любовью относится к своей работе, поэтому и достигает высоких результатов. Как говорили древние римляне, *Labor est etiam ipse voluptas* ‘Труд доставляет удовольствие’.

5. Вместо заключения

Коллектив института удмуртской филологии, финно-угроведения и журналистики сердечно поздравляет Миру Анатольевну Самарову с юбилеем и желает удачи, здоровья, неиссякаемой жизненной и творческой энергии, чтобы претворить в жизнь новые планы, замыслы.

Литература

Кондратьева 2014 — *Кондратьева Н. В.* Учебники и учебные пособия по удмуртскому языку как государственному: история и современное состояние / Многоязычие в образовательном пространстве = Plurilinguisme et éducation. 2014, Т. 5. С. 355—361. {*Kondratyeva N. V.* Textbooks and guide books of the Udmurt language as an official one: History and present state/ Multilinguism in education. Vol. 5. 2014. P. 355—361.}

Самарова 2010 — *Самарова М. А.* Наименования топообъектов Верхней Чепцы. Ижевск, 2010. {*Samarova M. A.* Names of topographic objects of Upper Cheptsä. Izhevsk, 2010.}

Самарова, Кириллова 2016 — *Самарова М. А., Кириллова Л. Е.* Удмуртская онимия I. Онимы реальной действительности. Ижевск, 2016. {*Samarova M. A., Kirillova L. E.* Udmurt onymy I. Onyms of the real world. Izhevsk, 2016.}

Kel'makov, Hännikäinen 1999 — *Kel'makov V., Hännikäinen S.* Udmurtin kielioppia ja harjoituksia. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1999.

Kozmács 2002 — *Kozmács, I.* Udmurt nyelvkönyv. Szeged, 2002.

Moreau 2009 — *Moreau J.-L.* Parlons oudmourte (Ойдолэ вераськом удмурт сямен). Une langue finno-ougrienne. Un peuple d'Europe. Paris: L'Harmattan, 2009.

Winkler 2011 — *Winkler E.* Udmurtische Grammatik. Wiesbaden, 2011.

РЕЗЮМЕ

В данной статье представлен краткий анализ творческой биографии удмуртского лингвиста Миры Анатольевны Самаровой. Анализируется вклад ученого в развитие удмуртского языкознания.

SUMMARY

This work contains a biographical sketch of Mira Samarova, an Udmurt linguist. The author analyzes her contribution to the development of Udmurt linguistics, in particular considering her publications in onomastics, as well as her work in language teaching.

Ключевые слова: удмуртский язык, топонимика, ономастика, учебники по удмуртскому языку

Keywords: the Udmurt language, onomastics, toponymy, Udmurt language books

Кондратьева Наталья Владимировна, Удмуртский государственный университет (Ижевск); nataljakondratjeva@yandex.ru

Natalia V. Kondratieva, Udmurt State University (Izhevsk); nataljakondratjeva@yandex.ru

Стрелкова Ольга Борисовна, Удмуртский государственный университет (Ижевск); olstr@mail.ru

Olga B. Strelkova, Udmurt State University (Izhevsk); olstr@mail.ru

Требования к оформлению статей / Style sheet

Резюме

Просьба приложить к статье два резюме: 1) написанное на языке статьи, 2) написанное на одном из языков сборника (напоминаем, что это русский, английский, немецкий), но не на языке статьи.

Оформление

Допустимые форматы файла: .rtf или .doc.

Просим Вас также обязательно присылать текст в формате .pdf или распечатку.

Должны использоваться шрифты, поддерживающие Unicode.

В начале статьи указываются фамилия автора и место его работы.

Заголовки выделяются **полужирным шрифтом**.

Языковые примеры выделяются *курсивом*; смысловые выделения отмечаются **полужирным шрифтом** или **разрядкой**.

Примеры, которые занимают отдельную строку или абзац, просьба нумеровать; номера ставятся в начале в круглых скобках.

Длинные цитаты даются как отдельный абзац и отделяются в начале и в конце одной пустой строкой.

Цитаты заключаются в «кавычки».

Переводы и значения выделяются ‘одинарными (марровскими) кавычками’.

Просьба не расставлять переносы.

Язык и орфография

В статьях на английском языке просьба последовательно придерживаться британского или американского варианта и соответствующей орфографии; в статьях на немецком языке — старых либо новых орфографических правил.

Если статья написана не на родном языке автора, мы рекомендуем дать текст на вычитку носителю языка.

Библиографические ссылки

В тексте статьи по образцу:

в квадратных [] скобках Фамилия год: страница (страницы) (например, [Aijmer 1996: 22—25]).

В конце статьи дается список использованной литературы по приводимым ниже образцам.

Если статья написана не на русском языке, то в библиографии к ней работы на русском и других языках с кириллическим шрифтом можно дать отдельным блоком, без латинской транскрипции. В любом случае ссылка в тексте статьи должна соответствовать написанию в списке литературы.

Summaries

Please provide two summaries: 1) in the language of your paper, 2) in one of the languages of the journal (Russian, English, German), but not in the language your paper is written in.

Formatting

The file is to be submitted in one of the following formats: .rtf or .doc.

Please also add either a .pdf version or a hard copy of the text.

Please use Unicode fonts.

Please indicate the author's name and affiliation on the title page.

Headings have to be **boldfaced**.

Use *italics* for language data; **boldface** or **s p a c i n g** for emphasis.

Please number language examples which are not in the body of the text; enclose each number in parentheses.

Please format long quotations as separate paragraphs; add one blank line before and after them.

Please use «double quotes» for quotations.

Please use ‘single quotes’ for meanings.

Please do not hyphenate the document.

Language and spelling

In English articles please use consistently either British or American norm and the respective spelling; in German articles please follow either the old or the new orthography rules.

If the paper is not written in the author's native language, we highly recommend to have it checked by a native speaker.

References

In the body of the text please use the following format:

[Name year: page(s)] (e.g. [Aijmer 1996: 22—25]).

In papers not in Russian works in Cyrillic can be listed separately, without Latin transcription. In any case, their spelling must be identical with the references cited in the text.

At the end of the paper add a list of references as exemplified below.

Примеры оформления библиографии / Sample lists of references

Монография, словарь с именами авторов на титульном листе / Monographic work or dictionary with author's (authors') name(s) on the title page

Грунина 1991 — *Грунина Э. А.* Историческая грамматика турецкого языка. М., 1991.

Janhunen 1977 — *Janhunen J.* Samojedischer Wortschatz: Gemeinsamojedische Etymologien. Helsinki, 1977.

Коллективная монография, словарь с именем ответственного редактора на титульном листе / Collection of papers or dictionary with editor's (editors') name(s) on the title page

Этническая история 1982 — Этническая история народов Севера / Отв. ред. *Гурвич И. С.* М., 1982.

Lessing 1960 — *Mongolian-English Dictionary* / Ed. *Lessing F.* Berkeley; Los Angeles, 1960.

Статья в коллективной монографии, сборнике / Paper in an (edited) book

Дёрфер 1986 — *Дёрфер Г.* О языке гуннов // *Зарубежная тюркология*. Вып. 1. Древние тюркские языки и литературы. М., 1986. С. 71—134.

Дмитриев 1958 — *Дмитриев Н. К.* О тюркских элементах русского словаря // *Лексикографический сборник*. Вып. 3. М., 1958. С. 3—47.

Kiefer, Gyuris 2006 — *Kiefer F., Gyuris B.* Szemantika // *A magyar nyelv kézikönyve* / Ed. *Kiefer F.* Budapest, 2006.

Nikolaeva 2005 — *Nikolaeva I.* Agreement and linguistic construal // *Uralic languages today* / Ed. *Fernandez-Vest J.* Paris, 2005.

Статья в журнале / Journal paper

Иллич-Свитыч 1963 — *Иллич-Свитыч В. М.* Алтайские дентальные: *t, d, δ* // *ВЯ*. 1963, 6. С. 37—56.

Clark 1980 — *Clark L. V.* Turkic Loanwords in Mongol. I: The Treatment of non-initial *s, z, š, č* // *Central Asiatic Journal*. 1980. Vol. 24, 1—2. P. 23—45.

Doerfer 1969 — *Doerfer G.* Ein altosmanisches Lautgesetz im Kurdischen // *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. 1969. Bd. 62. S. 250—263.

Цифровые и интернет-источники / Digital and Internet sources

Helimski 2007 — *Helimski E.* База данных энецкого языка // www.helimski.com, 2007.

Редактор
Е. В. Ковалева

Компьютерная верстка
В. Ю. Гусев

Адрес редакции
125009, г. Москва, Б. Кисловский пер., 1, корп. 1,
Отдел урало-алтайских языков

Телефон
+7 (495) 691-63-06

Editor
Elena Kovaleva

Computer typesetting
Valentin Gusev

Editorial office
125009, Moscow, B. Kislovskiy sidestr., 1, 1,
Department of Uralo-Altaic languages

Phone
+7 (495) 691-63-06

ISSN 2079-1003

9 772079 100004 >